

Александр АХМАТОВ

Хроника времени
Гая Мария,
или Беглянка
из Рима



Александр Ахматов

**Хроника времени Гая Мария,
или Беглянка из Рима.
Исторический роман**

«Издательские решения»

Ахматов А.

Хроника времени Гая Мария, или Беглянка из Рима. Исторический роман / А. Ахматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837697-9

Конец II века до нашей эры. Могущественный Рим, покоритель почти всех стран Средиземноморья, отпраздновал окончание войны с Югуртой, царем Нумидии. Но радость римлян омрачена их тяжелыми поражениями в Галлии, куда вторглись многочисленные германские племена кимбров и тевтонов. Рим лихорадочно готовится к войне. Страхом и неуверенностью римлян пытаются воспользоваться угнетенные рабы. Близ города Капуи вспыхивает рабское восстание, которое возглавил римский всадник Тит Минуций...

ISBN 978-5-44-837697-9

© Ахматов А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	33
Глава четвертая	41
Глава пятая	47
Глава шестая	57
Глава седьмая	67
Глава восьмая	76
Глава девятая	85
Глава десятая	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Хроника времени Гая Мария,
или Беглянка из Рима
Исторический роман
Александр Ахматов**

© Александр Ахматов, 2017

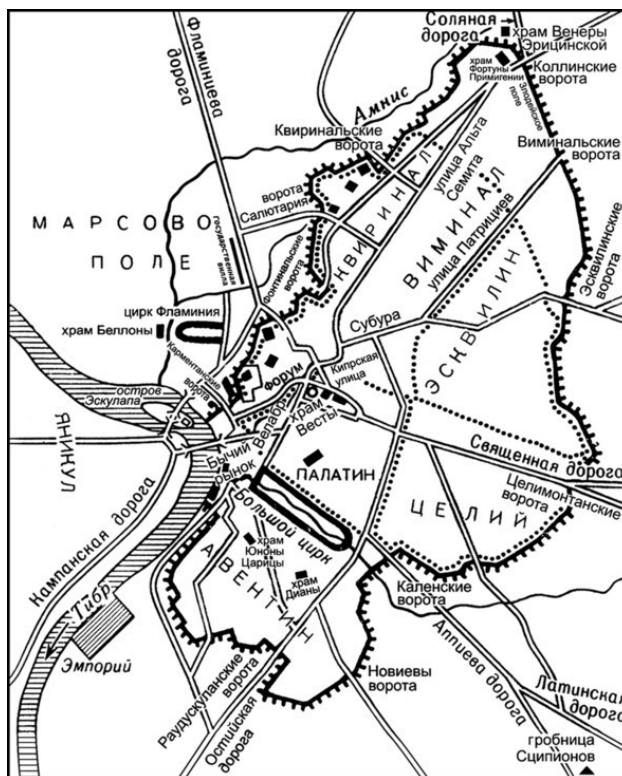
© В. А. Жуков, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7697-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

ИГРОК



План Рима времен Республики

Глава первая ТОРЖЕСТВО МАРИЯ

В январские календы¹ (1 января) 649 года от основания Рима² Гай Марий³ праздновал триумф⁴ над Югуртой⁵, царем нумидийским...

На рассвете шумные толпы народа стали занимать улицы и площади города, откуда можно было увидеть шествие. Двери храмов распахивались настежь. Святылища наполнялись венками и благовонными курениями. На Форум, Велабр и Бычий рынок сходились тысячи зрителей. Они поднимались на деревянные ступенчатые помосты, специально сооруженные там по случаю большого торжества. Со склонов Палатинского и Авентинского холмов нескончаемые вереницы людей, все в белых праздничных одеждах, спускались в Мурцийскую долину, к Большому цирку. Из густонаселенных кварталов Эсквилина, Виминала и Квиринала оживленные и крикливые толпы, двигаясь по извилистым и тесным улицам к Фонтинальским, Санквальским и Карментанским воротам, высыпали за городские стены, на Марсово поле⁶, которое уже все пестрело, словно цветами, яркими нарядами участников предстоящего шествия. Зрители частью собирались на Овощном рынке, близ Карментанских ворот, частью заполняли портики храмов Дианы и Всаднической Фортуны, стоявшие на пути к Фламиниеву цирку, или спешили прямо в цирк, где согласно обычаю должен был начаться триумф.

Там уже было полно народа. По свидетельству античных писателей, цирк Фламиния вмещал до сорока тысяч зрителей. На арене суетились общественные служители и рабы, посыпая ее чистым желтым песком. Арена имела двести восемьдесят шагов в ширину и по всей длине была разделена невысокой стеной, называвшейся спиной, на которой стояли статуи богов, священные обелиски и маленькие алтари. Во время торжественных церемоний здесь совершались жертвоприношения. На восточной и западной оконечностях спины возвышались меты в виде пирамидальных столбов. Рядом с каждой из них стояли подставки на колоннах. На одной лежали семь бронзовых дельфинов, на другой – семь бронзовых яиц. Когда в цирке устраивались колесничные ристания, служители снимали с подставок по одному яйцу и одному дельфину всякий раз, как только колесницы совершали, огибая спину, полный круг по арене, и так продолжалось до тех пор, пока на последнем, седьмом, круге не приносилась к финишу победившая упряжка.

¹ *Календы* – первый день месяца в древнеримском календаре.

² *649 год от основания Рима* – Согласно преданию город Рим был основан в 754—753 гг. до н. э. Римляне вели летосчисление от основания Рима. 649 г. от основания Рима соответствует 104 г. до н. э.

³ *Гай Марий* – римский полководец и политический деятель, семь раз избиравшийся консулом. Происходил из простой крестьянской семьи. В первый раз стал консулом в 107 г. до н. э., провел военную реформу, положившую начало замене гражданского ополчения постоянной армией наемников. Летом 105 г. до н. э. победоносно завершил войну с нумидийским царем Югуртой. В 102 г. до н. э. разгромил полчища тевтонов близ Акв Секстиевых, а в 101-м уничтожил кимвров под Верцеллами, избавив Рим и Италию от величайшей опасности. В дальнейшем возглавил демократическую группировку в Риме, выступив против аристократической партии, и силой захватил власть, но вскоре умер (86 г. до н. э.).

⁴ *Триумф* – торжественный въезд в Рим полководца-победителя, сопровождавшийся шествием должностных лиц, сенаторов, жрецов, демонстрацией военной добычи и пленных. За триумфатором, ехавшим на колеснице, двигалось его победоносное войско.

⁵ *Югурта* – царь Нумидии (древней страны в Северной Африке, приблизительно и отчасти совпадающей с территорией нынешнего Алжира). Устранив своих соправителей, сделался единоличным владыкой царства, одержал ряд побед над римлянами, вмешавшимися в нумидийские дела, причем широко использовал подкуп римских должностных лиц и полководцев. В 105 г. до н. э. потерпел поражение от Мариа и попал в плен. Проведенный по Риму в триумфальном шествии, Югурта был брошен в тюрьму, где его уморили голодом (104 г. до н. э.).

⁶ *Марсово поле* – посвященная Марсу, римскому богу войны, равнина на берегу Тибра. Военный плац и место для военных собраний.

В цирк стекались и главные виновники торжества – гордые легионеры Мария, сменившие воинские доспехи на праздничные тоги⁷ и украсившие головы лавровыми венками. Их должно было явиться сюда, по меньшей мере, около двадцати пяти тысяч человек из шести легионов⁸, принимавших участие в нумидийском походе. Здесь, в цирке, солдат ожидали вручение боевых наград и раздача денежных подарков от имени триумфатора, после чего все они должны были присоединиться к шествию, следуя за колесницей своего прославленного полководца.

Триумф привлек в Рим немало жителей Лация⁹, которым хотелось собственными глазами увидеть закованного в цепи царя Нумидии, столь долго издевавшегося над римским могуществом. Среди приезжих были также представители союзников римского народа, колоний¹⁰ и муниципиев¹¹. Они явились в Вечный город с золотыми венками, чтобы почтить ими Юпитера Всеблагого и Величайшего¹².

День обещал быть прекрасным. Это первое январское утро выдалось теплым и ясным, словно сам отец богов, в честь которого устраивалось празднование триумфа, решил порадовать римлян хорошей погодой. Ни одним облачком не было омрачено чистое голубое небо. Из-за отдаленных пламенеющих пурпуром горных вершин поднималось солнце, золотившее склоны Альбанских холмов. Оно вступало в победную борьбу с туманом, который клубился над Тибром и Марсовым полем, сливаясь с дымом догорающих солдатских костров на лагерьной стоянке африканских легионов.

Хотя по старинному обычаю полководец, вернувшийся с войны, обязан был распустить своих воинов по домам, Марий с согласия сената удержал их в лагере. В Риме сохранялась тревожная обстановка, после того как кимвры¹³, вторгшиеся в Нарбоннскую Галлию¹⁴, уничтожили три месяца назад при Араузионе¹⁵ две консульские армии, повергнув в ужас Рим и всю

⁷ *Тога* – верхняя одежда свободных римских граждан.

⁸ *Легион* – римское воинское соединение. После военной реформы Мария легион насчитывал 5—6 тыс. солдат.

⁹ *Лаций* – область в Средней Италии, примыкавшая к побережью Тирренского моря. Центром Лация был Рим. Сами римляне принадлежали к племени латинов (латинян) и говорили на латинском языке. Однако лишь немногие жители Лация имели права римского гражданства. Большинство их обладало особым статусом латинского гражданства, стоявшего ниже римского.

¹⁰ *Колония* – поселение римских граждан, выведенное на завоеванную землю и управлявшееся на основании римских законов. Жители колоний пользовались полным правом римского гражданства.

¹¹ *Муниципий* – покоренная община Италии. Муниципии имели внутреннее самоуправление, но были лишены права голоса в римских собраниях.

¹² *Юпитер* – римский национальный верховный бог, отождествленный с греческим Зевсом; царь неба, богов и людей. Храм Юпитера Всеблагого и Величайшего – главная святыня Рима – находился на вершине Капитолийского холма. Собственно, триумф был религиозным актом в честь Юпитера, а сам триумфатор выступал в роли этого бога, одетый в его пурпурные одежды, которые он получал напрокат из храмовой сокровищницы.

¹³ *Кимвры* – народ германского происхождения, живший первоначально на берегах Северного моря, как предполагают, на полуострове Ютландия. В 113 г. до н. э. они появились в Восточных Альпах, разбили римского консула Гнея Папирия Карбона, а затем через Рейн и Юрские горы проникли в Галлию (совр. Швейцария и Франция). Здесь они заключили союз с тигуринцами, обитавшими в нынешней Швейцарии. В 109 г. до н. э. кимвры разбили армию консула Марка Юния Силана, а в 107 г. отправили часть своих сил – племя амбронов – на помощь тигуринцам, которые нанесли поражение консулу Луцию Кассию Лонгину близ Леманского (ныне Женевского) озера, причем сам консул пал в сражении. Особенно тяжелым для римлян было поражение под Араузионом в 105 г. до н. э. В этой битве они потеряли сразу две армии. Но кимвры не воспользовались своей победой и не пошли на Рим, избрав объектом нападения Испанию, откуда, встретив упорное сопротивление местных племен, двинулись вдоль морского побережья на север, пока не достигли земель, населенных белгами (совр. Бельгия). Соединившись в этих местах с родственным народом – тевтонами, кимвры договорились с ними о совместном походе на Италию. В своем движении оба народа разделились: кимвры избрали более длинный и трудный северный путь с целью увлечь с собой союзников-тигуринцев, а тевтоны быстро достигли римских владений в Южной Галлии, встретившись с армией Мария близ устья Родана (Роны). При Аквах Секстиевых тевтоны были разбиты наголову (102 г. до н. э.). Между тем кимвры заставили отступить армию консула Квинта Лутация Катула, однако в следующем, 101, году к нему на помощь явился Марий, и в битве при Верцеллах кимвры почти полностью были уничтожены.

¹⁴ *Нарбоннская Галлия* – римская провинция, занимавшая область в Южной Галлии (ныне Прованс во Франции) с главным городом Нарбоном (откуда и название). В описываемое время была захвачена кимврами.

¹⁵ *Араузион* – город в Нарбоннской Галлии, на берегу Родана. Близ него в октябре 105 г. до н. э. две римские армии – одна под командованием консула Гнея Манлия Максима, другая во главе с проконсулом Квинтом Сервилием Цепионом –

Италию. Марий и его солдаты, испытанные в сражениях Нумидийской войны, были единственной надеждой и защитой Рима в случае внезапного нападения воинственных, окрыленных своими победами полчищ германцев.

Лагерь занимал пространство по обе стороны уходящей на север от города Фламиниевой дороги. С западной ее стороны крайние ряды палаток примыкали к берегу небольшого ручья, разделявшего почти пополам все Марсово поле и впадавшего в Тибр напротив острова Эскулапа. К югу от Государственной виллы¹⁶ и лагеря, ниже по ручью, на его правом берегу, стоял древний храм Беллоны¹⁷. От него напрямик через ручей пролегал путь, вымощенный альбанским камнем. Он соединял храм с цирком Фламиния.

В этот ранний час в храме Беллоны началось торжественное заседание сената¹⁸, на котором по традиции в честь полководца, удостоившегося триумфа, произносились хвалебные речи и зачитывалось особое постановление с перечнем его заслуг перед римским народом.

Марию назначен был однодневный триумф, и по этому поводу многие из его горячих приверженцев выражали недовольство. Они считали, что борьба с Югуртой по своей трудности не уступала войне с Персеем¹⁹, царем Македонии, за победу над которым Эмилий Павел²⁰ получил триумф, продолжавшийся три дня. Но, как бы то ни было, сам Марий должен был испытывать огромное чувство удовлетворения и беспредельного торжества. Ведь первое его избрание в консулы²¹ знать восприняла словно какую-то прихоть Фортуны, неожиданным образом пославшей «новому человеку»²² благоволение народа. Мог ли кто-нибудь предположить тогда, что всего через два года Марий будет удостоен неслыханной чести, получив вместе с триумфом и второе консульство?

Но на этот раз избрание Мария не было знаком одного лишь простого расположения к нему большинства граждан, отдавших за него свои голоса на выборах, чтобы досадить высокомерной и обесславившей себя знати. Оно объяснялось страхом всех римлян перед кимврами.

Когда в Рим пришла весть о великом побоище под Араузионом и над всей Италией невиданным ужасом нависла страшная туча гиперборейских полчищ, гордые потомки Квирина²³, до той поры считавшие, что перед их доблестью должны склоняться все народы, впервые вынуждены были признать: с воинственными пришельцами из Германии им придется вести борьбу не за славу или галльские владения, а ради собственной безопасности. Состоявшиеся вскоре после этого центуриатные комиции²⁴ специальным постановлением вручили Марию

потерпели жесточайшее поражение от кимвров. По некоторым сообщениям, в этой битве погибло свыше 80 тыс. римлян и их союзников, не считая 40 тыс. обозников, солдатских рабов и торговцев.

¹⁶ *Государственная вилла* – общественное поместье на Марсовом поле, служившее обычным местом пребывания в нем иноземных послов, а также полководцев, которые ожидали триумфа (до начала триумфа полководец не имел права войти в город). Здесь же содержались знатные пленники и хранилась военная добыча.

¹⁷ *Беллона* – римская богиня войны, сестра Марса.

¹⁸ *Сенат* – высший государственный совет в Риме эпохи Республики. В состав сената входили главным образом бывшие магистраты (консулы, преторы, квесторы и др.). Созывать сенат могли высшие магистраты: диктаторы, консулы, преторы. Сенат представлял интересы крупных землевладельцев.

¹⁹ *Персей* – последний царь Македонии, сын Филиппа V. Вступил в войну с Римом, но потерпел поражение. Умер в плену (166 г. до н. э.).

²⁰ *Луций Эмилий Павел* – консул 168 г. до н. э., одержавший победу над македонским царем Персеем.

²¹ *Консул* – высшее должностное лицо в республиканском Риме. Ежегодно избирались два консула.

²² *«Новый человек»* – так называли в Риме незнатного человека, который первым в своем роду добился высокой государственной должности, особенно консульства. Гай Марий был уроженцем деревни Церраты в области города Арпина, жители которого получили права римского гражданства в 188 г. до н. э.

²³ *Потомки Квирина* – то есть исконные жители Рима (римляне считали себя потомками Ромула, легендарного основателя Рима; сам Ромул после смерти был обожествлен, и его культ слился с культом Квирина, древнейшего римского божества, вошедшего в триицу главных римских богов вместе с Юпитером и Марсом).

²⁴ *Центуриатные комиции* – народное собрание, учрежденное, согласно преданию, шестым римским царем Сервием Туллием, разделившим всех римских граждан на центурии, которые в свою очередь подразделялись на шесть разрядов в зависи-

заочно (он тогда еще находился в Африке) консульскую власть как лучшему полководцу республики²⁵. Одна лишь знать яростно противилась его избранию, требуя соблюдения установлений предков, но в ответ раздавались гневные речи о том, что и раньше приходилось жертвовать законом в интересах общественной пользы, что и Сципион Африканский²⁶ стал консулом, когда римлянам нужно было лишь Карфаген²⁷ разрушить, а теперь гибель угрожает их собственному городу. Очевидно, из одной только ненависти к оптиматам²⁸ народное собрание отклонило кандидатуру Квинта Лутация Катула²⁹, опытного в военном деле, и вторым консулом был избран Гай Флавий Фимбрия, известный как оратор и законовед, но мало проявивший себя на войне.

В это время многим приходили на память ставшие пророческими слова Сципиона Эмилиана, сказанные им как бы невзначай под осажденной Нуманцией³⁰ вскоре после того, как Марий, тогда еще никому не известный молодой солдат, поразил его своей силой и храбростью, сойдясь один на один с неприятельским воином и одолев его на виду у всего римского войска (за этот подвиг Сципион наградил храбреца венком и включил в число своих сопалатников). Потом рассказывали, что незадолго до падения Нуманции на пиру у Сципиона кто-то произносил восторженный панегирик в его честь и воскликнул: «Будет ли когда-нибудь у римского народа такой же вождь и защитник?», на что разрушитель Карфагена, хлопнув по плечу лежащего рядом Мария, сказал: «Будет. И, может быть, даже он».

Марий шел к консульству трудной дорогой. Под Нуманцией он получил звание военного трибуна³¹, потом был квестором³² и народным трибуном³³, а за двенадцать лет до нашего рассказа Марий неожиданно для всей знати победил на преторских выборах. Претура³⁴, как правило, открывала доступ к консульству, и надменные представители высшего сословия, считавшие консульскую должность своей особой привилегией, вознегодовали на безродного выходца из Арпинской земли, осмелившегося вплотную приблизиться к самой вершине государственного Олимпа. В ту пору знать уже оформилась в совершенно замкнутую касту. Марк Порций

мости от имущественного ценза таким образом, что наиболее состоятельные граждане всегда имели перевес при голосовании над малоимущими. На этом собрании избирались консулы, преторы, цензоры.

²⁵ Второй раз, то есть на 104 г. до н. э., Марий был избран в консулы с нарушением закона, так как заочное избрание не допускалось, и, кроме того, между двумя магистратурами полагался промежуток не менее трех лет.

²⁶ *Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший* (в отличие от Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего, победителя Ганнибала) – римский полководец; был избран консулом, хотя не достиг положенного возраста (у римлян при занятии государственных должностей существовал определенный возрастной ценз), и направлен против Карфагена (III Пуническая война), который он взял штурмом и разрушил в 146 г. до н. э. Впоследствии, в 133 г. до н. э., покорил и разрушил Нуманцию в Испании.

²⁷ *Карфаген* – древнейший город на северном побережье Африки (на территории нынешнего Туниса). Возник как финикийская колония, по преданию, около 800 г. до н. э. Вступил в борьбу с Римом за господство в Средиземноморье. В результате трех Пунических войн Карфаген потерпел полное поражение и был разрушен римлянами до основания в 146 г. до н. э.

²⁸ *Оптиматы* – название, применявшееся в Риме к сторонникам сената и аристократической формы правления. Им противостояли популяры (народная партия) – противники сенатской республики.

²⁹ *Квинт Лутаций Катул* – полководец и политический деятель, видный оптимат, консул 102 г. до н. э. Во время войны с кимврами командовал вместе с Марием римскими войсками в битве при Верцеллах. Покончил с собой в 87 г. до н. э., когда Рим был захвачен войсками Мария.

³⁰ *Нуманция* – крупный город в древней Испании, долгое время боровшийся за независимость против римлян. В 133 г. до н. э. был взят и разрушен Публием Корнелием Сципионом Эмилианом Африканским Младшим.

³¹ *Военный трибун* – высший офицерский чин в римской армии. В легионе их было шесть, и они командовали им по очереди, сменяя друг друга каждые два месяца.

³² *Квестор* – должностное лицо, ведавшее государственной казной и архивами. Провинциальные (военные) квесторы были помощниками наместников провинций, а иногда и замещали их.

³³ *Народный трибун* – должностное лицо, обязанностью которого была защита прав и интересов простого народа (плебеев). В описываемое время избирались ежегодно десять народных трибунов.

³⁴ *Претура* – вторая после консульства высшая магистратура. Претор ведал охраной внутреннего порядка и права, исполнял обязанности судьи, устраивал игры в цирке. Как и консул, после отправления своей должности непосредственно в городе Риме претор становился наместником какой-нибудь провинции.

Катон³⁵ был последним из тех «новых людей», которые время от времени проникали в нее. Поэтому успех Мария породил всякие толки, его подозревали в подкупе избирателей. Нашлись и обвинители, привлекая Мария к суду. Цензоры³⁶ поспешили вычеркнуть его имя из списков сенаторов. Впрочем, никаких серьезных улик против Мария не было. Все обвинение строилось на том, что во время голосования за оградой Септы³⁷ видели одного из рабов Кассия Сабакона, ярого приверженца Мария. Обвиняемый объяснил судьям, что он попросил раба принести ему напиток, так как в Септе было жарко и его мучила жажда. В конце концов суд вынес ему оправдательный приговор, выразив лишь порицание за невоздержанность. Несомненно, этот судебный процесс должен был показать Марию, что отныне он находится под недремлющим оком корпорации сенатской знати, которая никогда не допустит его к консульской должности.

По истечении срока своей городской претуры Марий получил в управление Дальнюю Испанию, одну из самых беспокойных римских провинций, где старую ненависть к римлянам не мог сдержать даже тот страх, который они внушали. Там шла настоящая война. Марий, возглавив провинцию, показал себя решительным и умелым полководцем. В течение короткого времени он заставил непокорные племена сложить оружие. Это была первая война, которую он выиграл под своими auspiciis³⁸ и которая в полной мере выявила его решительный характер, его привычку доводить до конца начатое дело, не останавливаясь перед крайними средствами.

Репутация его в Риме была безупречной. Но отношение к нему знати оставалось по-прежнему холодным и высокомерным. Женитьба арпинца на патрицианке из рода Юлиев³⁹ ничего не изменила. Между тем наступила пора неожиданных перемен, связанных со злополучной для знати Нумидийской войной. После принятия закона Мамилия⁴⁰ о попустительстве Югурте многие оптиматы, избалованные во взятках, полученных от нумидийского царя, с великим позором осуждены были на изгнание. Сокрушительные поражения римлян в войне с кимврами давали повод для обвинений всего знатного сословия в неспособности управлять делами государства. Впервые после Гракхов подняла голову партия популяров⁴¹, которая быстро набирала силу, используя малейший промах своих политических противников.

В консульство Марка Юния Силана⁴² и Квинта Цецилия Метелла⁴³ Марий отправился вместе с последним в качестве его легата⁴⁴ против Югурты. Метелл взял его себе в помощники,

³⁵ *Марк Порций Катон* – выдающийся римский политический деятель, консул 194 г. до н. э., непримиримый враг Карфагена, настаивавший на его безусловном разрушении. Автор сохранившегося трактата «О земледелии», содержащего ценные сведения о развитии хозяйства и экономики Италии во II в. до н. э.

³⁶ *Цензоры* – специальные должностные лица, проводившие один раз в четыре года ценз, иначе всеобщую перепись, введенную для римских граждан с целью упорядочения сбора налогов и военной службы. Во II в. до н. э. государственные налоги были отменены, и ценз превратился в обычную перепись гражданского населения. Наряду с этим цензоры составляли списки сенаторов, осуществляли надзор над нравственностью граждан и контроль над государственными финансами.

³⁷ *Септа* – огороженное место на Марсовом поле для голосующих, которые собирались и находились там после подачи голосов до конца выборов. Это делалось с целью, чтобы никто не мог проголосовать дважды.

³⁸ *Аuspiciis* у римлян называлось наблюдение за полетом вещей птиц (или за их криком, клевом и т. д.) с целью получения благоприятных или неблагоприятных предзнаменований. Этим занимались специальные жрецы-авгуры, но право производить аuspiciis имели только высшие магистраты (консулы, преторы, а также наместники провинций). Поэтому приведенное выше выражение (ходовое у римлян) имело отношение лишь к упомянутым магистратам. Только они имели право на триумф.

³⁹ Жена Мария Юлия была родной теткой Гая Юлия Цезаря.

⁴⁰ В 108 г. до н. э. народный трибун Гай Мамилий Лиметан в связи с неудачными военными действиями римских войск в Нумидии против Югурты провел в народном собрании закон «о попустительстве Югурте». Согласно этому закону лица, получавшие взятки от нумидийского царя, передававшие ему за деньги оружие, снаряжение, слонов, перебежчиков и т. д., предавались суду. Закон был направлен против коррумпированной знати, многие видные представители которой подверглись изгнанию.

⁴¹ Эта «партия» не была партией в современном значении слова. Она представляла собой пеструю по своему составу группировку политически активных людей, недовольных засильем знати в государственных структурах.

⁴² *Марк Юний Силан* – консул 109 г. до н. э., потерпевший в этом же году поражение от кимвров.

⁴³ *Квинт Цецилий Метелл Нумидийский* – консул 109 г. до н. э. В течение двух лет воевал с Югуртой, заставив его перейти

учитывая храбрость, боевой опыт и популярность, какой пользовался арпинец в солдатской массе.

Война началась успешно для римлян. Метелл нанес Югурте решительное поражение на реке Мутуле. Нумидийский царь пал духом и начал переговоры с Метеллом о сдаче. Но внезапно он отказался от капитуляции. Война вспыхнула с новой силой. Постепенно стало ясно, что пока жив Югурта, нумидийцы не откажутся от сопротивления. Наиболее крупные и хорошо укрепленные города по-прежнему были на стороне царя. Предпринятая Метеллом попытка овладеть крепостью Замой окончилась неудачей, а в захваченной после ожесточенного приступа Тале римляне не взяли никакой добычи, ибо последние из ее защитников, запершись в царском дворце, предали огню и себя, и хранившиеся там сокровища Югурты. Военные действия затянулись. Марий к этому времени успел наполнить всю Африку и весь Рим славой своего имени, выказав доблесть военачальника, способного довести до конца любую войну. Уже приближался срок центуриатных комиций, и Марий решил попытать счастья на консульских выборах.

В один прекрасный день он явился к Метеллу и, объявив о своем намерении, просил проконсула⁴⁵ дать ему отпуск для поездки в Рим.

Метелл очень холодно отнесся к затее своего легата. Одна только мысль, что этот простолюдин может появиться на Марсовом поле в тоге соискателя консульской должности, казалась ему кощунственной. Убежденный оптимат, он готов был грудью защищать привилегии своего благородного сословия. Он считал их священными.

Метелл потратил много слов, пытаясь убедить Мариа отказаться от неразумного, по его мнению, шага, который в конечном итоге не принесет человеку его положения ничего, кроме горького разочарования, но тот остался глух к его доводам. Проконсул был крайне раздражен упрямством легата. Пообещав ему на словах предоставить отпуск, Метелл долгое время под тем или иным предлогом оттягивал день отъезда. Из-за этого между ними произошел однажды неприятный разговор, во время которого Метелл бросил Марию высокомерные слова:

– Не торопись, милейший, покидать нас! Для тебя не поздно будет домогаться консульства вместе с моим сыном.

Надо сказать, сыну Метелла не было тогда и двадцати лет. Так было положено начало их вражде. Марий после этого, дав волю своему гневу, без всякого стеснения ругал Метелла в присутствии солдат, которыми он командовал в зимнем лагере под Утикой⁴⁶, и вместе с тем умело заискивал перед людьми из всаднического сословия⁴⁷. В Утике был многочисленный и сплоченный конвент римских граждан⁴⁸. В него входили различного рода дельцы, имевшие на африканской земле торговые и ростовщические интересы. Марий прекрасно знал, что у этих людей большие связи в Риме. Все они испытывали недовольство слишком вялыми, по их мнению, военными действиями в Нумидии. Они несли большие убытки из-за невозможности вести свои дела в условиях расстройств и бедствий, охвативших страну. Часто появляясь

к полупартизанской тактике. В 107 г. неожиданно был лишен командования, которое перешло к Марию, непримиримый враг популяров.

⁴⁴ *Легат*. – В описываемый период легатами назывались помощники римских полководцев, назначаемые с согласия последних сенатом из наиболее опытных в военном деле бывших магистратов.

⁴⁵ *Проконсул* – бывший консул, получивший от сената назначение управлять какой-нибудь провинцией. При этом под термином «провинция» римляне подразумевали как завоеванную территорию, «добычу римского народа», так и территорию, которую надо завоевать.

⁴⁶ *Утика* – старинный город, основанный финикийцами на африканском побережье Средиземного моря, к северо-западу от Карфагена.

⁴⁷ *Всадническое сословие (или всадники)* – по римской конституции граждане, обладающие высоким имущественным цензом. Они обязаны были служить в коннице, имея собственного коня и вооружение, приобретенное за свой счет. В мирное время это были торговцы, откупщики налогов, ростовщики и крупные землевладельцы.

⁴⁸ *Конвент римских граждан* – объединение, общество римских граждан, живущих в провинции.

на собраниях конвента, Марий произносил там пылкие речи, доказывая, что с Югуртой давно уже можно было покончить, но Метеллу, этому честолюбцу, упивающемуся своей властью в Африке, больше всего хочется, чтобы война длилась подольше, тем более что сенат назначил ему Нумидию в качестве провинции, пока над врагом не будет одержана полная победа.

Там же, в Утике, Марий познакомился и подружился с Гаудой⁴⁹, сыном Мастанабала⁵⁰. Тот приходился Югурте сводным братом. Царь Миципса⁵¹ в своем завещании включил его, человека болезненного и слабого умом, в список своих наследников после Адгербала⁵², Гиемпсала⁵³ и Югурты. Со смертью Массивы⁵⁴ Гауда остался единственным законным преемником Миципсы, не считая, разумеется, самого Югурты. Царственный нумидиец постоянно находился при римском войске, с нетерпением ожидая, когда с ненавистным братцем будет покончено и он получит возможность без особых хлопот занять трон под могущественным покровительством Рима.

Как-то Марий узнал, что Гауда претерпел обиду от надменности Метелла. Нумидиец жаловался, что в ответ на его просьбу выделить ему, «по обычаю царей», охранную турму⁵⁵ римских всадников, а также разрешить ставить свое кресло рядом с курульным креслом⁵⁶ Метелла. Последний отказал ему и в том, и в другом, так как, заявил он с обычной своей суровостью, Гауда еще не является царем.

Марий охотно выслушивал эти жалобы и со своей стороны всячески настраивал Гауду против Метелла, говоря о том, что негоже так поступать со столь выдающимся мужем, внуком великого Массиниссы⁵⁷, который не сегодня-завтра получит власть над всей Нумидией, причем это может произойти совсем скоро, если его, Мария, пошлют в качестве консула вести эту войну.

Этими и другими словами Марий так расположил к себе простодушного нумидийца, что тот через своих друзей, римских сенаторов, многие из которых были обременены долгами и по этой причине весьма дорожили приятельскими отношениями с будущим властителем богатейшего царства, оказывал постоянное воздействие на умы членов высшего совета римской державы в духе, благоприятном для своего нового друга.

Таким вот образом арпинец и вдали от Рима с успехом обрабатывал там общественное мнение в свою пользу. Солдаты, недовольные малой добычей и строгостями дисциплины, введенными Метеллом, писали домой, что не будет ни конца, ни предела этой войне, пока его не заменят Марием. Во всаднических кругах и в самом сенате все громче раздавались голоса, осуждавшие Метелла за медлительность и превозносившие военные таланты Мария. Незадолго до консульских выборов о нем уже говорила вся столица.

Метелл отпустил его всего за десять дней до центуриатных комиций. Марий из ставки проконсула тотчас выехал в Утику. Там он сел на корабль и при попутном ветре за четыре

⁴⁹ Гауда – болезненный и слабоумный наследник нумидийского трона, сводный брат Югурты, ставший после него царем Нумидии.

⁵⁰ Мастанабал – отец Югурты и Гауды. Правил Нумидией вместе с братьями Миципсой и Гулуссой.

⁵¹ Миципса – нумидийский царь, правивший страной после смерти Гулуссы и Мастанабала. Умер в 118 г. до н. э.

⁵² Адгербал – старший сын Миципсы. Боролся с Югуртой за власть в Нумидии, но потерпел поражение, попал в плен и был казнен.

⁵³ Гиемпсал – младший сын Миципсы. Погиб от рук убийц, подсланных Югуртой.

⁵⁴ Массива – сын Гулуссы, претендовавший на нумидийскую корону. Его Югурта устранил через наемного убийцу прямо в Риме.

⁵⁵ Турма – в римской коннице эскадрон численностью в 30 всадников.

⁵⁶ Курульное кресло – складная скамейка, отделанная слоновой костью. Она служила знаком отличия для ряда должностных лиц (напр., консулов, преторов, курульных эдилов и в том числе наместников провинций в звании проконсулов, пропреторов).

⁵⁷ Массинисса – царь Нумидии, возведенный на трон с помощью римлян по окончании II Пунической (Ганнибаловой) войны. Отец Миципсы, Гулуссы и Мастанабала.

дня пересек море, успев вовремя появиться в Риме. Ремесленники и сельские жители, узнав о его прибытии, бросили работу и толпами сопровождали его на Форум, где он в краткой речи просил дать ему консульство, обещая захватить Югурту живым или мертвым.

На выборах он одержал решительную победу: большинство центурий проголосовало за него. А в скором времени трибутные комиции⁵⁸ вынесли постановление передать Марию ведение войны в Нумидии, отменив тем самым решение сената о продлении полномочий Метелла. Последний, узнав о случившемся, был так потрясен, что не мог удержаться от слез в присутствии советников и военных трибунов, наговорив при этом много лишнего. Квириты⁵⁹ поразили его в самое сердце, ибо он страдал не столько от того, что у него отняли командование, сколько от того, что его передали именно Марию.

Новый главнокомандующий, прибыв в Африку, повел беспощадную истребительную войну. Вся Нумидия была предана опустошению и залита кровью. Впрочем, и Марий не оправдал в полной мере тех ожиданий, которые на него возлагали в Риме, потому что военные действия продолжались еще почти два года, пока предательство Бокха⁶⁰ не положило конец этой слишком затянувшейся эпопее.

По возвращении из победоносного похода Марий и его легионы застали Рим, полнившимся тревожными слухами. Из Нарбоннской Галлии сообщали, что кимвры явно готовятся к вторжению в Италию этой же весной, заключив союз с тигуринцами⁶¹, тектосагами⁶² и даже некоторыми германскими племенами. В самой Италии спешно собирались войска союзников. Из провинций отзывались все римские граждане, проходившие там военную службу. В сенате под воздействием страха, охватившего население, все больше склонялись к мысли, что необходимо привлечь к участию в войне войска союзных царей и тетрархов⁶³.

В городе, как это обычно бывает, молва передавала рассказы о чудесах, знамениях и грозных явлениях природы. Появилось множество халдеев⁶⁴ и прочих предсказателей будущего. Они указывали на неблагоприятное положение звезд и призывали римлян к совершению новых очистительных и умиловительных жертвоприношений богам и чуждым демонам, напоминая о кощунственном преступлении весталок⁶⁵, из-за которого разгневанные божества покарали Рим неудачами в войнах со скордисками⁶⁶, кимврами и тигуринцами. Они говорили, что искупительные человеческие жертвоприношения, совершенные десять лет назад по рекомен-

⁵⁸ *Трибутные комиции* – народное собрание по трибам (территориальным избирательным округам). Имущественный ценз в этих собраниях не играл роли, поэтому они были более демократичны, чем центуриатные комиции. В трибутных собраниях избирались народные трибуны, квесторы и ряд других должностных лиц. Постановления трибутных комиций считались законом.

⁵⁹ *Квириты* – торжественно-почетное наименование римских граждан.

⁶⁰ *Бокх* – царь Мавретании, страны в северо-западной Африке (к западу от Нумидии), тесть и союзник Югурты, которого он выдал римлянам.

⁶¹ *Тигуриинцы* – кельтский народ, обитавший в нынешней Швейцарии по северному побережью Леманского (Женевского) озера. Тигуриинцы воевали с римлянами в союзе с кимврами. В 102 г. до н. э. присоединились к походу кимвров в Италию, но в пути отстали и вернулись на родину.

⁶² *Тектосаги* – кельтский народ, живший на юге современной Франции (к северу от Марселя).

⁶³ *Тетрарх* – правитель небольшой области, обычно четвертой части страны.

⁶⁴ *Халдеи* – семитическое племя, появившееся в конце II тысячелетия до н. э. в южной части Месопотамии. Цари халдейской династии были основателями Ново-Вавилонского царства. Позднее в Риме халдеями называли астрологов, так как искусство гадания по звездам было заимствовано от вавилонских жрецов.

⁶⁵ *Весталки* – жрицы богини Весты, хранительницы неугасимого огня в ее храме, принявшие священный обет безбрачия и целомудрия. В Риме пользовались величайшим почетом, считаясь живыми воплощениями Весты – богини домашнего очага, домовитости и чистоты семейной жизни. Наряду с этим обычай налагал на них суровую ответственность. Если по вине весталки угасал священный огонь в храме, ее секли розгами. За нарушение обета целомудрия весталок живыми зарывали в землю. Упомянутое «кощунственное преступление» весталок относится к 114 или 113 г. до н. э. По Плутарху это были Эмилия, Марция и Лициния, уличенные в утрате девственности и казненные согласно обычаю.

⁶⁶ *Скордиски* – одно из племен Иллирии, горной страны на восточном побережье Адриатического моря (приблизительно на территории позднейших Далмации, Боснии и Албании). Союзники кимвров, нанешие поражение римлянам в 114 г. до н. э.

дации Сивиллиных книг⁶⁷, оказались явно недостаточными: жесточайший разгром сразу двух римских армий при Араузионе был явным тому свидетельством. От бродячих прорицателей не отставали и римские жрецы, толкователи знамений и различного рода предвестий. Они в один голос утверждали, что поражение под Араузионом явилось священным возмездием за святотатство Квинта Цепиона в Толозо и требовали привлечь его к судебной ответственности. Сенат, желавший хоть как-то успокоить народ, принял обет устроить десятидневные все-народные молебствия, если положение государства улучшится, а также назначил следователей по делу Цепиона.

На фоне всеобщей тревоги и уныния победа Мария над Югуртой выглядела особенно блестящей. Из Сирии приехала знаменитая пророчица Марта и сразу объявила Мария избранником Великой матери богов Кибелы⁶⁸ для спасения Италии. Огромное впечатление произвело на суеверные души римлян сообщение гарусника⁶⁹, который в день отъезда Мария из Африки увидел знамение, предвещавшее великое и славное будущее уроженцу Арпинской земли.

Торжественное заседание сената в храме Беллоны закончилось. Сенаторы выходили из храма, окруженного густой толпой жрецов, флейтистов, трубачей и общественных служителей. Сенаторы были одеты в ослепительно белые тоги. Головы их украшали венки из лавра. В руках они держали лавровые ветви. Построившись в колонну на дороге, ведущей к Фламиниеву цирку, сенаторы двинулись вперед и вскоре перешли через ручей по каменному мосту, направляясь к воротам цирка, называвшимися Триумфальными.

Цирк встретил их оглушительными рукоплесканиями и бурными приветствиями, которые вскоре переросли в мощный клич, повторяемый тысячами голосов:

– Ио! Триумф!.. Ио! Триумф!

Шествие возглавляли высшие магистраты республики: консул Гай Флавий Фимбрия и оба городских претора, Гай Меммий⁷⁰ и Луций Лициний Лукулл⁷¹. Рядом с ними шли принцепс сената⁷² Марк Эмилий Скавр⁷³ и консуляр⁷⁴ Квинт Цецилий Метелл Нумидийский, удостоившийся чести шествовать в почетном первом ряду за свои победы в Нумидии.

Прозвище «Нумидийский» Метелл по единогласному решению сената получил в позапрошлом году вместе с триумфом, который ему великодушно предоставило народное собрание, хотя война с Югуртой еще продолжалась.

Конечно, благородный и честолюбивый Метелл испытывал не самые лучшие чувства, принимая участие в сегодняшнем празднестве. Это было торжество его ненавистного врага, о котором он даже слышать не мог хладнокровно. Он с гораздо большей охотой провел бы

⁶⁷ *Сивиллины книги* – сборник предсказаний в греческих стихах, якобы составленный Сивиллой, пророчицей из Кум, и купленный за большие деньги Тарквинием Древним, пятым римским царем, у какой-то таинственной старухи. Он повелел хранить эти книги в подземелье храма Юпитера на Капитолии. Вопросать их могли только особо назначенные для этого должностные лица и только по приказанию сената. Человеческие жертвоприношения по «рекомендации» Сивиллиных книг были совершены после упомянутой выше казни весталок: на Бычьем рынке в Риме зарыли живыми двух гречанок и двух галлов.

⁶⁸ *Кибела* – мать богов и всего живущего на земле («Великая мать»), богиня плодородия во Фригии (Малая Азия); фригийский культ богини Кибелы был распространен во многих странах античного мира.

⁶⁹ *Гарусник* – гадатель по внутренностям животных во время жертвоприношений.

⁷⁰ *Гай Меммий* – известный политический деятель. В 111 г. до н. э., будучи народным трибуном, настоял на вызове Югурты в Рим, чтобы с его помощью разоблачить высокопоставленных лиц, бравших у него взятки. Позднее перешел на сторону оптиматов, и в 100 г. до н. э. был убит популярями во время драки, вспыхнувшей в народном собрании.

⁷¹ *Луций Лициний Лукулл* – претор 104 г. до н. э. Был женат на сестре Метелла Нумидийского. Подавил восстание рабов под предводительством Тита Минуция. В следующем, 103, году был направлен в Сицилию против восставших там рабов, одержал над ними победу в сражении при Скиртее, но в конце концов потерпел неудачу и подвергся изгнанию.

⁷² *Принцепс сената* – старший из сенаторов, «первоприсутствующий», имя которого ставилось первым в списке и который при голосовании в сенате первым приглашался высказаться.

⁷³ *Марк Эмилий Скавр* – влиятельный политик, происходил из обедневшей патрицианской семьи, но проложил дорогу к высшим должностям и большому богатству. Был консулом в 115 и 107 гг. до н. э. и пожизненно оставался принцепсом сената.

⁷⁴ *Консуляр* – бывший консул, не занимавший в данный момент никакой официальной должности.

этот день в своем загородном имении. Но Метелл собирался выставить свою кандидатуру на предстоящих в этом году цензорских выборах. Поэтому ему очень важно было произвести сегодня на сограждан благоприятное впечатление и не подавать лишнего повода для разговоров о своей непомерной гордыне. В данном случае он выглядел как человек, поставивший всеобщую радость победы над врагами Рима выше личной обиды.

Хотя в цирке стоял сплошной гул от аплодисментов и криков, все же можно было различить обращенные к Метеллу возгласы:

- Да здравствует Метелл!..
- Да здравствует Метелл Нумидийский!..
- Слава победителю при Мутуле!

Какая-то матрона, сидевшая в первом ряду, бросила к его ногам букет цветов и крикнула:
– Метелл! Ты начал эту войну, а Сулла⁷⁵ ее закончил!

Метелл ответил незнакомой своей почитательнице грустной улыбкой признательности. Эту фразу он часто слышал от друзей, которые, желая сделать ему приятное, с пренебрежением отзывались о заслугах Мария в Нумидии и не без основания утверждали, что этот выскочка еще долго испытывал бы терпение римлян, ждавших обещанной им быстрой победы, если бы не выдающаяся отвага Суллы и трусливое коварство Бокха. Слабое утешение для человека, считавшего, что у него вырвали из рук почти что одержанную победу!

- Ио! Триумф!.. Ио! Триумф! – гремел цирк.

Среди сенаторов можно было видеть консула предыдущего года Публия Рутилия Руфа⁷⁶, любимого народом за честность и справедливость. Четыре года назад он был легатом Метелла, особенно отличившись в сражении у реки Мутул, когда он отразил со своими солдатами наступление слонов и пехоты противника, пытавшегося захватить римский лагерь.

Зрители горячо приветствовали Квинта Фабия Максима Аллоброгика⁷⁷, покорившего аллоброгов⁷⁸ и наголову разбившего их союзника, царя арвернов⁷⁹ Битуита⁸⁰, а также Гая Секстия Кальвина⁸¹, одержавшего победу над саллювиями⁸² и основавшего первую римскую колонию по ту сторону Альп, названную в его честь Аквами Секстиевыми⁸³. Оба консуляра были уже в преклонных годах и почти отошли от государственных дел, но сегодня решили принять участие в утомительной церемонии триумфа, чтобы напомнить квиритам, приунывшим после Араузиона, о своих славных победах в Галлии.

Сенаторы, проходя по арене под несмолкаемые приветствия и аплодисменты зрителей, покидали цирк через выход, обращенный к городским стенам. Они выходили на дорогу, по обочинам которой теснились толпы горожан. Ликторы и общественные служители наводили среди

⁷⁵ *Луций Корнелий Сулла* – будущий полководец и политический деятель. Служил войсковым квестором в армии Мария во время Югуртинской войны, прославившись тем, что убедил мавретанского царя Бокха выдать римлянам Югурту. Впоследствии стал главой партии оптиматов, ярким врагом Мария и популяров. Одержав победу над понтийским царем Митридатом VI Евпатором, вернулся в Италию и, захватив Рим, жестоко расправился со своими политическими противниками. Установил свою бессрочную диктатуру, но в 78 г. до н. э. неожиданно отказался от власти и умер в том же году.

⁷⁶ *Публий Рутилий Руф* – консул 105 г. до н. э., участник Югуртинской войны. Впоследствии прославился своей неподкупной честностью, пытаясь вести борьбу с произволом римских откупщиков в провинции Азия, однако по ложному обвинению был осужден на изгнание и удалился в город Смирну, жители которой приняли его с почетом, помня его справедливое управление провинцией.

⁷⁷ *Квинт Фабий Максим Аллоброгик* – консул 121 г. до н. э., одержавший победу над коалицией галльских племен.

⁷⁸ *Аллоброги* – галльское (кельтское) племя, жившее в области к югу от Леманского (Женевского) озера.

⁷⁹ *Арверны* – галльское племя, обитавшее в нынешней Франции (департамент Аверон).

⁸⁰ *Битуит* – царь арвернов, потерпевший в 121 г. до н. э. поражение от римлян. Добровольно явился в Рим в качестве заложника и содержался под стражей в Альбе Фуцинской вместе с сыном своим Конгенатом. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁸¹ *Гай Секстий Кальвин* – консул 123 г. до н. э.

⁸² *Саллювии* – смешанное галльско-лигурийское племя в горной области близ Массилии (совр. Марселя).

⁸³ *Аквы Секстиевы* – римская колония примерно в 26 км к северу от Массилии – ныне курортный город Экс. Неподалеку от этого места в 102 г. до н. э. произошла битва между армией Гая Мария и тевтонами.

них порядок, расчищая проход для шествия. Сенаторы, помахивая лавровыми ветками, приближались к Карментанским воротам. Это был главный вход в город со стороны Марсова поля.

В это время на арене цирка показались музыканты, исполнявшие на трубах и флейтах священный гимн. За музыкантами двигалась процессия жрецов. Впереди шли девять авгуров, предсказателей будущего по полету и клеву священных кур. Это была древнейшая из жреческих коллегий. Авгурская должность была очень почитаема в Риме, но к предсказаниям авгуров относились с нескрываемой иронией даже набожные люди. Самому Катону, этому строгому защитнику римской старины и религии, приписывали слова о том, что авгуры во время своих гаданий едва удерживаются от смеха, глядя друг на друга.

Вслед за авгурами выступали фламины⁸⁴, возглавляемые жрецами Юпитера, Марса и Квирина. Все они были в длинных белых одеждах из виссона⁸⁵ и в головных повязках, напоминавших остроконечную митру⁸⁶ с прикрепленной к ней миртовой веткой.

Потом шли жрецы Марса Градива, или «Марса, шествующего в бой». Это были рослые и сильные молодые люди в медных шлемах, в пурпурных туниках и трабеях – белых плащах с пурпурными полосами, в бронзовых нагрудниках из прямоугольных или круглых пластин. На левом боку висели короткие мечи в ножнах, прикрепленных к широким бронзовым поясам. В руках они держали священные копыя и особые, с выемками по бокам, медные щиты. По преданию, один из этих щитов упал с неба в царствование Нумы Помпилия⁸⁷, который, боясь, что его похитят, приказал изготовить еще одиннадцать таких же щитов, чтобы нельзя было отличить от настоящего, и назначил для их охраны две коллегии жрецов из числа патрициев, по двенадцать человек в каждой. Кроме особо торжественных случаев, их можно было видеть только в марте, месяце, посвященном суровому богу войны, когда они проходили по улицам города, исполняя под звуки военных рогов священную пляску, представлявшую собой сложные и частые прыжки, отчего в народе называли их «салиями», то есть «прыгунами». Свой военный танец салии сопровождали песнопениями, слова которых восходили к столь седой древности, что сами римляне не понимали их смысла.

Толпа шумно рукоплескала. В цирк вступали все новые и новые жреческие коллегии: фециалы, в ведении которых находились объявление войны и заключение мира; арвальские братья, совершавшие ежегодно в мае обход городской черты и возносившие моления богам об обильном урожае; целомудренные девы-весталки, хранительницы неугасимого огня в храме Весты; септемвиры-эпулоны, в обязанности которых входило устройство религиозных пиршеств; священники-децимвиры, хранители и толкователи Сивиллиных книг; курионы, являвшиеся старшинами в тридцати патрицианских куриях, и, наконец, коллегия понтификов, надзиравшая над всеми общественными и частными культами во главе со своим верховным жрецом – великим понтификом.

После прохода жреческих коллегий по арене двинулся отряд легионных трубачей и горнистов. Они заиграли боевой марш, под звуки которого римские воины ходили в наступление. Одновременно со стороны Триумфальных ворот нарастал какой-то неясный, но грозный гул.

Вскоре на арену одна за другой стали выезжать боевые колесницы и походные повозки, запряженные великолепными нумидийскими лошадьми. На повозках везли оружие и доспехи, отнятые Марием у неприятеля.

Оружие сияло на солнце начищенной медью и железом. Груды воинского снаряжения насквозь пронизывали копыя и дротики. Все, что лежало на повозках, казалось нагроможденным без всякого порядка: колчаны были брошены поверх щитов, вперемешку со знаменами

⁸⁴ *Фламин* – жрец какого-нибудь определенного божества.

⁸⁵ *Виссон* – тонкая льняная ткань, которая считалась в древности предметом роскоши. Из виссона изготавливались царские и жреческие одежды.

⁸⁶ *Митра* – восточный головной убор, тюрбан. У греков и римлян его зачастую носили женщины и щеголи.

⁸⁷ *Нума Помпилий* – легендарный царь Рима, второй после Ромула, основателя города.

лежали конские уздечки, поножи и панцири. Воздух наполнился грохотом и лязгом сотрясавшегося на повозках оружия.

Вместе с боевым снаряжением пехотинцев и всадников везли осадные машины: тяжелые баллисты⁸⁸, легкие катапульты⁸⁹, скорпионы⁹⁰ и другие метательные орудия. На отдельных колесницах, убранных дорогами коврами и покрывалами, были установлены мраморные изваяния финикийских божеств, когда-то украшавшие площади и храмы Карфагена. Нумидийцы, грабившие и разрушавшие злополучный город вместе с римлянами, похитили из него священные статуи и реликвии, не ведая, что всего сорок лет спустя все это станет военной добычей их прежних союзников.

В грозную демонстрацию побежденного оружия вносили разнообразие картинные изображения покоренных Марием нумидийских городов, выполненные на широких прямоугольных полотнах. Первым среди них было изображение Капсы, в которой Марий приказал вырезать все взрослое мужское население, хотя город сдался без сопротивления.

Дружные аплодисменты зрителей вызвало появление людей, несущих громадное полотно с ярко размалеванной на нем сценой передачи Марию коленопреклоненного и связанного Югурты. Художник запечатлел полководца-победителя восседающим на курульном кресле в окружении легатов и военных трибунов.

Вслед за тем показались боевые слоны, покрытые широкими попонами, поверх которых раскачивались кожаные башни с сидящими в них людьми, изображавшими стрелков из луков. Югурта не раз использовал слонов в сражениях с римлянами, но последние еще со времен войны с Пирром⁹¹ научились успешно бороться с ними. Сами римляне редко применяли слонов в бою. Марий, готовясь к триумфу, распорядился доставить из Африки этих огромных животных на больших кораблях, предназначенных для перевозки конницы.

Далее потянулись вереницы людей в ярких красных одеждах. Одни из них несли серебряные щиты и слоновые бивни, другие высоко над головой держали чаши из серебра, золота и электра⁹². Большие серебряные и бронзовые ковши, доверху наполненные серебряными и золотыми монетами, несли на специальных носилках. Для показа зрителям часть монет была рассыпана прямо на коврах, покрывавших носилки. Помимо серебряных и золотых римских денариев⁹³, греческих драхм⁹⁴ здесь можно было увидеть македонские филиппики⁹⁵, азиатские кистофоры⁹⁶ и золотые монеты нумидийских царей.

Шествие уже растянулось по всему городу. Согласно установленному порядку процессия двигалась от цирка Фламиния к Карментанским воротам, затем направлялась в район Велабра, откуда поворачивала на Бычий рынок и продолжала движение к Большому цирку. Из Мурцийской долины, где располагался Большой цирк, участники шествия выходили на улицу, огибавшую восточный склон Палатинского холма и соединявшуюся со Священной улицей, которая вела прямо на Форум.

⁸⁸ *Баллиста* – военная машина для метания камней; камнемет.

⁸⁹ *Катапульта* – метательная машина, выбрасывавшая стрелы, копья, небольшие каменные ядра.

⁹⁰ *Скорпион* – одна из разновидностей легкого метательного орудия.

⁹¹ *Пирр* – царь Эпира (область в Греции), создавший сильную армию и по приглашению г. Тарента, враждовавшего с Римом, высадившийся в Италии. Одержал ряд побед, применяя в сражениях слонов, которые римлянам в то время не были знакомы, но, в конце концов, потерпел поражение в 275 г. до н. э. Погиб в 272 г. во время уличного боя в Аргосе.

⁹² *Электр* – янтарного цвета сплав золота (4 части) и серебра (1 часть).

⁹³ *Денарий* – римская серебряная монета весом в 4 грамма. Золотой денарий, упоминаемый Титом Ливием (римским историком эпохи Августа), во II в. до н. э., по-видимому, был редкостью и предположительно равнялся 25 серебряным.

⁹⁴ *Драхма* – греческая серебряная монета, равная денарию.

⁹⁵ *Филиппик* – золотая монета македонских царей.

⁹⁶ *Кистофор* – крупная азиатская монета, равная 2,5 денария.

Возглавляющий шествие сенат под ликующие вопли и рукоплескания вступил на Форум с громоздившимися на нем многоярусными трибунами, на которых тысячи зрителей, приветствуя сенаторов, размахивали лавровыми ветками. Процессия живым потоком вливалась в шумливую толпу, занимавшую пространство между трибунами и теснившуюся по всей площади до самого храма Согласия. Сенаторы прошли мимо аркообразного храма Януса⁹⁷, Гостилиевой курии⁹⁸ и мрачного приземистого здания Мамертинской тюрьмы⁹⁹, после чего стали взбираться по ступеням Гемониевой лестницы¹⁰⁰. Отсюда начинался подъем на Капитолий, где стоял, широко утвердись на его вершине, величественный храм Юпитера Всеблагого и Величайшего...

⁹⁷ *Янус* – древнейший италийский бог солнечного круговращения, входов и проходов, дверей и ворот, начинаний и завершений, года и времени. Изображался с двумя лицами, старым и молодым, которые были обращены в прошлое и настоящее. Ему был посвящен месяц январь. Ворота его храма на Форуме закрывались во время мира и распахивались настежь во время войны.

⁹⁸ *Гостилиева курия* (курия *Гостилия*) – здание, построенное при царе Тулле Гостилии. Здесь заседал римский сенат.

⁹⁹ *Мамертинская тюрьма* – государственная тюрьма, построенная на месте старых каменоломен. В нижней, подземной, ее части, называемой Туллианом, происходили казни преступников.

¹⁰⁰ *Гемониева лестница* (*Гемонии*) – «лестница рыданий», получила такое название из-за стонов и жалоб преступников, которых по этой лестнице вели на казнь. Тела казненных бросались у лестницы для всеобщего обозрения.

Глава вторая ПОКЛОННИК ДИАНЫ

В одном из домов на тихой и уютной Кипрской улице¹⁰¹, находившейся восточнее форума, не так далеко от него (жили здесь преимущественно состоятельные люди из сословия римских всадников) проснулся в тягостном похмелье молодой человек, которому волею судьбы или, вернее сказать, стечением роковых обстоятельств очень скоро предстояло возглавить дерзкое и отчаянное предприятие, едва не ввергнувшее всю Италию в жесточайшую войну.

Молодого человека звали Тит Минуций.

Отец его, умерший четыре года назад, присвоил себе фамильное имя Кельтик, потому что отличился на войне с испанскими кельтиками¹⁰², получив золотой венчик за отвагу при взятии одного города, выступавшего на стороне Вириата¹⁰³. Но сын предпочел носить только родовое имя¹⁰⁴, считая его достаточно знаменитым, ибо род Минуциев по своей древности не уступал Корнелиям, Эмилиям, Цецилиям и другим римским родам, представители которых в описываемую эпоху составляли высшую знать. Считалось, что первым из прославивших минуциев род был Марк Минуций, ставший консулом двести пятьдесят шесть лет спустя после изгнания последнего римского царя Тарквиния Гордого¹⁰⁵.

Надо сказать, отец Тита, человек староримской закалки, много и долго воевавший, со своим единственным законнорожденным сыном обращался не менее сурово, чем с детьми от рабынь: спуску ему ни в чем не давал и приказывал лорарию¹⁰⁶ сечь его розгами за малейшую провинность, полагая, что тем самым приучит мальчишку к будущей военной службе. Материнской ласки Тит не знал – мать его умерла, когда он еще ползал на четвереньках. За малышом присматривала рабыня-эфиопка, которую отец привез из Карфагена после окончания третьей Пунической войны¹⁰⁷.

В детстве и отрочестве мальчика отличали робость и замкнутость. Отца он боялся, как огня. Жить с ним под одной кровлей было для него настоящей пыткой. Счастьем для юного Тита и всей городской фамилии¹⁰⁸ старика Минуция было то, что последний часто отлучался из Рима (он занимался откупными делами в провинциях). Сын относился к отцу по известной римской поговорке: «Ames parentem, si aequus est; si aliter, feras» («Люби отца, если он справедлив; если нет – терпи»). И ему приходилось покорно сносить бесконечные попреки, грозные окрики и самодурство отца. Пожалуй, как никто другой он тяготился отцовской властью¹⁰⁹, тайно ненавидимой большей частью римской молодежи.

¹⁰¹ *Кипрская улица*. – Название и расположение римских улиц даются в соответствии с сообщениями античных авторов.

¹⁰² *Кельтики* – одно из многочисленных иберийских (испанских) племен, боровшихся с Римом за независимость.

¹⁰³ *Вириат* – предводитель восстания испанских племен против римлян (147—139 гг. до н. э.), над которыми одержал ряд побед, пока не был убит подкупленными лицами из своего окружения.

¹⁰⁴ *Родовое имя*. – Римляне, как правило, носили три имени – личное, родовое и фамильное (напр., Гай Юлий Цезарь), но нередко даже знатные люди обходились без фамильного имени, оставляя лишь личное и родовое (напр., Маний Аквиллий).

¹⁰⁵ *Тарквиний Гордый* – по преданию, последний, седьмой, римский царь, изгнанный народом в 510 г. до н. э. С этого времени в Риме была установлена республика.

¹⁰⁶ *Лорарий* – домашний палач.

¹⁰⁷ *Третья Пуническая война* – последняя война Рима с Карфагеном (149—146 гг. до н. э). Римляне называли карфагенян пунийцами, а войны с ними – пуническими.

¹⁰⁸ *Фамилия* – у римлян так называлась семья как совокупность всех домочадцев, включая рабов.

¹⁰⁹ *Отцовская власть*. По римским законам отец имел неограниченную власть над своими детьми. Он мог продать их в рабство и даже убить.

Так как Тит не отличался крепким здоровьем, отец часто отсылал его в Капую, особенно с приближением осени, когда в Риме начинала свирепствовать лихорадка, заставлявшая родителей бледнеть за своих детей. Старый Минуций, потерявший в разное время трех сыновей от первой жены, боялся остаться без наследника – продолжателя рода.

Капуя, столица Кампании¹¹⁰, стала второй родиной Тита. Отец владел там большим доходным домом, или инсулой, как римляне называли гостиницы. Кроме того, в области Свессулы, небольшого кампанского города, отстоявшего от Капуи на тринадцать с небольшим миль, у него была обширная вилла с работавшими на ней несколькими сотнями рабов.

В Капуе юный Тит закончил школьное обучение. Там его посетила первая любовь. Он воспылал страстью к красавице-гетере Никтимене. Она была из греческой семьи. Родители ее умерли рано, и молодой девушке, едва достигшей совершеннолетия, самой пришлось решать, как ей быть дальше. Она предпочла не связывать себя замужеством, а своим многочисленным поклонникам рассказывала, что какой-то астролог-халдей предсказал ей скорую смерть после того, как она выйдет замуж. Любовные похождения Никтимены были известны всему городу. Ходил слух, что она соблазнила самого капуанского префекта.

Бедный Тит долгое время мучился безответной любовью и ревностью. Прекрасная гречанка была умна, осмотрительна и тщательно избегала возможных скандалов, связанных с посещением ее дома как отцов семейств, так и несовершеннолетних юнцов. Это могло повлечь за собой неприятные для нее последствия. Поэтому, хотя пылкий юноша и нравился ей, держалась она с ним холодно и отчужденно до той поры, пока тот не сменил претексту¹¹¹ на мужскую тогу.

А вскоре ему пришлось отправляться на военную службу. Отец, имевший широкие связи (он тогда был откупщиком в провинции Азия¹¹²), устроил сына в преторскую когорту проконсула, наместника азиатской провинции. В то время это была одна из спокойных римских провинций, куда богатые и знатные римляне стремились определить своих сыновей для прохождения ими обязательной военной службы, подальше от опасных войн в Испании или в Галлии.

Молодой Минуций очутился в городе Смирна, где находилась резиденция наместника провинции. Там он впервые познал вкус праздной жизни. Двор проконсула кишел актерами и танцовщицами, музыкантами и гетерами. Жажду там утоляли только вином, а игры в кости и бои гладиаторов были любимыми развлечениями.

Два года, проведенные в благословенной азиатской провинции, Тит Минуций называл не иначе как «военной службой у Венеры и Вакха», когда по возвращении в Рим со смехом рассказывал друзьям о своих похождениях на чужбине и потрясал кошельком, набитым золотыми денариями, которые он, по его словам, выиграл у самого проконсула.

Молодой человек продолжил было и в Риме приятное времяпрепровождение, но этому помешал отец, у которого имелись свои планы относительно его будущего. Старик давно уже решил, что сыну пора остепениться, и сосватал ему дочь Публия Сатурея, одного из своих друзей-откупщиков.

Этот Сатурей в свое время был народным трибуном и печально прославился тем, что нанес смертельный удар обломком скамьи по голове своему коллеге по должности Тиберию Семпронию Гракху¹¹³. Во время бурного трибуната Гая Гракха, брата Тиберия, многие опти-

¹¹⁰ *Кампания* – область в Средней Италии на юго-западном побережье Тирренского моря. Отличалась богатным климатом и необычайным плодородием, особенно в районе города Капуи.

¹¹¹ *Претекста* – окаямленная пурпуром тога, которую носили магистраты и жрецы, а также мальчики свободных сословий до 17 лет, после чего они надевали мужскую тогу, гладкобелую.

¹¹² *Провинция Азия* – так римляне называли захваченную ими обширную западную часть Малой Азии.

¹¹³ *Тиберий Семпроний Гракх* – старший из двух братьев-реформаторов (см. выше). Греческий историк Плутарх так описывал гибель Тиберия: «Люди, окружавшие сенаторов, вооружились принесенными из дому дубинами и палками, а сами сенаторы – обломками и ножками разбитых толпою скамеек, и все они двинулись на Тиберия, избивая тех, кто защищал его; иных они убили, остальные обратились в бегство. Побежал и Тиберий, но кто-то схватил его за одежду; он же, сбросив тогу, бежал

маты, и в первую очередь Сатурей, заплатились за это убийство изгнанием, однако после того, как гракхианцы потерпели окончательное поражение, а сам Гай был убит, все осужденные по делу об убийстве Тиберия получили прощение и вернулись в Рим.

Возвращение Сатурея встречено было в городе с глухим ропотом. Большинство граждан относилось к нему враждебно. Даже породниться с ним многие считали кощунством. Его в глаза называли святотатцем, осквернившим самую грозную в Риме святыню убийством человека, неприкосновенность которого была освящена законом. Поэтому старших дочерей Сатурей выдал замуж за вольноотпущенников, а младшая дочь, Сатурея Квинта¹¹⁴, отличавшаяся пригожей внешностью, оставалась в девицах почти до двадцати пяти лет, пока ее не заприметил старый Минуций, ярый враг популяров и мятежных Гракхов. Сатурея он уважал как истинного римлянина, совершившего замечательный подвиг во имя спасения республики.

Сын не мог противиться воле отца.

Свадьбу справили. Но молодые недолго прожили вместе. Отец вскоре потребовал, чтобы Тит вступил добровольцем в армию консула Марка Минуция Руфа¹¹⁵, который должен был отправиться во Фракию, куда вторглись воинственные скордиски, союзники кимвров, приглашенные восставшим против римлян местным населением. Старик считал, что сын непременно должен поддержать честь рода Минуциев, участвуя в этом походе.

Война во Фракии оказалась долгой и для римлян имела многие опасные перипетии. Лишь спустя три года Тит Минуций вернулся домой в составе сильно поредевших легионов. К тому времени он уже был в чине командира турмы римских всадников. Победа над скордисками и фракийцами праздновалась в Риме с большой пышностью. Во время триумфа Тит ехал в почетном конном строю за колесницей триумфатора; сбрую его коня украшали серебряные фалеры¹¹⁶, свидетельствовавшие о том, что воевал он доблестно, не уронив чести своего славного рода.

Отец вскоре после этого умер. Сын устроил ему достойные похороны с боем гладиаторов¹¹⁷ у погребального костра на Эсквилинском поле, а также угостил всех родственников, друзей покойного и всех обитателей Кипрской улицы невиданно щедрым поминальным пиром. Не пожалел он денег и на превосходный памятник из пентелийского мрамора, который установил на могиле отца близ Тибурской дороги.

Тит Минуций получил в наследство большие денежные суммы, три доходных имения, многоквартирную инсулу и дом в Капуе. В самом Риме он стал владельцем двух домов. Один из них, на Кипрской улице, он оставил себе, а другой, находившийся на Малом Целии, подарил вдове, своей мачехе, к которой всегда относился с большим почтением.

На первых порах Минуций слыл человеком вполне добропорядочным. Но по натуре он был совершенной противоположностью своему покойному родителю, отличавшемуся деловой хваткой и бережливостью. Став обладателем огромного состояния, Минуций решительно придерживался того мнения, что нет никакого толку ни в деньгах, ни в богатстве, если их нельзя растратить на удовольствия.

в одном хитоне, но споткнулся и упал на людей, лежавших перед ним, а когда поднялся, то Публий Сатурей, один из трибунов, нанес ему по голове, на виду у всех, первый удар ножкою скамейки. Второй удар приписывал себе Луций Руф, хвастаясь этим, как каким-то прекрасным подвигом».

¹¹⁴ У римских женщин не было личных имен. Они носили родовое имя отца. Если у того было много дочерей, то они попросту обозначались цифрами (например, Сатурея Прима, то есть Первая, или Сатурея Квинта, то есть Пятая).

¹¹⁵ *Марк Минуций Руф* – консул 110 г. до н. э., вел успешную войну во Фракии против вторгшихся туда иллирийских племен, союзников кимвров.

¹¹⁶ *Фалеры* – воинские награды в виде металлических блях с рельефными изображениями, прикреплявшиеся к панцирю или к конской сбруе.

¹¹⁷ *Гладиаторы* – специально подготовленные бойцы, предназначенные для поединков и групповых схваток на аренах цирков и амфитеатров. Гладиаторы набирались из рабов и осужденных на смерть преступников. Устройство гладиаторских боев во время похорон богатых и знатных людей было в Риме обычным явлением.

Совершенно неожиданно для всех своих родственников и друзей он развелся с женой. Его пытались удержать от этого шага, на все лады расхваливая молодую женщину: мол, и хороша собой, и целомудренна, и нравом нестроптивна. Минуций же сказал в ответ, выставив из-под тоги свой башмак:

– Посмотрите на него – разве он нехорош собой? Или стоптан? Но кто из вас скажет, где он жмет мне ногу?

Только немногие из его друзей догадывались об истинной причине развода: они знали о существовании прекрасной гречанки из Капуи. Так оно и было в действительности. Минуций всегда помнил о своей первой возлюбленной, и все эти пять лет разлуки поддерживал с нею постоянную переписку. Разведясь с женой, он уехал в Капую и вскоре привез оттуда Никтиму, открыто поселив ее в своем доме.

Потом началась жизнь, полная неистового разгула. Минуций словно торопился вознаградить себя за перенесенные им тяготы военной службы, ни в чем не отказывая ни собственным прихотям, ни милым причудам своей любовницы, очень скоро привыкшей к сибаритской роскоши и безумной расточительности, благо все это было за чужой счет.

Дом на Кипрской улице едва ли не целыми днями, а еще чаще ночами, был забит гостями, музыкантами, актерами. Минуций всей душой предавался любимым своим занятиям: игре в кости, обильным возлияниям, в перерывах между ними посвящая досуг общественным зрелищам, особенно конным скачкам, колесничным ристаниям и гладиаторским играм.

Когда после очередного крупного проигрыша ему понадобились деньги, он, долго не раздумывая, продал свое имение близ Анция¹¹⁸. Это было очень доходное имение. Приморские виллы всегда ценились в Италии. Выражаясь словами мудрого Марка Порция Катона, молодой человек оказался сильнее моря, ибо то, что оно едва-едва лизало своими волнами, он проглотил целиком без особого труда.

Незадолго до начала нашего повествования такая же участь постигла и его загородную тускуланскую виллу. У него еще оставались упомянутые выше обширное поместье под Свессулой и гостиница в Капуе, но все это было уже заложено тамошним аргентариям¹¹⁹ под огромные ссуды, растраченные нашим героем с чрезвычайным легкомыслием.

Долги Минуция давным-давно превышали доходы, хотя его многочисленные займодавцы как в Риме, так и в Капуе были пока в относительном неведении об истинном состоянии дел своего должника, по-прежнему считая его человеком вполне обеспеченным. Увы, это было далеко не так. Продажа тускуланской виллы, родового поместья, явилось для Минуция тяжелым ударом, заставившим его серьезно задуматься над тем, как спастись от разорения.

Кто-то из друзей посоветовал ему заняться подготовкой гладиаторов как делом, которое может принести верный доход. Минуций вначале загорелся желанием открыть свою собственную школу гладиаторов в Капуе и даже купил в кредит партию гладиаторского оружия и снаряжения, но вскоре остыл, поняв бесполезность своих хлопот ввиду нехватки денег и неумолимо приближающегося срока уплаты долгов.

Как раз в это время пришла весть о катастрофе при Араузионе. Впоследствии говорили, что именно тогда под влиянием этого события у Минуция зародился его ужасный преступный замысел...

Но об этом читатель узнает немного позднее, а пока вернемся к нашему прожигателю жизни, которого мы застали в его собственной постели, после того как он проснулся утром памятного дня, начавшегося триумфом Мария над Югуртсй.

¹¹⁸ *Анций* – город на побережье Тирренского моря.

¹¹⁹ *Аргентарий* – меняла, банкир.

В том, что он проснулся довольно поздно, молодой человек убедился, взглянув на клепсидру¹²⁰, стоявшую на дельфийском столике под крошечным окном, из которого в полутемный конклав¹²¹ врывались лучи солнечного света.

Время приближалось к полудню.

Минуций, зевая, перевернулся со спины на правый бок, лицом к двери, и громко позвал: – Пангей! Где ты там, чтобы Орк¹²² тебя забрал?..

– Я здесь, господин! – послышался голос за дверью, завеса которой вскоре распахнулась, и в комнату вбежал смуглый черноволосый юноша лет двадцати. Он был в голубой тунике и в домашних сандалиях из желтой кожи.

– Я здесь, мой господин, – повторил юноша. – С добрым утром!

Минуций с трудом оторвал голову от подушки и посмотрел на слугу мутным взором.

– Почему я до сих пор в постели? Почему меня не разбудил? – сердито спросил он.

– Я несколько раз пытался это сделать, но ты неизменно посылал меня в Тартар¹²³, – ответил юноша, пряча в глазах усмешку.

Минуций с озабоченным видом потер лоб рукой, видимо, что-то припоминая.

– Послушай-ка, Пангей, – сказал он немного погодя. – Кажется, вчера я договорился с Марком Лабиеном, что он зайдет ко мне сегодня утром... Ну да, мы хотели вместе побывать в городе и посмотреть триумфальное шествие.

– Триумф уже в самом разгаре, – заметил Пангей.

– Вот проклятье! Вчера я здорово наглотался аминейского пополам с анцийским... Давай-ка, Пангей, принеси чего-нибудь опохмелиться!

– Неэра только что поставила аутепсу¹²⁴, – сказал Пангей.

– Беги, беги, Пангей, и поторопи ее, ради всех богов! – с раздражением приказал Минуций, снова роняя голову на подушку и закрывая глаза.

Пангей повиновался и тут же выскользнул за дверь.

Вечер в канун новых календ¹²⁵ Минуций провел в доме приятеля своего, Марка Лабиена, точнее, в доме его отца, Секста Аттия Лабиена.

Они знали друг друга с детства и вместе участвовали во фракийском походе. Лабием в отличие от Минуция продолжал военную службу. Он уже принимал участие в четырех годичных походах и дослужился до центуриона примипилов¹²⁶. Последние два года Лабием служил под началом Сервилия Цепиона, который вел войну с тектосагами, а потом двинул свою армию на помощь консулу Гнею Манлию Максиму, выступившему против кимвров, прорвавшихся на левый берег Родана¹²⁷. В случайной стычке с кимврами Лабием получил ранение, и это, несомненно, спасло ему жизнь: пока он лечил рану в Араузионе, неподалеку от города произошла битва, в которой римляне потерпели сокрушительное поражение. Поначалу прошел слух, что из двух римских армий, сражавшихся с кимврами, всего несколькими десяткам солдат удалось спастись бегством.

На пиру у Лабиенов в числе прочих гостей был юный Квинт Серторий¹²⁸, вместе с которым Марк, получивший отпуск по случаю ранения, вернулся из Галлии в Рим. Семья Сертория

¹²⁰ Клепсидра – водяные часы.

¹²¹ Конклав – спальная комната.

¹²² Орк – римский бог смерти, уносивший души в подземный мир.

¹²³ Тартар – по представлениям греков и римлян, обитель мертвых, подземный мир.

¹²⁴ Аутепса – большая чаша с трубой посередине, куда засыпались горячие угли для подогрева вина.

¹²⁵ Новые календы – так римляне называли календы января (1 января). Этот день, как и у нас, был началом нового года.

¹²⁶ Центурион примипилов – старший офицер в римском легионе. Ему подчинялись все остальные центурионы. Главнокомандующий приглашал их наравне с легатами и военными трибунами на военный совет.

¹²⁷ Родан – древнее название реки Роны.

¹²⁸ Квинт Серторий – будущий римский полководец (участник войны с кимврами и тевтонами) Союзнической (в 90—

жила в Нурсии¹²⁹, но он задержался в Риме, прежде чем уехать в родной город и проведать своих родных и близких.

Этому молодому храбрцу посчастливилось живым вырваться из сражения под Араузионом: он был ранен, потерял коня и спасся вплавь через Родан в полном вооружении. Серторий был не только сослуживцем Лабиена – их семьи связывали узы гостеприимства¹³⁰. Собственно в честь приезда сына и молодого гостеприимца старик Лабиев устроил в своем доме торжественный пир.

Минуция пригласили как друга и отчасти как родственника семейства (его мачеха была родной сестрой матери Марка Лабиева). Пир удался на славу. Минуций, по своему обыкновению, пил не зная меры, и в первую стражу ночи рабы отнесли его домой в закрытых носилках, как покойника...

– Осторожно, Неэра, – сказал появившийся в дверях Пангей, придерживая руками завесу и пропуская в комнату пожилую, черную, как сажа, эфиопку, которая внесла большой поднос со стоявшими на нем кратером¹³¹ и двумя серебряными чашами; одна из них была пуста, другая наполнена водой для разбавления вина.

Пока Пангей и служанка молча расставляли принесенное на дельфийском столике, Минуций, издав звук, похожий на стон раненого зверя, резким движением приподнялся и уселся на постели.

Пангей взял киаф¹³² с ручкой в виде лебединой головки и, осторожно черпая им из кратера, на две трети наполнил вином порожнюю чашу.

Он хотел долить ее водой из другой чаши, но молодой господин сказал:

– Не надо.

В последнее время Минуций очень пристрастился к вину и зачастую опохмелялся несмешанным. Приняв чашу от слуги, Минуций сделал несколько жадных глотков и, немного отдышавшись, воскликнул с разочарованием.

– Клянусь Либером¹³³! Я-то думал, вы угостите меня фалернским¹³⁴... А это что за пойло?

Пангей развел руками.

– Ты же сам приказал не распечатывать последнюю амфору с фалернским до особого случая.

– Чем тебе не по вкусу это велитернское? – собираясь уходить, произнесла эфиопка обиженным тоном. – Очень неплохое вино. Я сама его пробовала, когда покупала...

– Да что ты, старая, понимаешь в вине! – проворчал молодой человек.

– Уж куда мне, – сердито ответила старуха, скрываясь за дверь.

Минуций отдал чашу Пангею и снова вытянулся на постели.

– Последняя амфора фалернского из запасов отца, – раздумчиво проговорил он после некоторого молчания. – До чего же я дожил! Уже и хлеб, и вино у меня от мелочного торговца. А мой старик покупал оптом фалерн самого старого урожая... Кстати, ты не помнишь, Пангей, в каком году запечатана эта амфора? – обратился он к юноше.

88 г. до н. э. против восставших италиков, требовавших уравнивания их в правах с римлянами) и Гражданской (в 83—82 гг. до н. э. на стороне популяров-марианцев против Суллы) войн. После победы Суллы удалился из Италии и возглавил римских эмигрантов в Испании вместе со значительной частью местных племен, выказав храбрость и полководческое искусство во время военных действий против римских войск. В 72 г. до н. э. предательски убит заговорщиками из своего окружения.

¹²⁹ *Нурсия* – высокогорный город в области сабинян, к северу от Рима.

¹³⁰ *Узы гостеприимства*. – У римлян они считались священными. Распространенным был обычай обмениваться между собой гостевыми табличками (из дерева или бронзы), после чего узы гостеприимства передавались из поколения в поколение.

¹³¹ *Кратер* – большая ваза для вина.

¹³² *Киаф* – ковшик, прилагавшийся к кратеру, для разливания вина в чаши.

¹³³ *Либер* – римский бог виноградарства, вина и виноделия, отождествляемый с греческим Дионисом.

¹³⁴ *Фалернское* – одно из самых лучших вин в древней Италии.

– Помню, – кивнул тот. – Имя одного из консулов хорошо сохранилось на печати... Это Луций Муммий.

– Луций Муммий Ахаик¹³⁵ – покоритель Греции! – оживился Минуций. – Стало быть, этому вину более сорока лет! Не стыдно будет подать гостям. Как ты думаешь?

– Еще бы! Можно даже объявить во всеуслышание, что этот фалерн запечатан еще при бородатых консулах, – с тонкой улыбкой заметил Пангей.

– А разве не так? Во всяком случае, доблестный консул Луций Муммий точно не пользовался бритвой. Он, говорят, был груб и невежествен, как и его солдаты, которые, разграбив Коринф¹³⁶, играли в кости, лежа на бесценных картинах великих греческих художников. Знаешь ли ты, что сам Муммий, когда отправлял в Рим картины Апеллеса¹³⁷ и Аэтиона¹³⁸, совершенно серьезно напутствовал людей, отвечавших за их сохранность, что если с ними что-нибудь случится в пути, то они должны будут изготовить точно такие же...

Пангей рассмеялся.

– Страшно подумать, но, судя по твоим словам, римские консулы той поры, похоже, мало чем отличались от таких дикарей, как кимвры!

– Что за вздор! – зевая, сказал Минуций.

– А ты помнишь, как четыре года назад после поражения Юния Силана в Рим прибыли послы кимврского царя Бойорига¹³⁹? Сенаторы потехи ради показали одному из этих послов статую Нумы Помпилия и попросили оценить ее. Германец как глянул на нее, так сразу заявил, что такого-то старичонку он и живого не принял бы в подарок. А ведь статуя Нумы всеми, даже греками, признана величайшим произведением искусства...

– А по-моему, варвар рассудил правильно, – произнес Минуций с усмешкой. – Пусть на меня разгневается сам Аполлон Дельфийский, но только я ни за что не поставил бы этого сгорбленного уродца Нуму в своем перистиле¹⁴⁰.

– Конечно, – весело согласился Пангей. – Трудно вообразить его в собрании твоих обнаженных нимф, пугающих своей бесстыдной красотой...

– Никто не заходил вчера вечером? – спросил Минуций.

– Ах, да, – спохватился слуга, – совсем забыл... От Гнея Волкация был посольный. Волкаций приглашает тебя завтра отобедать у него.

– Посольный не сказал, кто там будет из гостей?

– Шесть человек. Я записал их имена.

Пангей сунул руку за пазуху и вытащил оттуда тонкую навощенную табличку¹⁴¹.

– Во-первых, – начал он, – Вибий Либон из товарищества торговцев, потом Габиний Сильван, судовладелец, Публий Клодий, откупщик...

– А, милейший Клодий соизволил-таки вернуться к своим пенатам¹⁴²! – с удовлетворением отметил Минуций. – В прошлом году я проиграл мошеннику десять тысяч сестерциев¹⁴³. Теперь есть возможность расквитаться с ним...

¹³⁵ *Луций Муммий Ахаик* – консул 146 г. до н. э., завоевавший Грецию.

¹³⁶ *Коринф* – греческий город, разрушенный по приказу Луция Муммия. В 46 г. до н. э. стал отстраиваться Юлием Цезарем.

¹³⁷ *Апеллес* – самый знаменитый греческий живописец (современник Александра Македонского).

¹³⁸ *Аэтион* – известный греческий художник, современник Апеллеса.

¹³⁹ *Бойориг* – верховный вождь кимвров. Потерпел поражение от римлян при Верцеллах в 101 г. до н. э. и, видимо, погиб в сражении.

¹⁴⁰ *Перистиль* – в греческих и римских домах внутренний дворик, окруженный колоннадой.

¹⁴¹ *Навощенная табличка*. – Римляне писали на деревянных дощечках, покрытых тонким слоем воска, заостренной палочкой (стилем). Обычно эти таблички использовались для почтовых сообщений и черновиков. На папирусе и пергаменте писались только книги и особо важные документы.

¹⁴² *Пенаты* – у римлян божества семьи и рода.

¹⁴³ *Сестерций* – римская мелкая серебряная монета, равная четвертой части денария.

– Лициний Дентикул и Корнелий Приск – этих ты тоже знаешь, – продолжал Пангей. – А вот Марк Тициний, центурион, для тебя человек новый...

– В самом деле! Кто таков? Впервые слышу.

– Раб Волкация кое-что рассказал мне о нем. В Риме он живет инквиллином¹⁴⁴, а в Сабинской земле у него есть небольшое имение. Еще я узнал о его брате, заочно осужденном...

– А что он такого натворил? – с интересом спросил Минуций.

– Помнишь, что произошло под Сутулом¹⁴⁵ в Нумидии?

– Ну как же! Я тогда был во Фракии. Отец прислал мне письмо, в котором подробно описал, как наши легионы позорно сдались Югурте.

– Так вот, брат этого Марка Тициния, тоже центурион, был подкуплен Югуртой и поздней ночью впустил нумидийцев в римский лагерь. Тогда-то Авла Постумия¹⁴⁶ и его воинов охватила паника, и они на следующий день сдались Югурте на унижительных условиях, пообещав нумидийскому царю очистить Африку. А предатель-центурион, брат Марка Тициния, до сих пор скрывается где-то. После поражения Югурты он бежал к Бокху, но, узнав, что мавретанский царь перешел на сторону римлян, исчез бесследно.

– Занятная история... Есть еще что-нибудь?

– Кажется, я нашел покупателя для нашего столового серебра, – сказал Пангей.

– Вот это кстати... И кто же он?

– Спурий Торий с Эсквилина.

– А, знаю... Бывший народный трибун?

– Он самый. Обещал зайти на днях... если ты, конечно, не передумал.

– Нет. Мне срочно нужны деньги. Этот скряга, оружейник Стертиний, требует большой задаток, прежде чем отдать мне партию вооружения в кредит.

Пангей взглянул на господина с удивлением.

– Я думал, ты оставил мысль об открытии школы гладиаторов...

– Не о гладиаторах речь, – сказал Минуций. – Я, видишь ли, решил приобрести настоящее оружие, для начала пятьсот комплектов тяжелого вооружения. Думаю перепродать его с выгодой, как только кимвры появятся по нашу сторону Альп. А что? Я рассудил, что при первых слухах об их вторжении спрос на оружие возрастет и оно подскочит в цене...

Разговор их прервала показавшаяся в дверях Неэра.

– Пришел Марк Лабиен, – доложила она.

– А, скажи ему, что я сейчас выйду, – заторопился Минуций и быстро спустил ноги с кровати. – Поддай далматик¹⁴⁷, Пангей! А ты, Неэра, распорядись, чтобы поставили кресла у камина и принесли вина...

В атрий¹⁴⁸, ожидая появления хозяина дома, прохаживался взад и вперед молодой человек лет двадцати восьми-тридцати. Он был среднего роста, широкоплечий, с открытым мужественным лицом, одетый в новую, превосходно выбеленную тогу.

Так как последние несколько дней стояла хорошая погода, тяжелая завеса из воловьей кожи, предохранявшая атрий со стороны перистилия от холодного ветра и дождя, была убрана. Солнечный свет проникал в атрий не только из огражденного колоннадой внутреннего двора, но и через четырехугольный проем в потолке, называемый комплуviем. Во время дождя

¹⁴⁴ *Инквиллин* – так называли в Риме человека, не имевшего своего дома в городе и снимавшего квартиру.

¹⁴⁵ *Сутул* – город в Нумидии.

¹⁴⁶ *Авл Постумий Альбин* – брат консула Спурия Постумия Альбина (110 г. до н. э.), который, уехав в Рим, чтобы предсе-дательствовать на очередных консульских выборах, оставил его в Нумидии своим заместителем, а тот предпринял рискованный поход вглубь страны и, окруженный Югуртой близ Сутула, вынужден был капитулировать. Оба брата были осуждены на изгнание.

¹⁴⁷ *Далматик* – длинная просторная туника с широкими длинными рукавами.

¹⁴⁸ *Атрий* – передняя, гостиная, первая комната от входа, самая большая в римском доме.

вода стекала по крыше из комплувия в находившийся прямо под ним небольшой бассейн, или имплувий, который был отделан мраморными плитками, а дно бассейна покрывала мозаика с изображением морских рыб и медуз. От перистиля атрий отделен был невысокой оградкой, за которой среди кустов роз виднелись стройные тела мраморных нимф.

– Рад видеть тебя, мой славный Лабиев, – сказал Минуций, входя в атрий.

Друзья обнялись. Минуций и Лабиев, как уже отмечалось, были друзьями с детства. Во время фракийского похода они жили в одной палатке и еще больше привязались друг к другу. Минуций уважал его за храбрость, прямоту и честность. Марк Лабиев целиком посвятил себя службе в армии. Он и Серторий считали, что пока родине грозит опасность, нет профессии более нужной и почетной, чем профессия солдата.

Род Аттиев не был знатным. Судьба Гая Мария, неизвестного гражданина из арпинской деревушки, достигшего высших магистратур и покрывшего себя неуязвимой военной славой, глубоко волновала Марка. Он и его друг Серторий мечтали выдвинуться, подобно Марию, благодаря своей доблести и отваге.

Лабиев и Минуция постоянно убеждал поступить на службу, предрекая ему блестящее будущее.

– Удивляюсь твоей бездеятельности, – говорил ему как-то Лабиев. – Иметь такую родословную, как у тебя, и растрачивать время на пустые забавы! А ведь тебе как всякому нобиле¹⁴⁹ с самой колыбели обеспечены государственные должности.

Но Минуций и слышать об этом не хотел. Он говорил другу, что по горло сыт всеми тяготами военной службы, которой ему пришлось отдать лучшие свои годы.

– Ну, как ты себя чувствуешь после вчерашнего? – с улыбкой спрашивал Лабиев, когда они оба подошли к весело пылавшему камину, подле которого рядом с жертвенником ларов¹⁵⁰ рабы поставили небольшой стол и два плетеных кресла.

– Смейся, смейся надо мной, – сокрушенно вздыхая, отвечал Минуций. – По правде сказать, мне так совестно перед твоими родителями, – продолжал он, усаживаясь в кресло и протягивая ноги, обутые в домашние сандалии, поближе к решетке камина. – А что скажет Серторий, твой друг-сослуживец? У меня и без того репутация отъявленного вертопраха...

– Да полно тебе! – махнул рукой Лабиев. – Стоит ли говорить о пустяках!

Минуций поднес ладонь ко лбу, стараясь что-то вспомнить.

– Кажется, я о чем-то очень горячо спорил с Серторием? – сказал он после небольшой паузы.

– Вы говорили о предстоящей войне с кимврами, – отвечал Лабиев, поудобнее устраиваясь в своем кресле. – Ты настаивал, что неплохо было бы привлечь в армию вольноотпущенников и даже рабов, как это делалось в Ганнибалову войну¹⁵¹. Ну, а Серторий был категорически против того, чтобы приравнивать свободных граждан к либертинам¹⁵² и тем более к подлым рабам. Достаточно того, говорил он, что пролетарии¹⁵³ получили доступ к службе в легионах...

– Я ожидал, что ты зайдешь ко мне вместе с ним, – сказал Минуций.

– У Сертория сегодня важная встреча с Клавдием Марцеллом, которого Марий уже назначил своим легатом...

¹⁴⁹ *Нобиль* – представитель римской знати, которая состояла из патрициев и разбогатевшей верхушки плебеев. Как правило, только из этой привилегированной среды избирались магистраты.

¹⁵⁰ *Лары* – божества дома, домашнего очага.

¹⁵¹ *Ганнибалова война* – так римляне часто называли II Пуническую войну (по имени карфагенского полководца Ганнибала, вторгшегося с войском в Италию).

¹⁵² *Либертины* – вольноотпущенники, низшая категория римских граждан. Позднее и они получили доступ к службе в армии.

¹⁵³ *Пролетарии* – неимущие свободнорожденные римские граждане. До военной реформы Мария к службе в легионах не допускались. Они служили во флоте матросами и гребцами.

– Консульский легат договаривается о встрече с простым центурионом, да еще в праздничный день? – удивился Минуций.

– Видишь ли, Марцелл ведет переговоры с галльскими послами и пригласил Сертория в качестве переводчика.

– Да, ты мне говорил, что он неплохо изъясняется по-кельтски...

– У него в детстве воспитателем был галл, родом из племени арвернов. К тому же два года службы в Галлии...

– Видимо, переговоры очень важные, если их нельзя отложить до окончания торжеств и богослужения, – заметил Минуций.

Лабием пожал плечами.

– Ничего удивительного, – сказал он. – Сенат дорожит каждым днем. Думаешь, случайно Марию предоставили однодневный триумф, а на молебствия и общественные игры тоже отвели по одному дню? Многие полагали, что победу над Югуртой отпразднуют с гораздо большей пышностью...

В это время молодой раб принес и поставил на столик перед друзьями два кубка с подогретым вином.

Лабием взял кубок, отведал глоток и продолжал:

– Мария превозносят до небес, но в сущности это заслуга Суллы, что войну удалось закончить нынешним летом. После того, как он убедил Бокха выдать Югурту, война потеряла для нумидийцев всякий смысл.

– И все же в консульских фастах¹⁵⁴ Марий, а не Сулла будет значиться как победитель Югурты, – сказал Минуций, задумчиво глядя на огонь в камине.

– Это так, – согласился Лабием, – но Сулла... вот уж неумное хвастовство! Ты знаешь, он уже носит на пальце перстень с печаткой, на которой изображена сцена выдачи ему Югурты...

– Представляю, как будет злиться Марий, когда узнает об этом!

Друзья немного помолчали.

– А Никтимена? Я вчера забыл спросить о ней. Здорова ли? – первым заговорил Лабием.

– Никтимена? – с удивлением переспросил Минуций, очнувшись от своих дум. – Разве я не говорил?.. Ее нет в Риме... Знаешь, я оставил ее в Капуе...

– Вот как! – в свою очередь изумился Лабием. – Неужели поссорились?

– Немного.

– А что произошло? Вы же всегда отлично ладили друг с другом.

– Тут особый случай... Только пусть это останется между нами.

– Клянусь Юпитером, я не из болтливых!

Минуций вздохнул

– Видишь ли, – начал он медленно и с явной неохотой, – когда я был с ней в Капуе... ну, одним словом, я дал там обет целомудрия Диане Тифатине...

– Обет целомудрия? – не удержался от восклицания Лабием.

– Только не богохульствуй, – предупредил приятеля Минуций.

– Ну, что ты! Я понимаю, дело святое... Но, прости, что тебя заставило?

– Долги, мой друг, долги... В Капуе за меня взялись кредиторы – я едва избежал продажи под копьём¹⁵⁵ всего своего имущества в Кампании. Хвала богам, мне удалось достать деньги, чтобы погасить первоочередные задолженности. Но после всех этих передраг настроение у меня было такое... хоть отправляйся за советом к дельфийскому оракулу¹⁵⁶. А тут

¹⁵⁴ *Консульские фасты* – погодные списки консулов с кратким перечнем их деяний.

¹⁵⁵ *Продажа под копьём*. – Копье как символ квинтской собственности водружалось при продаже с аукциона имущества римского гражданина (должника или осужденного).

¹⁵⁶ *Дельфийский оракул*. – У народов древнего Востока, древних греков и римлян оракулом назывался жрец, дававший советы, прорицания, якобы исходявшие от божества, а также место, обычно храм, где давались прорицания. Особой извест-

у меня возникли кое-какие планы на будущее, и я подумал, что неплохо бы поклониться Диане на Тифате¹⁵⁷. Ты ведь знаешь, что я с детства чтил ее, как свою покровительницу. И вот я принес ей жертвоприношение и дары, а потом остался переночевать в храме, надеясь увидеть вещий сон. Почти всю ночь я не сомкнул глаз, мне не спалось, словом, только под самое утро я задремал, и привиделся мне сон, будто стою я в Арицийской роще, на берегу озера, а возле священного дуба Дианы вижу царя Неми¹⁵⁸, страшного, бородатого, косматого, похожего на одного из тех пленных варваров, каких мы с тобой видели во Фракии... и он что-то кричит мне, размахивая над головой своим огромным мечом. От страха я обращаюсь вспять, но спотыкаюсь о корни дерева и падаю, когда же снова поднимаюсь на ноги – царя Неми уже нет, а вместо него стоит чудесной красоты лань в слепящем глаза божественном свете... Сердце у меня затрепетало, я понял, что передо мной сама Диана. И вдруг она заговаривает со мной на чистой латыни. И голос у нее такой нежный, божественно прекрасный, не передать словами... Она говорит, что знает обо всех моих затруднениях и замыслах, обещает свое покровительство, но с условием, чтобы я исполнил обет целомудрия и не прикасался ни к одной женщине до следующих декабрьских календ, а также совершил паломничество к святилищу Дианы Арицийской. Последние слова ее: «Помни же! До декабрьских календ!», – прозвучали под сводом храма, когда я уже проснулся...

Хотя Лабиен в отличие от друга относился к божественным делам и вообще к религии с известной долей скептицизма и проявлял интерес к учению Эпикура¹⁵⁹, рассказ о вещем сне он выслушал с неослабным вниманием, не позволив себе никакого иронического замечания или улыбки недоверия. К сновидениям он относился с большим почтением, нежели к предсказаниям авгуров или гаруспиков.

– Что ж, кажется, тебя действительно посетила сама Диана, принявшая образ прекрасной лани, – сказал он. – И слова ее яснее любого оракула – она, конечно же, дарит тебе свое покровительство...

– О, в этом у меня нет и тени сомнения, но вот Никтимена... она и слушать меня не стала, кричала, что я нарочно все это выдумал, чтобы ее бросить. Я тоже взъярился... Одним словом, получился страшный скандал...

– В такого рода делах трудно давать советы, – вздохнул с пониманием Лабиен. – Впрочем, если хочешь, выскажу тебе одну мысль...

– Какую?

– Я рассуждаю таким образом, что Диана Тифатская, которой так приятны обеты безбрачия и целомудрия, будет совсем не против, если ты еще послужишь Марсу Победоносному. Я говорю к тому, что военный лагерь – наилучшее место для воздержания...

– Клянусь всеми богами, ты опять за свое! – невесело рассмеялся Минуций. – Так и хочешь заманить меня в глушь галльских лесов! Нет, нет, мой дорогой! Навоевался, пусть теперь другие повоюют... Кроме того, мои работодатели вряд ли выпустят меня из Рима, как только узнают о моем намерении отправиться за Альпы, откуда в последнее время мало кто возвращается¹⁶⁰...

ночью пользовался храм Аполлона в греческом городе Дельфы (дельфийский оракул).

¹⁵⁷ *Тифата* – гора неподалеку от Капуи. На ее вершине стоял храм, посвященный Диане.

¹⁵⁸ *Царь Неми* – так именовался особый жрец, охранявший священный дуб Дианы в посвященной ей роще неподалеку от города Ариции (там же, у озера под названием Неми, находился и храм Дианы). Жрецом Неми мог стать только беглый раб-преступник. Способ замещения его был необычен и жесток: к нему посылался другой беглый раб, приговоренный к смерти, который пробегал весь путь от храма Дианы в Риме до Арицийской рощи и вступал в смертельный поединок со жрецом Неми; в случае победы над ним он занимал его место.

¹⁵⁹ *Эпикур* – древнегреческий философ, живший в 341—270 гг. до н. э., последователь атомистической теории Демокрита. Отрицал бессмертие души и усматривал высшее счастье человека в атараксии – свободе от всякого страха, в особенности от страха перед смертью, богами, существованием которых он не отрицал, но считал, что они не вмешиваются в дела людей.

¹⁶⁰ По римским законам в отсутствие должника терялось право на иск и работодатель лишался предмета тяжбы. Поэтому

– Ну, как говорят в Греции, это не проблема, – возразил Лабиен. – Я обещаю устроить так, что ты исчезнешь из Рима, как бесплотный дух, как призрак...

– Я думаю, не стоит с этим торопиться, мой Лабиен, потому что, может быть, очень скоро всем нам придется с оружием в руках защищать стены Сервия Туллия¹⁶¹...

– Ты серьезно полагаешь, что такое возможно?

– А почему бы и нет? В делах военных разумнее всего готовиться к самому худшему, – философским тоном заметил Минуций. – Разве Бренн¹⁶² не разглядывал Капитолии с вершины Палатина? Или Ганнибалл не стоял у ворот Рима? Кто знает, может быть, и мы увидим, как кимвры пасут свои стада на полях Лация...

– После Араузиона кимвры так и не дерзнули напасть на Италию, хотя она оставалась совершенно беззащитной...

– А как ты думаешь, что их остановило? Сражение ведь произошло накануне октябрьских нон. Варваров удержала от немедленного наступления на Рим близость зимы, разве это не естественно? Сам Сципион Африканский отвел бы своих солдат на зимние квартиры, будь он на месте Бойорига. Об этом тебе скажут в любой таверне...

– Нет, – покачал головой Лабиен, – я скорее согласился бы с мнением Сертория...

– А что он говорит?

– Он знает больше, чем мы с тобой. Ему не раз приходилось беседовать с пленными галлами из тех, кто присоединился к кимврам. Они в один голос утверждают, что без своих собратьев тевтонов¹⁶³ кимвры не пойдут на Рим...

– Говорят, одних только кимвров с оружием насчитывается не менее трехсот тысяч! – с горячностью воскликнул Минуций. – Клянусь Янусом Патульцием, нужно совершенно ничего не смыслить в войне, чтобы упустить такой момент, не использовав своей победы, которая вконец обессилила римлян! Вспомни, Ганнибал привел в Италию какие-то двадцать-тридцать тысяч войска и потом долгие пятнадцать лет опустошал страну...

– Не забывай, что Ганнибал опирался на враждебные Риму города италиков, которые он призвал к отпадению от нас именем могущественного Карфагена. На его сторону перешли Капуя, Тарент, Фурии и многие другие города. А на чью поддержку в Италии могут рассчитывать кимвры, этот дикий бродячий народ? Что они могут предложить нашим союзникам в качестве платы за измену? Ничего, кроме жестокого разорения страны и своего владычества, куда более тяжкого и унижительного, чем римское...

– Никто не хочет брать в расчет сотни тысяч варваров-рабов, стонущих в цепях по всей Италии! Во времена Ганнибала они не были столь многочисленны, а теперь их – легионы, и они ждут не дождутся появления кимвров, чтобы присоединиться к ним и умножить их ряды. Вот они – союзники кимвров в Италии...

– Бедный мой друг! Ты снова заговорил о рабах, – тоном сожаления сказал Лабиен, вспомнив пьяные разглагольствования Минуция во время вчерашнего застолья.

кредиторы могли задержать в Риме даже получившего должность наместника провинции, если он не рассчитался с долгами, как это случилось позднее с Юлием Цезарем, который смог выехать в назначенную ему провинцию только после того, как за него поручился огромной суммой денег известный богач Марк Лициний Красс.

¹⁶¹ *Стены Сервия Туллия*. – Постройку стен, опоясывавших город Рим, приписывали шестому (после Ромула) римскому царю Сервию Туллию (VI в. до н. э.). На самом деле сооружение их относится к более поздней эпохе (IV в. до н. э.).

¹⁶² *Бренн* – вождь галлов, которые в 390 г. до н. э. нанесли поражение римлянам и захватили Рим (кроме Капитолия).

¹⁶³ *Тевтоны* – народ неизвестного происхождения. Предположительно, были германцами и первоначально жили вместе с кимврами и амбронами на полуострове Ютландия. По-видимому, против консула Карбона в 113 г. до н. э. кимвры и тевтоны сражались вместе, но потом следы последних теряются. Возможно, оба народа разделились: тевтоны пошли вглубь Галлии, на запад, а кимвры перевалили через Юрские горы и вторглись в римские владения южнее Леманского озера. В 103 или в 102 г. до н. э. тевтоны вновь соединились с кимврами (в области расселения народа белгов) и договорились о совместном походе на Рим. В 102 г. до н. э. они переправились через Родан, но были наголову разбиты Марием у Акв Секстиевых.

– Увы! – внезапно успокоившись, сказал Минуций и взял со столика кубок с вином. – В нашем споре мне отведена неблагоприятная и зловещая роль Кассандры¹⁶⁴ – ее мрачные пророчества сбывались, но никто им не верил... Давай-ка, лучше выпьем в честь добрых богов, и да защитят они нас от всех напастей!..

В тот момент, когда они оба осушили свои кубки, до атрия со стороны Форума донеслись протяжные звуки труб, сопровождаемые мощным гулом толпы.

Друзья вспомнили о триумфе.

– Однако пора, – встрепенулся Лабиен. – как бы нам не пропустить дары Юпитера Феретрия.

– Пожалуй, – согласился Минуций, вставая. – Ты подожди меня немного. Я лишь наброшу на себя тогу...

¹⁶⁴ *Кассандра* – согласно греческим мифам вещая дочь троянского царя Приама. Она отвергла любовь бога Аполлона, который в отместку наказал ее тем, что в ее предсказания никто не верил, хотя все они сбывались.

Глава третья НА СВЯЩЕННОЙ УЛИЦЕ

Триумф продолжался.

До третьего часа пополудни по городу пронесли и провезли не менее трех тысяч фунтов золота и более девяти тысяч фунтов серебра в слитках и звонкой монете¹⁶⁵.

Поражало обилие изделий из слоновой кости, украшений из золота и драгоценных камней. В бесценных ковшах и чашах рассыпано было свыше двухсот восьмидесяти тысяч денариев. Священный ковш, отлитый по приказу Мария из чистого золота, весил десять талантов¹⁶⁶; его несли восемь носильщиков. Золотых венков, присланных из колонии и муниципиев, от союзных царей и тетрархов, было около двухсот пятидесяти. Этот день явно не мог вместить назначенного зрелища. Большая часть сокровищ, доставленных победителями из разграбленного царства, оставалась еще в хранилищах Государственной виллы и в цирке Фламиния.

На Священной улице, куда пришли Минуций и Лабиев, народу оказалось больше, чем они ожидали. Другим пришлось усердно поработать локтями, прежде чем они пробились сквозь тяжело дышавшую толпу к бронзовой конной статуе Клелии¹⁶⁷. Отсюда улица просматривалась почти до храма Юпитера Статора.

В этот момент под шумные рукоплескания проносили огромное полотнище с красочным изображением битвы под Циртой¹⁶⁸ – последней крупной битвы минувшей войны, в которой Югурта и Бокх потерпели окончательное поражение. После этого мавретанский царь, боясь за себя и свое царство, начал тайные сношения с римлянами. Они завершились тем, что Югурта, захваченный обманом своим тестем и союзником, был выдан квестору Луцию Корнелию Сулле, который был послан Марием к Бокху, чтобы вести с ним переговоры.

Из разговоров в толпе приятели узнали, что Марий, перед тем как войти в город, раздал солдатам воинские награды и денежные подарки в цирке Фламиния, причем каждый пехотинец получил по сто двадцать денариев, центурионы – вдвое больше, а всадники – втрое. По мнению многих, денежные дары воинам превзошли всякую меру.

Солнце уже клонилось к закату. Приближалась самая торжественная минута триумфа.

Со стороны храма юпитера Статора шли по улице трубачи в ярко-красных туниках и плащах. Они не жалея сил дули в свои длинные медные трубы. Вслед за трубачами восемь носильщиков, все громадного роста (это были специально нанятые цирковые атлеты), несли великолепно убранные носилки с приношением Юпитеру Феретрию – под таким эпитетом Юпитеру приносил в дар лучшую часть военной добычи полководец-триумфатор.

Носилки были усланы атталиками – златотканными коврами из Сицилии. На коврах лежали оружие и доспехи Югурты с брошенной поверх них диадемой царя, которая сверкала на солнце золотом и драгоценными камнями. Здесь же находились кубки, блюда, чаши и прочая дорогая утварь со стола Югурты.

За носилками с дарами Юпитеру Феретрию шли жертвенные быки, которых вели на заклание юноши в белых передниках, окаймленных пурпуром. Все животные были белой масти с позолоченными рогами, увитыми лентами и цветами. Рядом мальчишки несли серебряные и золотые сосуды для возлияний. Сто двадцать быков должны были в этот день окропить кровью алтарь Юпитера Капитолийского.

¹⁶⁵ Эти цифры приведены греческим историком Плутархом (46—126 гг. до н. э.) в написанной им биографии Гая Мария.

¹⁶⁶ *Талант* – в древности весовая и денежная единица (в основном серебра). Различались аттический и эвбейский таланты, но более употребителен был аттический талант, равный 26,2 кг.

¹⁶⁷ *Клелия* – римская девушка, героиня одной из древнейших римских легенд.

¹⁶⁸ *Цирта* – город в Нумидии, столица нумидийских царей.

Пока по улице проходили жертвенные животные, Лабиен и Минуций, прижатые толпой к постаменту бронзовой всадницы, невольно прислушивались к разговору стоявших рядом граждан.

– Пора, наконец, децемвирам обратиться к Сивиллиным книгам, – говорил окружавшим его собеседникам тучный старик-патриций, по самые уши завернутый в широкую белоснежную тогу. – Пусть они объяснят нам, в чем провинились римляне перед богами-небожителями и как им искупить свои прегрешения. Если потребуются человеческие жертвоприношения, то я первый отдам лучшего из своих рабов для святого дела...

– Давно уже в Риме только тем и занимаются, что утомляют богов жертвами, – сердито возражал ему человек, облаченный, несмотря на праздник, в темно-серую траурную тогу. – Второго сына потерял я в Галлии¹⁶⁹, и все по милости олигархов, бездарных и ничтожных полководцев. Пусть будет Марий, «новый человек», или даже пусть последний из пролетариев будет начальствовать над легионами, только бы это был муж опытный, деятельный, не теряющий головы в опасности, а не какой-нибудь мозгляк, ничтожный человечешко, изнеженный щеголь, который может лишь напоказ выставлять маски своих прославленных предков...

– Верно сказано, Геллий!.. К Эрэбу бездарную и трусливую знать!.. – поддержали говорившего сразу несколько голосов из толпы.

– Ну, когда-то и приснопамятный Гай Фламиний¹⁷⁰, победитель инсубров¹⁷¹, обожаемый простым людом и считавшийся наилучшим полководцем, в конце концов, погубил и свое войско, и самого себя, встретившись с Ганнибалом, – надменно и презрительно заявил молодой человек с холеной бородкой и завитыми волосами.

– А знаешь, почему Фламиний потерпел поражение? – обратился к нему толстяк патриций. – Как раз потому, что, отправляясь на войну, не справил Латинских празднеств, не принес Юпитеру жертву на Альбанской горе¹⁷² и не дал положенных обетов на Капитолии...

– Хвала бессмертным богам, Марий не таков! – воскликнул гражданин в трауре. – Уж он-то, поверьте мне, чтит обычай и не упускает случая, чтобы посоветоваться с авгуром или гаруспиком. Он не вступит в сражение, не свершив ауспиций...

– Да не о Марии веду я речь, – с досадой человека, которого никак не могут понять, продолжал патриций. – Я говорю о том, что надо бы прежде всего искупить преступление Сервилия Цепиона. Такое святотатство сопоставимо разве что с прелюбодеем весталок. Вот потому-то я и напомнил вам, что пора заглянуть в Сивиллины книги...

– Прощай тогда бедняга Цепион – децемвиры велят его живьем закопать на Бычьем рынке, – послышался из толпы чей-то насмешливый голос.

– А не проще ли во искупление этого греха вернуть тектосагам похищенные у них Цепионом пятнадцать тысяч талантов? – спросил еще кто-то.

Окружающие зашумели:

– Да, пятнадцать тысяч талантов!..

– Какие деньги, клянусь Кастором!..

¹⁶⁹ *Галлия* – страна, охватывавшая нынешние территории Франции, Бельгии, Швейцарии и некоторые соседние с ними области. В VI – II вв. до н. э. Галлией называлась и Северная Италия, завоеванная римлянами и подвергшаяся романизации. Сами галлы называли себя кельтами. Римляне отличали завоеванную предальпийскую Галлию («Галлию, одетую в тогу») от заальпийской (по ту сторону Альп), называя последнюю Косматой Галлией, так как тамошние жители не стригли волос и вообще считались варварами. Галлы упорно отстаивали свою свободу, и только Юлию Цезарю удалось окончательно подчинить их Риму.

¹⁷⁰ *Гай Фламиний* – римский полководец и политический деятель, консул в 223 и 217 гг. до н. э. Пал в сражении с войсками Ганнибала у Тразименского озера.

¹⁷¹ *Инсубры* – кельтское племя в Северной Италии с главным городом Медиоланом (ныне Милан).

¹⁷² *Альбанская гора* (ныне Монте Каво) – священная гора в Лации с храмом Юпитера Лациара на ее вершине. Здесь ежегодно справлялись Латинские празднества с обязательным участием обоих римских консулов и представителей латинских городов.

– Это же триста девяносто три миллиона сестерциев!..

– В два раза больше, чем внес в казну Эмилий Павел после победы над Македонией!..

– Ну, насчет денег тектосагов ничего сказать не могу, – заявил Луцерий Пурпуреон. – Тектосаги-то, слышно, опять восстали против нас во главе с Копиллом¹⁷³. Если теперь вернуть серебро галлам, то это, пожалуй, их больше укрепит, чем союз с кимврами. Всем известно, что деньги – это нерв войны...

– А слышали вы о чуде, которое недавно произошло в Вольсиниях? – снова вмешался в разговор молодой человек с бородкой.

– Что там случилось?

– Вода в озере внезапно окрасилась кровью.

– О! – воскликнул Луцерий Пурпуреон. – Это одно из самых зловещих предзнаменований!

– Такие знамения предвещают войну, – поддержал патриция человек в траурной тоге.

– А в Теане Сидицинском, если вы помните, два месяца назад шел каменный дождь, – сказал кто-то в толпе.

– Верно, совершенно точно, – пробормотал с суеверным страхом Луцерий Пурпуреон. – И какое совпадение! – продолжал он. – Ведь всем известно, что перед самым вторжением Ганнибала шел каменный дождь в Пицене...

– О, тогда много было всяких недобрых знамений, – с видом знатока сказал молодой человек. – Сначала в храм Надежды, что на Овощном рынке, ударила молния, а позднее в храм Юноны на Капитолии влетел ворон и сел как раз на ложе богини...

Разговор был прерван шумом, вызванным появлением на улице очередного отряда трубачей, игравших знакомый всем триумфальный марш.

За музыкантами тесным строем, лязгая оружием и доспехами, шли рослые легионеры, которым поручена была охрана пленных нумидийцев.

– Югурта!.. Югурта!.. – всколыхнулась толпа, завидев изможденные, искаженные страхом лица людей, идущих под стражей.

Они шли со скованными руками, мужчины и женщины. Впереди, высоко поднимая свои оковы, шагал человек в расшитой золотом царской одежде.

Это был Югурта.

Лицо нумидийского царя было мертвенно бледным. Почти пять месяцев провел он в плену, и его душевные и телесные силы были на исходе. Запущенная седая борода, потухший огонь в когда-то живых, насмешливых и жестоких глазах, нетвердая походка усталого, сломленного злополучной судьбой человека – ничто уже не напоминало того Югурту, которого римляне видели шесть лет назад, когда он в последний раз посетил Рим и еще назывался царем. Нумидиец всегда отличался железным здоровьем и незаурядной силой, был прекрасным наездником и хорошо владел оружием. В молодости он неизменно побеждал сверстников в различного рода состязаниях, далеко бросал копье и быстро бегал. Отец его, Мастанабал, после смерти царя Массиниссы правил Нумидией вместе с братьями, Гулуссой и Миципсой. Последний пережил обоих и стал царствовать один. Поначалу Миципса объявил наследниками только своих сыновей, Адгербала и Гиempсала. Но так как Югурта, по справедливости, тоже имел право на царскую диадему, к тому же с течением времени приобрел популярность у нумидийцев (особенно после того, как вернулся из-под Нуманции, где, сражаясь на стороне римлян, выказал необыкновенную храбрость и заслужил похвалы самого Сципиона Эмилиана), Миципса решил усыновить племянника и составил новое завещание, по которому приемный сын получал равные права на престолонаследие с его родными сыновьями. Со смертью

¹⁷³ *Копилл* – вождь племени тектосагов, союзник кимвров. В этом же, 104 г. до н. э., был разбит Суллой и взят в плен. Дальнейшая судьба неизвестна.

Миципсы молодые цари так и не смогли мирно договориться о совместном управлении страной.

Начало междоусобной войне положила смерть Гиемпсала, к которому Югурта подослал убийцу. Выступивший мстителем за брата Адгербал потерпел поражение и бежал в Рим искать защиты и поддержки у сената. Но Югурта еще в Нумантинскую войну, познакомившись с жадными и продажными сенаторами, вынес убеждение, что в Риме нет никого, кто устоял бы перед денежным соблазном. Вот почему, начав войну с Адгербалом и вместе с тем выражая подчеркнутую покорность римлянам, он действовал с такой неустрашимой дерзостью. Разумеется, он прекрасно понимал, что в открытой борьбе с могущественным Римом его ждет неминуемое поражение, но он надеялся при помощи подкупа сенаторов добиться мира и своего единоличного господства в Нумидии.

Большинство влиятельных членов сената, получивших взятки от Югурты, готовы были пойти на соглашение с ним, предав забвению все совершенные им злодеяния – от убийства Гиемпсала до резни в Цирте¹⁷⁴ и вероломной казни Адгербала. В конце концов Югурта за огромные деньги купил мирный договор у римского главнокомандующего. Но это вызвало негодование в массе простых граждан Рима. Народный трибун Гай Меммий, примыкавший тогда к партии популяров, впервые открыто обвинил в продажности всю знать. С согласия своих коллег и подавляющего большинства народного собрания он потребовал явки в Рим самого Югурты, пообещав ему неприкосновенность от имени государства.

Меммий готовил невиданное судебное разбирательство в народном собрании, чтобы нанести сокрушительный удар олигархии. По мысли Меммия и всех честных граждан, нумидийский царь должен был стать главным свидетелем обвинения против должностных лиц, получавших взятки от врага. Но из этой затеи ничего не вышло. Югурта, прибыв в Рим, денег не жалел. Наконец, он предстал перед народным собранием, но как только Меммий стал задавать ему вопросы, другой народный трибун, которого нумидиец уже успел подкупить, запретил отвечать на них¹⁷⁵. «Так народ и ушел со сходки осмеянным», – с праведным негодованием писал впоследствии Гай Саллюстий¹⁷⁶.

Под занавес своего пребывания в Риме Югурта, решив использовать удобный случай, нанял убийцу, чтобы устранить Массиву, сына Гулуссы, который давно уже предъявил претензии на нумидийскую корону, но в отличие от другого претендента, уже известного читателю Гауды, проживал в столице римлян, держась подальше от опасностей войны и чувствуя себя здесь неуязвимым от козней Югурты. Но пока Югурта находился в Риме, ему следовало бы побережться. Он был убит ножом из-за угла. Убийца, схваченный на месте преступления, назвал имя человека, заказавшего убийство. Им оказался приближенный Югурты, знатный нумидиец из его свиты. Пока римляне кипели возмущением и требовали строжайшего расследования этого преступления, Югурта тайно покинул Вечный город.

Потом рассказывали, что Югурта, отъехав от Рима на почтительное расстояние, оглянулся и сказал:

– Продажный город! Ты перестанешь существовать, коль скоро найдется подходящий покупатель.

¹⁷⁴ *Резня в Цирте*. – В 113 г. до н. э., после раздела Нумидии между Югуртой и Адгербалом при посредстве Рима, Югурта неожиданно вторгся с войском во владения соперника и осадил его в Цирте. Город сдался при условии сохранения жизни Адгербалу и остальным жителям. Однако Югурта нарушил обещание, казнив Адгербала и перебив все взрослое мужское население города, в том числе многих римских купцов, находившихся в Цирте. Это вызвало возмущение в Риме, и Югурте была объявлена война.

¹⁷⁵ По римскому закону народный трибун обладал правом «вето», которое позволяло ему наложить запрет на любое распоряжение любого должностного лица, в том числе и своего коллеги по должности.

¹⁷⁶ *Гай Саллюстий Крисп* (86—34 гг. до н. э.) – римский историк, от трудов которого целиком сохранились только два произведения – «Югуртинская война» и «Заговор Катилины».

В то время Югурта еще был далек от мысли, что борьба за нумидийское наследство им окончательно проиграна. Нет, он по-прежнему возлагал надежды на неистребимое корыстолюбие и спасительное для себя всевластие римской знати. Но Югурта недооценил значение римского народа, который считал бесправной чернью. Деспот, он не мог понять, что Рим все-таки был республикой.

И вот он пленником шел теперь по улицам ненавистного города, предпринимая неимоверные усилия, чтобы не уронить своего царственного достоинства перед торжествующими врагами, не показать страха перед ожидавшей его участью: он должен был умереть и знал это. Всеми силами он старался сохранить величественную осанку. Временами на бескровных губах его начинала играть насмешливая и презрительная улыбка.

– Отрицать бесполезно, спеси в нем поубавилось! – с жестоким удовлетворением воскликнул Лабиев, которому довелось увидеть Югурту, когда тот приехал в Рим по требованию Гая Меммия.

– Ему явно не хватило твердости духа, чтобы последовать примеру Ганнибала¹⁷⁷, – почти с сожалением отозвался Минуций, пристально всматривавшийся в восковое лицо нумидийского царя.

– Ты прав! Пуниец заранее позаботился о том, чтобы в последний момент свести счеты с Орком...

Следом за Югуртой шли его родственники и приближенные.

Среди них были его сыновья и преданный Аспар, находившийся как доверенное лицо Югурты при дворе Бокха, пока тот был союзником нумидийцев. Аспар не смог разгадать коварного умысла мавретанского царя, заманившего Югурту в ловушку, и сам невольно способствовал изменнику.

Из трех сыновей Югурты самый младший, Оксинта, вызывал у зрителей чувство жалости, смешанной с презрением. Юный царевич брел за отцом, проливая горькие слезы. Он испытывал животный страх, представляя себе мрачное Туллиево подземелье¹⁷⁸ и палача, накидывающего ему на шею удавку. Он не знал, что судьба окажется к нему более милостивой, чем к отцу и старшим братьям. Победители пощадят его возраст и отправят в Везувий, где он будет содержаться под стражей в продолжение четырнадцати лет, пока предводитель восставших италиков Гай Папий Мутил¹⁷⁹ не освободит пленника, чтобы использовать в своих интересах.

Югурта и остальные знатные пленники возглавляли довольно многочисленную колонну мужчин и женщин. Всем им уготована была жестокая и горькая участь: мужчинам предстояло биться насмерть гладиаторами или бестиариями¹⁸⁰ на арене цирка, а женщин должны были отвести после триумфа для продажи к храму Кастора¹⁸¹.

Между тем со стороны храма юпитера Статора уже неслись ликующие крики:

– Ио! Триумф!.. Ио! Триумф!..

Вскоре показалась колесница триумфатора. Перед ней выступал строй ликторов, державших на своих плечах фасции¹⁸² с воткнутыми в них секирами, двигавшаяся следом колес-

¹⁷⁷ Преследуемый римлянами, Ганнибал сначала нашел приют у сирийского царя Антиоха III, а когда тот потерпел поражение от римлян, бежал в Вифинию и жил там несколько лет. Римляне потребовали от вифинского царя выдачи Ганнибала. Узнав об этом, Ганнибал принял яд, который всегда носил с собой.

¹⁷⁸ *Туллиево подземелье (Туллиан)* – нижняя, подземная, часть Мамертинской тюрьмы, где узников предавали казни. Обычно их удушливали, но Югурту, по свидетельству Плутарха, уморили голодом.

¹⁷⁹ *Гай Папий Мутил* – родом самнит, один из главных организаторов и вождей коалиции италийских племен, восставших против Рима из-за его отказа предоставить им права римского гражданства (так называемая Союзническая война 90–88 гг. до н. э.). Погиб в сражении.

¹⁸⁰ *Бестиарии* – цирковые бойцы, которые в отличие от гладиаторов, сражавшихся друг с другом, предназначены были для схваток с дикими зверями.

¹⁸¹ *Храм Кастора* – находился неподалеку от Форума. Рядом с ним был рынок рабов.

¹⁸² *Фасции* – связки прутьев (розог), которые как символы власти несли перед магистратами ликторы (почетная стража).

ница была убрана дорогими коврами и живыми цветами. Ее влекла за собой четверка лошадей чудесной белой масти. Двое ликторов вели их под уздцы.

На колеснице стоял высокий широкоплечий человек с лицом, густо накрашенным киноварью. На нем был широкий пурпурный плащ, наброшенный поверх пурпурной туники, затканной золотыми пальмовыми узорами. В правой руке он держал лавровую ветвь, в левой – скипетр Юпитера, выложенный слоновой костью и увенчанный золотым орлом. Как и у всех участников шествия, голова триумфатора обвита была венком из лавровых листьев. Стоявший позади него раб держал над ним золотой венец Юпитера в виде дубовых листьев и, по обычаю, время от времени повторял одну и ту же фразу:

– Помни, что ты только человек!

– Ио! Триумф! – взревела толпа, собравшаяся вокруг статуи Клелии.

– Марий!.. Слава Гаю Марию! – повторяли сотни голосов с противоположной стороны улицы.

Марию шел пятьдесят четвертый год. Он принадлежал к той породе людей, которые внешне мало меняются с годами. Черты его, резкие и грубые, были почти такими же и в молодости. В них не было ничего изящного; особенно портил его широкий толстогубый рот. Лицо его могло показаться по-крестьянски открытым и простодушным, если бы не тяжелый и мрачный взгляд больших волооких глаз, которые в минуту опасности или гнева нагоняли страху на самого отважного. (Спустя семнадцать лет, когда Марий, объявленный вне закона оптиматами, захватившими власть в Риме во главе с Суллой, будет заключен в тюрьму города Минтурны, палач, которого пошлют к нему для совершения казни, встретив этот мрачный и грозно сверкнувший взгляд, вдруг задрожит всем телом от какого-то суеверного ужаса и выбежит из тюрьмы с криком: «Я не могу убить Гая Мария!»). Власти же города, сочтя это знаменем, ниспосланным свыше, отпустят арпинца на свободу).

Характер его складывался под влиянием неприязненного отношения к нему знати, для которой он всегда был и оставался «новым человеком», чужаком, выскочкой, вознесенным толпой. Если бы знатные люди не отвергли его, то он, пожалуй, стал бы оптиматом. Но ему пришлось искать друзей и сторонников в лагере популяров, в поддержке которых он нуждался, добиваясь магистратур. Впрочем, дружба с популярами не мешает ему впоследствии сурово подавить движение, возглавляемое Апулеем Сатурнином, так много сделавшим для него в то время, когда он из года в год избирался консулом. После этого звезда Мария надолго затится. Уже на склоне лет он снова ввяжется в борьбу за власть, сделавшись главой народной партии, которая, одержав верх над оптиматами, силой захватит Рим. В седьмой раз избранный консулом, Марий окончит свои дни в возрасте семидесяти двух лет, ослабив себя напоследок неслыханными жестокостями по отношению к политическим противникам.

По природе своей он близок был плебейам, и особенно солдатам, среди которых провел молодость и зрелые годы. Только у них он пользовался признанием и авторитетом. Многим нравились приверженность арпинца к обычаям римской старины и подчеркнуто-пренебрежительное отношение к знати, изнеженной эллинским воспитанием и образованностью. Сам он иногда делал робкие попытки восполнить пробелы в своем образовании, но так и не выучился греческому языку, без которого в то время не обходился ни один уважающий себя аристократ. В театре он был всего один раз, но не смог высидеть до конца представления. Его больше привлекали грубые, чисто римские развлечения – колесничные бега, травля зверей и бои гладиаторов.

Его родной стихией была армия. Здесь он с успехом мог приложить свои недюжинные способности и опыт. Марий давно пришел к выводу, что военная организация римлян нуж-

Если такой магистрат находился вне пределов города Рима, то в фасции втыкались топоры, символизовавшие власть неограниченную.

дается в серьезных преобразованиях, прежде всего, способа комплектования легионов. Еще братья Гракхи хотели увеличить их численность и боеспособность путем возрождения римского крестьянства, составлявшего основу армии. Но Марий уже тогда, во времена Гракхов, с большим сомнением относился к их деятельности. Он не верил, что гракхианцам удастся уговорить знать и остальных римских богачей, захвативших в нарушение старого закона общественные земли, чтобы они добровольно поступились хотя бы одним югером в пользу безземельных и малоземельных граждан. Все попытки силой восстановить справедливость закончились неудачей.

Между тем численность римских граждан, способных за свой счет приобрести тяжелое вооружение, катастрофически сократилась. Рим кишел пролетариями, ряды которых непрерывно пополнялись разоренными сельскими жителями. Продав за бесценок свои крошечные земельные наделы, они устремлялись в столицу, где хотя бы своим избирательным голосом могли пользоваться как известного рода ценностью. Учитывая создавшееся положение, Марий и его сподвижники нашли весьма простой выход, ни в малейшей степени не затрагивавший интересы имущих и в то же время дававший немедленный результат. Едва вступив в консульскую должность, арпинец выдвинул законопроект, согласно которому пролетарии получали свободный доступ в армию, причем вооружение и снаряжение их ложилось бременем на государство, а отслужившие свой срок ветераны безвозмездно наделялись земельными участками. Предложение Мария не вызвало особых возражений в сенате. Явные и тайные его недоброжелатели не препятствовали законопроекту, полагая, что вся эта затея провалится из-за нежелания черни подвергать себя тяготам и опасностям военной службы ради смехотворного жалованья. Однако представленный в народное собрание закон был принят гражданами с большим воодушевлением. Успех его был полным, ибо желающих стать солдатами оказалось больше, чем их требовалось. В короткий срок Марий, готовивший армию для переправы в Африку, получил громадное пополнение. Никто тогда не думал о губительных последствиях этого новшества для республики. Они проявятся позднее, когда полководцы станут использовать в своих интересах преданных себе наемников, положив начало жесточайшим и кровопролитным гражданским войнам, перед которыми померкнут распри времен Тиберия и Гая Гракхов.

– Ио! Триумф!.. Ио! Триумф!.. – повторяла толпа, провожая бурными аплодисментами удалявшуюся в сторону Форума колесницу триумфатора.

За колесницей двигалась длинная вереница людей, одетых в тоги. Головы их покрывали красные фригийские колпаки – символы свободы.

Это были римские граждане, освобожденные Марием из плена. За шесть лет войны Югурта захватил немало пленных. С теми, кто не захотел перейти на службу к царю, обращались дурно. Те же, кого Югурта соблазнил большим жалованьем и щедрыми подарками, впоследствии жестоко поплатились за измену своему долгу и присяге. Нужно сказать, перебежчики были самой стойкой и надежной частью войска нумидийского царя – это были люди, навеки связавшие с ним свою судьбу. Многие из них, узнав, что Югурта попал в руки римлян, покончили с собой, кое-кто искал спасение в бегстве. В большинстве же своем перебежчики, еще не зная о том, какую предательскую роль сыграл Бокх по отношению к своему зятю, ушли из Нумидии в Мавретанию в надежде поступить к нему на службу. Однако мавретанец, изо всех сил старавшийся загладить свое участие в войне против римлян, приказал их схватить и выдал Марию. Последний поступил с ними согласно древнему обычаю: перебежчиков в оковах доставили в Рим, высекли розгами на Форуме и обезглавили.

– Ты не зайдешь ли ко мне завтра? – спросил Лабиен приятеля, который рассеянным взглядом скользил по лицам идущих мимо людей в красных колпаках.

– Сожалею, но завтра я обедаю у Гнея Волкация.

– По-прежнему водишь с ним дружбу? – укоризненно покачал головой Лабиев. – Сколько простаков уже разорил дом этого мошенника? Бьюсь об заклад, ты тоже там потерял немало...

– Что поделаешь, Лабиев, – с коротким вздохом сказал Минуций. – Пока я не могу расстаться с игроками, многим из которых задолжал и... не теряю надежды отыграться, – сделал паузу, добавил он.

В это время показались трубачи и знаменосцы первого легиона. Перед значками манипулов, увешанных фалерами и прочими боевыми наградами, рядом с белым консульским знаменем несли серебряного орла с золотой молнией в когтях – знамя легиона. Следом шли военные трибуны, центурионы и простые легионеры, все в венках и с лавровыми ветками в руках.

Солдаты весело горланили ими же сочиненные шуточные песни, в которых то и дело повторялось имя Мария. В этих незатейливых, а порой грубоватых и непристойных куплетах они, по обычаю, безжалостно подтрунивали над недостатками и слабостями своего предводителя.

Толпа отзывалась на песенки солдат громким смехом и аплодисментами.

Среди высших командиров, участвовавших в процессии, зрители особо отмечали войскового квестора африканской армии Луция Корнелия Суллу, которому в это время едва исполнилось тридцать четыре года. Многие уже пророчили ему необыкновенное будущее.

Суллу был высок ростом и строен. Черты его, не лишённые привлекательности, были правильными и тонкими, но, как отмечал впоследствии Плутарх, биограф Суллы, «взгляд его голубых глаз, страшно пронизывающий и суровый, казался еще более жутким от цвета его лица, испещренного краснотой в виде рассеянных пятен на белой коже». Несомненно, эти пятна были следствием той непонятной болезни, которой Сулла страдал уже в описываемое время и потом – до самого конца жизни.

Будущий властелин Рима считал свою болезнь неизлечимой. Похоже, он имел стойкое убеждение в том, что долго не протянет, отчего на войне вел себя почти с безрассудной смелостью, не жалея ни себя, ни подчиненных. В Нумидии он однажды, командуя небольшим отрядом, попал в засаду и был окружен самим Югуртой. В отряде Суллы находился Волукс, сын мавретанского царя, посредник в переговорах между отцом и римлянами. Волукс предложил Сулле тайно бежать вместе с ним, но тот гордо ответил:

– Даже если гибель неизбежна, я останусь на месте, но не стану предавать своих солдат и позорным бегством спасать ненадежную жизнь, которой я, может быть, лишусь вскоре из-за болезни.

Сенатская знать, враждебная Марию, по возвращении Суллы в Рим чествовала его с подчеркнутым энтузиазмом как полководца-победителя, хотя он лишь блестяще выполнил поручение своего начальника. Слава, почести, богатство (до войны он обладал весьма скромным достатком и разбогател с помощью Бокха, который одарил его с поистине царской щедростью) быстро портили молодого человека, от природы самоуверенного и заносчивого. Как-то один из сенаторов в ответ на неумное бахвальство Суллы сказал ему в сердцах:

– Можно ли считать тебя порядочным человеком, когда ты, ничего не унаследовав от отца, нажил себе такое состояние?

Триумф закончился незадолго до потемок¹⁸³.

Минуций и Лабиев, выбравшись из толпы на Священной улице, пошли к Авентину через Велабр. Минуций решил проводить приятеля до Публициева взвоза: Лабиев жил в густонаселенном районе, неподалеку от храма Дианы. По пути они вели оживленный разговор, обмениваясь впечатлениями о триумфе и вспоминая о совместной службе во Фракии.

¹⁸³ *Потемки* – этим словом римляне обозначали вечернее время – около 5 часов вечера зимой, около 6–7 часов ранней весной и соответственно время перед заходом солнца летом и осенью.

Глава четвертая ОПАСНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Друзья проследовали по узким и кривым велабрским улицам, застроенным по большей части многоэтажными домами, в которых снимали комнаты торговцы продовольственными и гастрономическими товарами. Уже надвинулись сумерки, но многие лавки и таберны¹⁸⁴ были открыты. Возле них толпились покупатели.

Квартал Велабр с его громоздкими и скученными постройками был типичным для большинства районов Рима. В то время римляне не знали никаких ограничений относительно высоты своих домов и особых правил планировки улиц. Как заметил позднее по поводу многоэтажных строений Вечного города Плиний Секунд, «если к протяжению и объему Рима прибавить высоту его домов, то ни один город в мире не может сравниться с ним по величине».

– А помнишь, – говорил Лабиен, когда они миновали Бычий рынок и начали спускаться по лестнице, ведущей к Большому цирку, – помнишь, в какую переделку мы попали, когда стояли лагерем под Абдерой¹⁸⁵ и, отправившись за провиантом, наткнулись на засаду, устроенную нам фракийцами?

– Клянусь щитом Беллоны, разве такое забудешь? – отвечал Минуций, живо вспомнив о памятном случае под Абдерой, где он получил весьма серьезное ранение, из-за которого почти на месяц выбыл из строя. – Да, тогда нам крепко досталось...

– О, ты тогда был великолепен, – подхватил Лабиен. – Как теперь вижу тебя на твоём гнедом под градом стрел, когда ты выстраивал своих фуражиров в боевой порядок. Ты ведь прирожденный воин, Минуций! Досадно, что ты так упорствуешь, отказываясь заняться делом, в котором мог бы с блеском проявить себя...

– Пока все мои помыслы связаны с февральскими календами, – сказал со вздохом Минуций. – Это последний срок, назначенный мне моими римскими кредиторами. А ведь я еще ожидаю со дня на день прибытия капуанских аргентариев, разрази их все громы и молнии Юпитера...

– Вот-вот! Тебе сейчас важно выиграть время... Если ты решишься последовать моему совету, мы в два счета обставим всех твоих кредиторов...

– И каким же образом? – недоверчиво улыбнулся Минуций.

– Проще простого сделать это. Нынче в армии большая нужда в таких опытных командирах, как ты. Сертория мы попросим, чтобы он порекомендовал тебя Клавдию Марцеллу... Ты слышал? Уже идет набор союзнической конницы. Бывшему префекту турмы легионных всадников легко доверят командование каким-нибудь вспомогательным отрядом. Скоро на помощь проконсулу Манлию Максиму двинется один из африканских легионов Мария. Вот и отправишься вместе с ним в лагерь Манлия. В твоё отсутствие никто не посмеет предпринять что-либо против тебя и твоего имущества...

По лицу Минуция продолжала блуждать грустная улыбка сомнения.

– А мои долги? – спросил он. – Что прикажешь с ними делать потом, когда я с благословенной помощью богов вернусь из альпийского похода? Или их вместе с процентами станет меньше, пока я буду сражаться с кимврами?..

– Ты что же, клянусь Марсом Градивом, хочешь получить ручательство самой Фортуны? – возразил Лабиен. – Положись-ка лучше на Надежду, одну из самых очаровательных спутниц этой своенравной богини! Дорогой Минуций, война несет с собой не только риск и опасности, но также добычу и славу, которая тоже чего-нибудь стоит. Разве мы с тобой ни

¹⁸⁴ Таберна – крытая торговая лавка.

¹⁸⁵ Абдера – город во Фракии. Родина философа-материалиста Демокрита.

с чем вернулись из Фракии? А после победы над тектосагами я прислал отцу больше денег, чем он выручил от дохода со своего имения. Если будет угодно богам, разобьем и кимвров. Говорят, у них повозки ломаются от серебра и золота...

Приятели остановились перед входом в цирк около бронзовой статуи Тита Фламинина¹⁸⁶ и Большого Аполлона, величественного мраморного изваяния бога, которое римляне вывезли из Карфагена. Здесь они стали прощаться.

– Все-таки хорошенько поразмысли над моим предложением, – напоследок сказал Лабиен.

– Ладно, еще встретимся, потолкуем...

– Ну, будь здоров, Минуций.

– Будь здоров, Лабиен.

Минуций возвращался той же дорогой, шагая быстро, чтобы поспеть домой до наступления темноты.

– Поздно, Лабиен... к сожалению, слишком поздно, – бормотал он себе под нос, еще находясь под впечатлением беседы с другом и думая о том, что сейчас происходит в его имении близ Свессулы¹⁸⁷. Со дня на день он ждал оттуда вестника.

Лабиен многого не знал, вернее, не знал почти ничего. Минуций особенно не посвящал его в свои запутанные денежные дела. Тот, наверное, пришел бы в ужас, узнав, что общая задолженность его перевалила за миллион сестерциев, а вся его недвижимость в Кампании заложена и перезаложена. Но главное, чего не мог знать Лабиен, заключалось в том, что в свессульском имении Минуция разрастался заговор его рабов, им же самым инспирированный.

Со скрежетом зубным принял он это решение, от которого веяло безумием. Сама мысль, что ему придется стать во главе взбунтовавшихся рабов, внушала ему почти что непобедимое отвращение. Но что оставалось делать? Положение его было безвыходным. В декабрьские календы он должен был расплатиться с капуанскими кредиторами. Он с трудом уговорил их дать ему последнюю отсрочку до января. Они вряд ли замедлят появиться в Риме с исковыми заявлениями. По заемным письмам римских ростовщиков ему предстояло платить в календы февраля. Эти и слышать не хотели об отсрочках.

– Пройдет еще немного времени, и мое имя будет значиться в проскрипции¹⁸⁸, – с сумрачным видом говорил Минуций около месяца назад в Капуе трем верным своим рабам-телохранителям, обедая вместе ними в гостинице. – Клянусь, у меня зуд по всей коже, лишь только представлю, что я, Тит Минуций, еще не так давно похвалявшийся своим богатством, роскошными пирами, вхожий во многие дома именитых людей, стану влачить жизнь в позорной нужде, в какой-нибудь грязной лачуге на Эсквилине, среди оборванцев, которые одним и кичатся, что они римские граждане. И все будут с презрением тыкать в меня пальцем: «Вот он! Полюбуйтесь на него! Вчера купался в роскоши, имел большой красивый дом в центре Рима и чудесные загородные виллы, сотни рабов были к его услугам, а ныне он превратился в жалкое отребье, подонка, промотавшего отцовское наследство и погубившего цветущую ветвь славного римского рода».

Его преданные слуги очень хорошо понимали состояние господина. Они горячо убеждали его, что не только городские, но и сельские рабы молят богов о его благополучии – ведь многие из них благодаря его милостям имеют пекулий¹⁸⁹, обзавелись женами и детьми¹⁹⁰.

¹⁸⁶ *Тит Квинций Фламиний* – римский полководец, консул 198 г. до н. э., одержавший победу над македонским царем Филиппом V в битве при Киноскефалах.

¹⁸⁷ *Свессула* – город в Кампании, приблизительно в 20 км к юго-востоку от Капуи.

¹⁸⁸ *Проскрипция* – письменное объявление о продаже с торгов имущества несостоятельного должника. Это объявление обычно вывешивалось на римском Форуме.

¹⁸⁹ *Пекулий* – в буквальном смысле слова – собственность, имущество. Здесь же имеется в виду условная собственность (участок земли, орудия труда, скот и т. д.), которую господин предоставлял своему рабу за определенную плату и которую

– Подумать больно, в какое они придут отчаяние, если – да не допустят этого боги – именные твои опишут, а их самих от лысого до лысого начнут продавать с аукциона? – сокрушался фессалиец Ламид, которого Минуций из всех троих считал самым рассудительным.

– А мы? Что станет с нами, твоими домашними слугами? – вздыхал мужественный Ириней. – Такого превосходного господина, как ты, у нас уже никогда больше не будет.

– Ты для нас – настоящий дар богов, – вторил товарищу угрюмый Марципор.

– Еще бы, клянусь Олимпийцем! – вскричал Ламид. – Вот иной пролетарий гордится своей свободой и квиритскими правами, только это одна лишь видимость без плоти и содержания. Хороша свобода – весь век, подобно нищему, ходить за своим патроном с протянутой рукой, выпрашивая у него подачки! А наш господин – пусть боги его охраняют – и раздел нас, как щеголей, и ни в чем другом не отказывает. Потому-то и мы все лезем вон из кожи, лишь бы ему угодить...

– Да что там толковать, – перебил фессалиец Ириней. – Недаром же люди говорят: «Лучше терпеть милостивого господина и быть сытым, чем прозябать в бедности и терпеть нужду под именем свободного».

Все трое два года назад были гладиаторами. Минуций купил их у заезжего ланисты в Капуе. Он нуждался в надежной охране во время своих путешествий и решил обзавестись сильными и храбрыми слугами, хорошо владевшими оружием.

Самый старший из них, сорокалетний Ламид, родом из Краннона в Фессалии¹⁹¹, одно время служил наемником у сирийского царя Деметрия Никатора¹⁹², был ранен в памятном сражении при Дамаске, взят в плен и включен в армию нового царя Сирии. Но фессалиец надоела военная служба, не принеся ему, кроме опасностей, ни денег, ни славы. Он попытался бежать, но был схвачен и продан в рабство. В Италию его привезли прямо с Делоса¹⁹³. Несколько лет он проработал в металлолитейных мастерских. За склонность к побегу ему надели на шею наглухо заклепанный ошейник с традиционной надписью: «Держи меня, чтобы я не убежал». Все же ему однажды удалось надолго укрыться в Помптинских болотах¹⁹⁴, где он избавился от ненавистного ошейника и сделался предводителем разбойничьей шайки, составленной из беглых рабов. Судьбе было угодно, чтобы он в течение трех лет оставался неуловимым, но в конце концов его схватили и отдали в гладиаторы.

Биографии Иринея и Марципора были короче и скромнее. Оба были еще молоды и родились в рабстве. Ириней стал гладиатором в наказание за убийство надсмотрщика, а Марципор – за неоднократные побеги.

По рабовладельческим понятиям это были никуда не годные строптивые рабы, но Минуций покорила их сердца простым человеческим обращением и обещанием по истечении пяти лет дать им вольную, если они будут исправно ему служить. Они искренне к нему привязались и вряд ли покинули бы его, получив свободу. Эти парни совершенно не приспособлены были к обычной мирной жизни. Любую профессию они почитали рабским занятием, зато в пути Минуций чувствовал себя в полной безопасности – бывшие гладиаторы одним своим свирепым видом нагоняли страху на всех встречных. Минуций, потакая их врожденным и приобретенным наклонностям, ничем не стеснял их свободы, не обременял никакими другими обязанно-

в любое время мог отобрать. По закону раб не имел права собственности.

¹⁹⁰ Юридически раб не имел права иметь семью. Связь раба и рабыни или рабыни свободного считались не браком, а сожителем. Дети, рожденные от рабыни, считались собственностью того, кому принадлежала мать.

¹⁹¹ Фессалия – область в Греции с главным городом Кранноном.

¹⁹² Деметрий II Никатор – царь Сирии, правивший страной в 145–126 гг. до н. э. Вел отчаянную борьбу за власть с различными претендентами на сирийский престол, и, в конце концов, потерпел поражение от одного из них в битве при Дамаске, бежал в Тир, но там был убит.

¹⁹³ Делос – один из Кикладских островов с городом того же названия. Центр античной работорговли.

¹⁹⁴ Помптинские болота – труднопроходимые болота между городами Таррациной и Цирцеями, наводняемые реками Амасен, Астура и Уфент. Здесь обычно скрывались разбойники и беглые рабы.

стями, кроме охраны своей особы и занятий гимнастикой и фехтованием. Минуций зачастую сам упражнялся вместе с ними, совершенствуя собственные навыки обращения с оружием.

О жестоком поражении легионов при Араузионе Минуций и его телохранители узнали по пути из Рима в Капую. Слух об этом едва ли не за один день облетел всю страну. В городах со страхом ожидали, что германцы вместе с присоединившимися к ним галлами без промедления пойдут прямо на Рим. В то же время многие из италиков уповали на этот *cimbricus terror* («кимврский ужас»), охвативший сенат и римский народ, как на средство, с помощью которого можно склонить римлян к соглашению с италийскими союзниками относительно предоставления последним римского гражданства. Они говорили о том, что вот-де настал благоприятный момент, чтобы самым решительным образом потребовать от Рима уравнивания в правах всех народов Италии. При этом слышались голоса с угрожающими призывами не предоставлять консулам столь необходимых им в войне с кимврами вспомогательных когорт, пока требования эти не будут выполнены.

– Ты прав, господин, если уж союзники запрямятся, одному Риму трудно будет одолеть варваров, – соглашался с Минуцием Ламид, когда они заговорили на эту тему.

– А если еще принять во внимание несметные толпы рабов, пригнанных в Италию за последние годы из Испании, Галлии и Африки? – воодушевляясь, продолжал Минуций. – Воображаю, какой хаос начнется, когда кимвры перейдут Альпы! Нет никакого сомнения в том, что рабы, в большинстве своем те же варвары, тысячами будут сбегаться к своим собратьям. Вот о чем следовало бы призадуматься консулам и сенату!

– В Ганнибалову войну, как я слышал, государство выкупало рабов у частных лиц для несения военной службы, – заметил Ириней.

– Верно, – сказал Ламид. – Их было не менее шести тысяч, и они назывались добровольцами. Потом сенат объявил им свободу, потому что они храбро сражались с карфагенянами...

– Что-то мне невдомек! – с хмурым видом заговорил Марципор, почти все время помалкивавший. – О чем это мы здесь толкуем? Наш господин в крайне затруднительном положении. Нам бы поломать головы над тем, как ему помочь, а мы рассуждаем о кимврах, о союзниках, о рабах, которые когда-то сражались с Ганнибалом. Да прах их всех возьми! Клянусь Геркулесом, какое нам дело до всего этого, если...

– погоди, Марципор, – остановил его Минуций. – Думаю, друзья мои, вы сами давно догадываетесь, что у меня на уме. Разумеется, если бы не ваши храбрость и верность мне, то не стал бы я обращаться к вам со словами, которые только насмерть перепугали бы людей малодушных и ничтожных... Итак, в каком отчаянном положении я оказался, вы знаете. Я решил все круто изменить, и не просто поправить свои дела с кредиторами – нет, у меня планы посерьезнее. Во мне накрепко засела мысль: а что если воспользоваться этим всеобщим страхом и смятением перед кимврами и призвать к оружию обездоленных рабов – самый горячий материал, готовый вспыхнуть от малейшей искры. Подбить рабов к мятежу – дело несложное, особенно для меня, человека с громким именем, римского всадника. Может быть, кто-нибудь из вас спросит: «А пристало ли тебе, свободнорожденному, римлянину, отпрыску знаменитого рода, связывать свою судьбу с беглыми рабами, подстрекая их против Рима, своей родины, своего народа, испытанного защитника Италии от всех ее врагов, причем в то самое время, когда ей грозит смертельная опасность?». Отвечу так: со своими врожденными римскими предрасудками я как-нибудь справлюсь, а что касается всего остального, то сразу скажу, что я вовсе не собираюсь изменять Италии и Риму в пользу варваров, грозящих им войной и разорением. Напротив, я при любых обстоятельствах буду непримиримым врагом кимвров, хотя мне придется биться и с римлянами, если они станут у меня на дороге. Ни о каком союзе с кимврами не может быть и речи. Я хочу, подняв мятеж, отвратить от этих диких варваров тысячи и тысячи невольников, которые без моего вмешательства, конечно же, будут встречать кимвров как своих освободителей. Разве тем самым я не окажу великую услугу родной Италии? Я наде-

юсь и хочу, чтобы несчастные обитатели рабских тюрем и крупорушек сражались за Италию, а не против нее. Думаю, они с готовностью откликнутся на мой призыв – им терять нечего. Но я также надеюсь, что за мной пойдут и свободные итальянцы, которым я объявлю о своем намерении добиваться для них прав римского гражданства. Безусловно, все мною задуманное – дело крайне опасное, но не более, чем любая война, особенно грядущая война, которая придет из-за Альп. Это будет великая битва народов, в которой прольется море крови. Когда лавина кимвров хлынет в Италию, римляне и думать забудут о предводимом мною восстании. Именно это внушает мне надежду на успех. Сенат не знает, где собрать войска, чтобы закрыть от варваров альпийские проходы. В самом деле, какими силами располагает Рим? Может быть, Манлий с жалкими остатками легионов, разбитых при Араузионе? Или Марий, столько времени и сил потерявший, пока не справился с каким-то африканским царьком, который до сих пор водил бы его за нос, если бы по своей неосторожности сам не угодил в ловушку? Похоже, кимвры не встретят серьезного сопротивления и с непобедимыми силами подступят к Риму, как когда-то галлы, предводимые Бренном. Кто тогда придет на помощь осажденным? Кто явится вторым Фурием Камиллом¹⁹⁵, чтобы спасти гордую столицу Италии? Кто знает, может быть, при виде бесчисленных шатров дикарей, раскинутых по берегам Тибра, надменный римский сенат растеряет всю свою спесь и будет рад любой помощи извне, даже армии, составленной из рабов... Как знать, что там записано в тайных божественных книгах судеб? Храбрым и деятельным сами боги помогают! Да и то сказать, разве справедливо, чтобы не стреляющий попал в цель, одержал бы победу пустившийся в бегство или вообще – бездельник преуспевал, а негодяй благоденствовал?.. Несколько дней назад я увидел вещий сон в храме Дианы Тифатской – она обещала мне свое покровительство и советовала смелее браться за дело... Итак, я открыл вам, как смог, свою душу и свои намерения. Теперь слово за вами. Что скажете? Поддержите ли вы меня в столь опасном деле? Будете ли вы мне верными помощниками? Могу ли я рассчитывать на вас?

– Клянусь всеми богами Олимпа! – воскликнул Ламид, на которого, как и на его товарищей, речь молодого господина произвела невыразимое впечатление. – Я готов поклясться, мой благодетель, что пойду за тобой, хоть на край ойкумены, хоть в Тартар! Уж во мне-то ты можешь не сомневаться!..

– И во мне! – вскричал Ириней.

– Для такого дела жизни не жалко! – заявил Марципор.

– Ничего другого от вас я и не ожидал, верные друзья мои! – с чувством сказал Минуций. – Отныне я возлагаю на вас троих ответственность по созданию нашей тайной гетерии. Завтра же отправляйтесь в имение. Старшим назначаю тебя, Ламид. Скажешь Аполлонию, что я прислал вас поработать на винограднике. Действовать начинайте без промедления. Всем рабам втолковывайте, что господин разорен и ждет их всех печальная участь быть распроданными поодиночке с торгов. Обо мне, разумеется, пока ни слова. До поры до времени никто не должен знать, что я посвящен в заговор. Воспламеняйте людей, придавайте им мужества! Говорите им, что для храбрых лучше потерпеть поражение в борьбе за свободу, чем вообще за нее ни разу не сразиться. Кроме того, хорошенько разведайте, как обстоят дела в соседних поместьях: много ли там колодников и таких несчастных, кого держат под замком в мельницах и крупорушках, запирают ли других на ночь в эргастулах¹⁹⁶? Помните: на этих обозленных и по-настоящему жаждущих свободы людей главная наша надежда. Они будут драться не на жизнь, а на смерть.

¹⁹⁵ *Марк Фурий Камилл* – римский полководец, пять раз избиравшийся диктатором. В 390 г. до н. э. очистил Рим от захвативших его галлов, за что его часто называли вторым (после Ромула) основателем города.

¹⁹⁶ *Эргастул* – полуподземное помещение, тюрьма, смирительный дом для сельских рабов.

– А как нам прикажешь вести себя с Аполлонием? Не поговорить ли с ним по душам? – осведомился Ламид. – Ты ведь как-то сказал, что он один из верных тебе людей.

– Аполлоний, конечно, предан мне, – помедлив, отвечал Минуций, – особенно если учесть, что я отдал ему в пекулий восемь югеров земли с тремя викариями и обещал вольную... но, нет, он – управляющий, пусть пока занимается своим делом и остается в неведении относительно наших планов.

Так, в одночасье, положено было начало заговору, который спустя немного времени вылился в наиболее мощное и организованное восстание рабов за всю предшествующую историю Италии¹⁹⁷.

¹⁹⁷ Действительно, если не считать крупнейшего восстания рабов в Сицилии в 136—132 гг. до н. э., на территории собственно Италии перед великой невольнической войной под руководством Спартака (74—71 гг. до н. э.) только выступление Тита Минуция отличалось наибольшей организованностью, успешным началом и решительной победой рабов в открытом столкновении с римскими войсками.

Глава пятая ПИРУШКА НА СУБУРЕ

На следующий день после триумфа согласно постановлению сената в городе справлялись всенародные благодарственные молебствия.

С утра начались обычные священнодействия во всех городских храмах. Перед раскрытыми дверями греческих святилищ собирались мужчины, женщины и дети в украшавших их головы венках. Они возжигали перед алтарями курильницы, источавшие благовонный аромат.

Одновременно шла подготовка к торжественному обряду в честь Двенадцати богов Согласия¹⁹⁸. Этот ритуал назывался лектистернием. Он являлся особым видом жертвоприношения. В народе его называли «божьей трапезой». Лектистерний проводился под руководством жреческой коллегии септемвиров-эпулонов, в обязанности которых входило приготовление кушаний для богов и богинь Согласия.

Место для «божьей трапезы» отведено было в южной части Форума, между храмами Януса и Весты, рядом с Эмилиевой базиликой. Здесь храмовые служители установили в ряд несколько больших столов, накрыв их покрывалами, расшитыми золотом и окаймленными пурпуром, а перед ними – шесть обеденных лож с подушками. После этого служители торжественно внесли на площадь мраморные изображения богов и богинь. На главное ложе взгромоздили статуи Юпитера и Юноны, на остальных разместили попарно Нептуна с Минервой, Марса с Венерой, Аполлона с Дианой, Вулкана с Вестой и Меркурия с Церерой.

Юноши и девушки, исполнявшие роли слуг и прислужниц, возлагали на божественные головы пиршественные венки из живых цветов, жрецы-эпулоны торжественно разносили по столам золотые блюда с яствами и золотые кубки с изысканными дорогими винами.

Этот религиозный обычай вел свое начало со времени Ганнибаловой войны, когда карфагеняне, предводимые неистовым сыном Гамилькара Барки¹⁹⁹, разгромили легионы Гая Фламиния у Тразименского озера. Известие об этом повергло римлян в ужас, ибо уничтожены были лучшие силы республики. Избранный диктатором²⁰⁰ Квинт Фабий Максим²⁰¹, прозванный потом Кунктатором, прежде всего обратился к делам религиозным, считая, что Фламиний погрешил больше пренебрежением к священным церемониям и ауспициям, нежели безрассудством и невежеством. Поэтому он приказал отыскать в Сивиллиных книгах средство, чтобы умилостивить разгневанных богов и спасти Рим от гибели.

На основании рекомендаций Сивиллиных книг и был учрежден обычай устраивать Двенадцати богам Согласия торжественные застолья, получившие впоследствии название лектистерний, причем обычай этот скоро распространился и в отношении других божеств, как мужских, так и женских. Последним готовились отдельные пиршества, и статуи богинь помещали

¹⁹⁸ *Двенадцать богов Согласия.* – В области религии римский пантеон был в значительной степени эллинизирован, хотя римляне продолжали чтить многие свои чисто италийские и чисто римские божества. Греческие олимпийские боги получили в Риме официальное признание, но в большинстве своем были отождествлены с римскими. Так, к Двенадцати богам Согласия причислялись: Юпитер (Зевс), Юнона (Гера), Нептун (Посейдон), Минерва (Афина), Марс (Арес), Венера (Афродита), Диана (Артемид), Вулкан (Гефест), Веста (Гестия), Меркурий (Гермес), Церера (Деметра) и Аполлон, почитавшийся под тем же именем.

¹⁹⁹ *Гамилькар Барка* – отец Ганнибала, карфагенский полководец в I Пунической войне (264—241 гг. до н. э.), закончившейся победой Рима и установлением его господства над островами Сицилия, Сардиния и Корсика.

²⁰⁰ *Диктатор* – экстраординарный магистрат, носитель временной неограниченной власти, избиравшийся сенатом в чрезвычайных случаях на срок не более шести месяцев.

²⁰¹ *Квинт Фабий Максим Кунктатор* – римский полководец и политический деятель периода II Пунической войны, измотавший силы Ганнибала в Италии тактикой уклонения от решительных сражений, за что получил прозвище «Кунктатор», то есть «Медлитель».

не на обеденных ложах, а на специальных скамейках с подушками, из-за чего обряд назывался селлистернием²⁰².

Сторонний наблюдатель, посетивший в этот день Рим, воочию убедился бы в том, насколько благочестивым оставался римский народ. Были, конечно, и среди римлян образованные безбожники, последователи эпикурейской философии, которые про себя посмеивались над нелепыми жертвоприношениями и церемониями, но и они не могли не признать, что главным украшением жизни, ее прелестью и духовным оживлением скучных однообразных будней народа все же являлась религия.

Горожане во время молебствий проявляли истинную преданность богам. Особое религиозное рвение выказывали матроны и девушки, которые, переходя из храма в храм, творили усердные молитвы за спасение и благополучие Рима. Греческим богам молились в венках, принося обеты и устраивая совместные трапезы перед распахнутыми дверями храмов.

Около трех часов пополудни, когда почти все жители высыпали на улицы (как и накануне, погода была превосходная, солнечная, с приятной прохладой), в доме на улице Субура, где проживал преуспевающий владелец доходных домов Гней Волкаций, который смолodu принадлежал к классу ремесленников и пролетариев, а в последние годы имел всаднический ценз и носил золотое кольцо²⁰³, стали собираться гости.

В числе приглашенных, как мы знаем, был и наш герой. Минуций явился одним из первых, прихватив с собой объемистый кошелек почти со всеми своими наличными деньгами. Ему не терпелось отыгаться после большого проигрыша в минувшем декабре. На пирах у Волкация никогда не обходилось без игры в кости. Дом его был известен как пристанище для завязых игроков и любителей разнузданных оргий.

Гней Волкаций считался одним из самых богатых людей в своем квартале. Отец его всю жизнь бедствовал, перебиваясь случайными заработками. Он служил виктимарием, помощником жреца при жертвоприношениях. Получая к небольшому жалованью остатки от жертвенных животных, он имел возможность содержать маленькую харчевню, которая после его смерти досталась сыну в качестве главного наследства.

Волкаций начал самостоятельную жизнь с удачного вложения денег в строительный подряд по сооружению храмов, обетованных консулами, одержавшими победы в Македонии, Испании и Пергаме²⁰⁴. Потом он стал давать деньги в рост и весьма преуспел в этом деле. Еще больше он разбогател после большого пожара, уничтожившего много домов в одном из кварталов Эсквилина. Волкаций обратил это несчастье себе во благо, скупая за бесценок участки погорельцев и продавая их по более высокой цене новым застройщикам. В дальнейшем он несколько лет был публиканом²⁰⁵ в Вифинии²⁰⁶, вернувшись оттуда очень состоятельным человеком. Последние шесть или семь лет Волкаций безвыездно жил в Риме и вкладывал деньги в содержание доходных домов и притонов, сосредоточенных в районе Субуры.

Надо сказать, улица Субура, главная улица одноименного квартала, расположенного в низине между Эсквилином, Квириналом и Виминалом, среди добропорядочных граждан не пользовалась хорошей репутацией. Коренные ее обитатели с незапамятных времен являлись владельцами дешевых харчевен, таверн и грязных ночлежек. По ночам, когда сюда начи-

²⁰² *Селлистерний* – от латинского слова *sella*, то есть стул, кресло, скамейка, в то время как лектистерний происходит от *lecti*, то есть ложе; римские женщины за пиршественными столами сидели на скамейках, а не возлежали на ложах, как мужчины.

²⁰³ *Золотое кольцо* – вместе с узкой пурпурной каймой на тунике золотое кольцо на руке служило отличительным признаком римского всадника.

²⁰⁴ *Пергам* – название города и царства в Малой Азии (Пергамское царство). В 133 г. до н. э. Пергамское царство перестало существовать. Его территория вошла в римскую провинцию под названием Азия.

²⁰⁵ *Публикан* – название римских откупщиков в провинциях.

²⁰⁶ *Вифиния* – полувластное от Рима царство на территории Малой Азии. В 66 г. до н. э. было превращено в римскую провинцию.

нали стекаться обездоленные чуть ли не со всего города, находиться здесь становилось небезопасно: скандалы, драки, поножовщина были на Субуре явлением обычным. Одним богам было известно, что за люди находили здесь приют. Триумвиры по уголовным делам²⁰⁷ частенько посещали Субуру для расследования убийств. Но, как правило, преступления оставались нераскрытыми, личности убитых неизвестными, и трупы их приходилось хоронить за Эсквилинскими воротами на омерзительном поле того же названия, являвшимся местом казни провинившихся рабов и разбойников, а также кладбищем для умерших рабов, которых господа, чтобы не тратиться на их погребение, приказывали выбрасывать прямо за ворота и которых потом кое-как зарывали в землю мрачные и грязные служители-могильщики, получавшие за свой труд плату из эрария²⁰⁸.

В назначенное время все гости были в сборе, за исключением толстяка Вибия Либона, но хозяин дома решил начинать без него и позвал всех в триклиний²⁰⁹.

К появлению гостей в триклиний пиршественный стол уже был заставлен блюдами с холодными закусками – салатами, яйцами, устрицами и маринованной рыбой. Раб-виночерпий разливал вино в кубки, которые ему подавали два мальчика, одетые в опрятные светло-голубые туники.

Минуций расположился на одном ложе с Корнелием Приском. Это был юноша из богатой семьи. Дальние предки его принадлежали к сенаторскому сословию, но дед, чтобы избежать разорения и нищеты, вынужден был жениться на дочери вольноотпущенника, богатого ростовщика. Отцу Приска потом всю жизнь кололи глаза низким происхождением матери, и он так и не смог добиться ни одной государственной должности.

На соседнем ложе, рядом с Приском, развалился Лициний Дентикул, его задушевный друг, широкоплечий и бородатый гигант с мощными волосатыми руками, страстный игрок, тоже, как и Минуций, проживавший отцовское наследство.

По другую сторону от Дентикула возлежал Габиний Сильван, человек лет сорока с одутловатым лицом и маленькими хитрыми глазками. Он был давнишним приятелем хозяина дома. Занимался Сильван перевозками грузов на барках, курсировавших между римским Эмпорием²¹⁰ и Остией²¹¹. В его распоряжении было несколько сот рабов-тягачей, которые с помощью канатов тянули с берега по реке груженные суда.

Третье ложе занимали сам Волкаций и Публий Клодий, хлебный публикан в провинции Сицилия, недавно вернувшийся в Рим.

Клодий сказочным образом разбогател на откупках и ростовщичестве. Все, кто хорошо его знал, удивлялись и завидовали ему, потому что шестнадцать лет назад он остался без средств к существованию, после того как отец его лишен был «воды и огня»²¹² с конфискацией имущества согласно приговору суда по делу о мятеже Гая Гракха и Фульвия Флакка²¹³. Одно время он служил гребцом на флоте, потом был писцом у квестора. Кто-то ссудил его крупной суммой денег, и он вскоре вошел в товарищество откупщиков сицилийской «десятины»²¹⁴. С тех пор он стал ворочать большими деньгами.

²⁰⁷ *Триумвиры по уголовным делам* (или ночные триумвиры) – коллегия из трех магистратов, обязанностью которых были надзор над тюрьмами и исполнение смертных приговоров по уголовным делам; на них лежало попечение об общественной безопасности в Риме и противопожарных мерах.

²⁰⁸ *Эрарий* – государственное казначейство.

²⁰⁹ *Триклиний* – столовая, пиршественный зал в римских домах.

²¹⁰ *Эмпорий* – торговая пристань на Тибре в пределах города Рима.

²¹¹ *Остия* – портовый город в устье Тибра, приблизительно в 26 км от Рима.

²¹² *Лишить «воды и огня»* – формула изгнания при судебных приговорах.

²¹³ *Марк Фульвий Флакк* – консул 125 г. до н. э., первый из римских полководцев, получивший триумф за победу над галлами, обитавшими по ту сторону Альп. Будучи другом и сторонником Гая Гракха, погиб во время штурма оптиматами Авентинского холма в 121 г. до н. э.

²¹⁴ *«Десятина»* – десятипроцентный хлебный налог, установленный Римом в Сицилии.

На четвертом ложе разлегался в одиночестве центурион Марк Тициний, тот самый, про которого Минуцию рассказывал накануне утром его слуга Пангей. Это был человек лет тридцати пяти с лицом мрачным и грубым, словно его вырубил из дубового пня, и с жестоким взглядом хищника, исключавшим любые интересы, кроме собственных.

Когда гости заняли свои места, Волкаций поднял кубок и возгласил:

– Друзья мои! Совершим возлияние в честь Юпитера Всеблагого и Величайшего и всех богов Согласия! Да хранят они Рим, а нам пусть ниспошлют благоденствие и процветание!..

– Пью за Марса, шествующего в бой! – по-солдатски рявкнул со своего места Лициний Дентикул. – Да будет он защитой нам в войне с проклятыми варварами!..

– За Юпитера!.. За Марса!.. За Квирина! – нестройно присоединили к нему свои голоса все остальные.

Гости осушили кубки и дружно принялись за закуски. На короткое время в триклинии установилась тишина, которую вскоре нарушил появившийся в дверях слуга.

– Прибыл Секст Вибий Либон, – доложил он с порога.

– Вот и прекрасно, – сказал хозяин дома. – Омойте ему ноги, умастите благовониями и возложите на голову венки, – приказал он рабу.

– Будет исполнено, мой господин.

Волкаций с улыбкой обратился к присутствующим:

– Сейчас мы услышим последние новости.

– Пусть мне сегодня ночью приснится трехголовый пес Цербер²¹⁵, если он не начнет рассказывать о вчерашней истории, которая произошла на Капитолии, – брюзгливо сказал Сильван, старательно вытирая мякишем хлеба замасленные пальцы.

– О чем ты говоришь, Сильван? – спросил Волкаций, взглянув на него с любопытством.

– Об этом уже толкует весь город. Вчера после триумфа наш преславный Марий, прочитав, как полагается, молитву Юпитеру и положив ему на колени свою лавровую ветвь, явился на торжественное заседание сената в полном триумфаторском облачении. Каково?..

– Но ведь это неслыханно! – с возмущением воскликнул Приск.

– Сенаторы подняли такой шум, – продолжал Сильван, – что арпинцу пришлось покинуть заседание, чтобы переодеться в обычную тогу...

– Что ж, теперь у Метелла Нумидийского и его друзей будет еще один прекрасный повод для нападков на Мария, – заметил Клодий.

– Ничего ужасного, просто Марий от радости совсем потерял голову, – улыбаясь, подал свой голос Минуций, который уже знал о происшествии на Капитолии.

– А скорее всего, грубо злоупотребил своей удачей, – возразил Приск, не любивший Мария и в глубине души симпатизировавший Катулу, Метеллу и оптиматам.

– Что верно, то верно... Метелл не преминет воспользоваться этой оплошкой своего заклятого врага, – сказал Дентикул, ковыряя в зубах рыбьей костью. – На его месте я обвинил бы Мария в стремлении к тирании...

– Шутки шутками, а Марий-то ныне популярен среди плебеев не меньше, чем когда-то трижды консул Спурий Кассий Вискеллин²¹⁶, которого сбросили с Тарпейской скалы, – хрипловатым голосом проговорил Марк Тициний.

В это время в триклиний вошел толстый и румяный человек средних лет в неловко сидевшей на нем пиршественной одежде.

– А вот и славный наш Либон! – весело объявил хозяин дома.

²¹⁵ *Цербер* – согласно греческой мифологии страшный многоголовый или трехголовый пес, охранявший вход в подземное царство мертвых.

²¹⁶ *Спурий Кассий Вискеллин* – консул 456 г. до н. э., предложил земельный закон в пользу плебеев, за что был обвинен в стремлении к царской власти и сброшен с Тарпейской скалы (обрывистого склона Капитолийского холма).

– Приветствую всех! – сказал толстяк, с улыбкой поправляя на голове съехавший набок венков.

– Добро пожаловать, Секст Вибий!.. Привет, Либон!.. Да здравствует Либон! – со всех сторон раздался голоса.

– Располагайся рядом с Тицинием, – показал Волкаций гостю пустующее место на ложе, где возлежал угрюмый центурион, и дал знак рабам, чтобы они поднесли опоздавшему вина.

Секст Вибий Либон, пожалуй, один из всех присутствующих пользовался настоящей известностью в Риме. Он был председателем товарищества оптовых торговцев, скупавших товары иноземных купцов.

Надо сказать, римляне очень цепко держали в своих руках городскую торговлю, ни в коей мере не давая свободно развернуться иностранцам. Приезжавшие с товарами в Рим паломники без позволения вышеупомянутого товарищества ничего не могли продать, пока оно не навязывало им свои цены. Порой заезжим негодяям приходилось сбывать свой товар так дешево, что выгоднее было утопить его в Тибре. По роду своей деятельности Вибий Либон всегда находился в курсе всех событий, происходивших в Риме и далеко за его пределами. Мимо него не проходило ни одно важное известие. Поэтому все собравшиеся в триклинии с интересом ждали от Либона каких-нибудь удивительных сообщений.

– Я прошу прощения за свое опоздание, любезный Волкаций, – сказал Либон, вытягиваясь на ложе против Тициния, который молча обменялся с ним рукопожатием. – Меня задержали письмоносыцы откупщиков, прибывшие из Африки... Они сообщили ужасную новость: претор провинции Луций Беллиен погиб от рук пиратов...

– Что ты говоришь! – воскликнули в один голос чуть ли не все присутствующие.

– Пираты захватили его корабль у мыса Меркурия²¹⁷, – продолжал Либон, приняв от слуги чашу с вином. – Беллиен вел себя с подобающим достоинством, угрожая разбойникам карой могущественного Рима, если с ним что-нибудь случится, но те схватили и сбросили его в море прямо в преторском облачении...

– Какой ужасный конец, – произнес Волкаций, с прискорбием покачивая головой.

– Бедняга Беллиен, – заговорил Клодий после короткого всеобщего молчания, – я ведь хорошо знал его, когда он был квестором в Сицилии...

– Странно, – пожал плечами Приск, в задумчивости вертя в руке пустой кубок, – странно, что пираты убили такого богатого человека, за Беллиена они могли бы получить огромный выкуп, да и государство не осталось бы перед ним в долгу...

– В том-то и дело, – допив свое вино и проглотив устрицу, сказал Либон, – в том-то и дело, что никакое богатство не спасло бы его, будь он самим Крезом²¹⁸...

– Отчего же? – полюбопытствовал Приск.

– Потому, юноша, что, к своему несчастью, он попался самому Требацию Тибуру, беглому гракхианцу...

– Опять этот проклятый Требаций! – вскричал хозяин дома. – Клянусь мечом Немизиды, на совести у этого негодяя больше злодеяний, чем у всех киликийских и критских пиратов²¹⁹, вместе взятых!

²¹⁷ Мыс Меркурия – ныне мыс Рас-Адар, ближайшая к Сицилии точка североафриканского побережья, в 70 км от Карфагена.

²¹⁸ Крез – легендарный царь Лидии (Малая Азия), обладатель несметных богатств. По преданию Крез был разбит и захвачен в плен персидским царем Киросом (546 г. до н. э.).

²¹⁹ Киликийские и критские пираты. – В описываемый период большие размеры приняло пиратство. Главной опорой его были приморские города Киликии (побережье Малой Азии) и острова Крита, но было немало других мест, где жители с давних времен занимались морским разбоем. У пиратов находили приют изгнанники, беглые рабы, искатели приключений и т. д. На своих легких кораблях пираты бороздили все Средиземное море, осаждали города, опустошали острова, похищали свободных, отпуская их за выкуп или продавая в рабство. Пиратство наносило огромный ущерб римской торговле. Господствующие на море пираты составляли как бы особую державу. В течение долгого времени Рим не в состоянии был справиться

– Да, дерзость его необычайна, – сказал Клодий.

– Прошлым летом самой Остии от него досталось, – вмешался в разговор Минуций. – Его миапароны и гемиолы²²⁰ неожиданно ворвались в Счастливую гавань, подожгли все военные корабли и потом в течение всего дня пираты безнаказанно грабили город...

– Зато Юпитер и Нептун не оставили это преступление безнаказанным, – подхватил Приск с мстительным злорадством. – На обратном пути пиратский флот попал в бурю и многие корабли их потонули. А один либурнийский корабль²²¹, налетев на подводную скалу, был выброшен на берег, и находившиеся на нем разбойники попали в руки наших солдат...

– Но почему же все-таки Требаций не захотел взять выкупа за Беллиена и приказал его убить? – спросил Клодий, обращаясь к Либону.

– Тут и гадать нечего, – отвечал Либон. – Требаций, конечно, припомнил Беллиену отважного Летория, своего друга, которого Беллиен убил на Сублицийском мосту... Да ты ведь сам, Клодий, рассказывал мне, помнится, о гибели Гракха и его сотоварищей.

– Но я никогда не говорил, что Леторий был другом Требация, – возразил Клодий. – Напротив, оба они друг друга на дух не переносили. Леторий был из окружения Гракха, а Требаций числился в дружках у Фульвия Флакка, который и сам вел себя разнузданно, и люди его были отпетыми мерзавцами, готовыми на все. Они-то и погубили Гракха своим неистовством, особенно Требаций, подстрекавший и Фульвия, и Гракха действовать не иначе, как с оружием в руках, пока оптиматы не оправались от страха и сами не перешли в наступление. В тот самый день, когда сторонники Опимия²²² из числа народных трибунов созвали плебейскую сходку и уговаривали народ упразднить законы Гракха, Фульвий Флакк явился на Капитолий в окружении большой толпы своих приверженцев. Жертвоприношение перед началом собрания проводилось наспех. Вокруг царил невообразимый шум. Больше всех возмущался Фульвий Флакк, который обрушился с руганью на трибунов, называя их предателями плебеев и прихвостнями оптиматов. И тут ликтор Квинт Антулий, убивавший с алтаря внутренности животных, довольно злобно крикнул толпившимся вокруг фульвианцам: «А ну, дайте дорогу порядочным людям, вы, негодные граждане!». Стоявший рядом Требаций первый схватил его за горло. Ликтора оттащили от алтаря и закололи кинжалами. А Фульвий даже пальцем не пошевелил, чтобы унять своих головорезов...

– Убийство на самом Капитолии! – воскликнул Приск. – И после этого еще ругают Опимия за то, что он навел порядок в городе силой оружия!..

– Как будто не на Капитолии оптиматы убили Тиберия Гракха, – вмешался Минуций, который внимательно слушал рассказ Клодия. – Убили, несмотря на то, что он был в должности народного трибуна и обладал священной неприкосновенностью! А тут какой-то Антулий, простой ликтор, наемник! Он, может быть, не заслуживал смерти, но сам подал достаточный повод к расправе...

– О чем вы толкуете? – усмехнулся Клодий. – Опимий так или иначе нашел бы предлог, чтобы заставить сенат принять постановление о чрезвычайных консульских полномочиях. Что касается убийства Антулия, то сам я был свидетелем той комедии, которую Опимий на следующий день разыграл перед сенатской курией. Он специально нанял людей, чтобы они в раз-

с морским разбоем, хотя против пиратов направлялись большие морские экспедиции во главе с преторами и даже с консулами. Только в 67 г. до н. э. Гней Помпей Великий, наделенный чрезвычайными полномочиями, получивший в свое распоряжение огромный флот и 120 тыс. солдат, нанес пиратству сокрушительный удар.

²²⁰ *Миапароны и гемиолы* – название легких однопалубных быстроходных кораблей, которые использовались пиратами.

²²¹ *Либурнийский корабль* (или *либурна*) – легкое двухпалубное судно, изначально применявшееся жителями Либурнии (области на побережье Иллирии между полуостровом Истрия и Далмацией).

²²² *Луций Опимий* – консул 121 г. до н. э. Будучи претором 125 г., подавил восстание во Фрегеллах (город в Лации), жители которого требовали предоставления им прав римского гражданства. Во время своего консульства возглавил борьбу аристократов против Гая Гракха и его сторонников. В 114 г. до н. э., уличенный в получении взятки от Югурты, был осужден на изгнание.

гар дня пронесли на носилках через весь Форум обнаженное тело Антулия, оглашая площадь горестными воплями и рыданиями. Когда носилки поравнялись с курией, Опимий, сделав вид, что он совершенно непричастен к этому представлению, вышел вместе с сенаторами на площадь, и все стали ужасаться, будто случилось великое и страшное несчастье. Из толпы стали раздаваться крики, призывающие к мщению. Другие требовали чрезвычайных мер по спасению республики. Но и сторонники Гракха не менее бурно протестовали против этого, что, конечно, не помешало Опимию убедить сенаторов принять постановление о вручении ему неограниченной власти для наведения в городе порядка. Опимий велел сенаторам вооружаться и, кроме того, оповестил всадников, чтобы на следующий день с рассветом каждый из них привел с собою двух вооруженных рабов, назначив местом сбора Капитолий. А Гракх и Фульвий, как только об этом стало известно, тоже призвали к себе рабов, обещая им свободу. Требаций по приказу Фульвия привел ночью на Форум вооруженный отряд, но на рассвете Опимий бросил на него своих тяжеловооруженных, а также наемных критских стрелков из лука. Наемники больше всего внесли смятения в ряды людей Требация. Спасаясь от их стрел, они отступили на Авентин, занятый сторонниками Гракха и Фульвия. Но поражение отряда Требация поколебало мужество многих из них, к тому же Опимий через своих глашатаев объявил о прощении тех, кто добровольно сложит оружие...

– Это было обманом, потому что опиматы и безоружных резали, как баранов, – заметил Минуций.

– По истечении срока ультиматума, – продолжал Клодий, – Опимий двинул на Авентин все свои силы. Фульвий и Требаций сопротивлялись отчаянно. Но какое там! Фульвий был вскоре убит, а Гракх уже хотел покончить с собой прямо в храме Дианы, где он оставался с кучкой своих приверженцев. Однако верные его друзья Помпоний и Леторий вырвали у него из рук меч и уговорили бежать. Тогда Гракх, опустившись на колени, простер руки к статуе Дианы и молил ее о том, чтобы римский народ был наказан за неблагодарность и предательство вечным рабством, потому что народ явно изменил ему, как только было объявлено освобождение от наказания...

Клодий остановился, отпил вина из кубка и снова заговорил:

– Гракх при спуске с Авентина подвернул ногу и бежал хромя. Помпоний же, увидев, что преследователи близко, остановился в Тригеминских воротах и крикнул Леторию, Гракху и его рабу Эвпору, чтобы они бежали дальше, а сам повернулся лицом к толпе преследователей и с мечом в руке некоторое время сдерживал их, пока не был убит. Тем временем беглецы уже были на Сублицийском мосту. Здесь Леторий, словно подражая Горацию Коклесу²²³, вступил в бой с преследователями и, прежде чем его пронзили мечами, многих из них переранил, доблестно сражаясь...

– Луций Беллиен потом всем доказывал, – перебил публикана Вибий Либон, – всем доказывал, что именно от его руки пал Леторий и что сам он сбросил его тело с моста в Тибр...

– Что ж, Беллиен получил по заслугам, – сказал Минуций. – С какой стати нам оплакивать этого опимата, руки которого обагрены кровью столь достойного гражданина...

– Ну что ты такое говоришь, – остановил гостя Волкаций. – Речь ведь идет о магистрате высокого ранга, убитом подлыми разбойниками...

– Скажи лучше бывшими римскими гражданами, – с жаром возразил Минуций, – жертвами произвола тех, кто отнял у нас свободу и правит нами, как им заблагорассудится, уже восемнадцать лет. Три тысячи человек перебито в один день только за то, что они хотели восстановить законную справедливость! А скольких осудил на изгнание несправедливый суд? Лишенные родины и средств к существованию, эти несчастные вынуждены заниматься морским раз-

²²³ *Публий Гораций Коклес* – легендарный герой Рима. Во время войны с этрусками защищал от врагов мост через Тибр, пока товарищи разрушали его, чтобы не дать противнику прорваться в Рим.

боем, но разве мы, римляне, испокон веков не занимаемся самым настоящим разбоем? Разве не грабежом добыты сокровища, которые мы видели вчера во время триумфа? Или сам Ромул не был царем разбойников?..

– О, да простит нас Квирин за то, что нам приходится это слышать! – воздев руки и подняв верху глаза, произнес Волкаций.

Все остальные отнеслись к словам Минуция с явным неодобрением. Гракхов чтили преимущественно в пролетарской среде. Большинство добропорядочных граждан с высоким имущественным цензом считало обоих братьев-реформаторов и их сторонников виновными в мятеже против государства.

– Ты, Минуций, может быть, в чем-то и прав, – рассудительным тоном заговорил Клодий, – но среди приверженцев Гракха уж слишком много было всяких негодяев, которые не столько помогали ему, сколько вредили...

– Ну, а как же ты сам уберешься, Клодий? – не без ехидства полюбопытствовал Приск. – Не может быть, чтобы ты держался иных взглядов, чем твой отец, известный своей дружбой с Гракхами?

Клодий не очень ласково покосился на молодого человека.

– Юноша! В то время я действительно держался... за одну красотку, которая жила в Каринах²²⁴... там было за что подержаться, – ответил Клодий, вызвав легкий смешок присутствующих этой фривольной игрой слов. – Я проводил у нее все свободное время, а не шатался по Форуму, как другие. Какое мне было дело до каких-то оборванцев с Эсквилина и Авентина или этих спесивых дураков с Палатина! Я был молод и жил в свое удовольствие. Мой отец, хотя он и сочувствовал братьям Гракхам, всегда говорил мне, чтобы я пореже бывал на плебейских сходках, слушая всяких крикунов. Он словно предчувствовал, что все это добром не кончится...

– Это правда, что твой отец пострадал из-за Папирия Карбона²²⁵, которого он укрыл в своем доме, спасая его от расправы? – щуря свои маленькие глазки, спросил Габиний Сильван.

– Увы, это так! Но, не думайте, отец мой не был участником мятежа. Это был достойнейший человек, за что и поплатился. Если бы он поступил, как клиент Фульвия Флакка, поначалу спрятавший патрона у себя в мастерской, а потом выдавший его убийцам, то жил бы и здравствовал по сию пору, не умер бы на чужбине в нужде и отчаянии. Отец приютил Карбона как близкого друга, потому что знал, что тот давно уже не был сподвижником Гракха, но враги Карбона, пока шла бойня в Риме, искали его повсюду, чтобы убить. Позднее, когда страсти поутихли, Карбон выставил свою кандидатуру в консулы, и народ его избрал. Оптиматы, скрипя зубами, целый год терпели его, пока он был в должности, а сами готовили против него судебный процесс и, когда он стал честным человеком, обвинили его как соучастника гракхианского мятежа. Отец по этому делу должен был проходить свидетелем, но Карбон неожиданно для всех перед самым судом покончил самоубийством. Он это сделал ради детей, потому что не надеялся на оправдание и боялся конфискации имущества. Отца же моего из свидетеля превратили в обвиняемого – укрывателя мятежника... Бедный отец! В один день он лишился всего, что имел – родины, имущества, семьи. Он удалился в Сицилию. Там я нашел его, уже больного и немощного...

– А что же негодяй Требаций? – спросил Дентикул. – Как ему удалось избежать справедливого возмездия?

²²⁴ *Карины* – один из самых богатых кварталов Рима, расположенный у подножия Эсквилинского холма.

²²⁵ *Гай Папирий Карбон* – консул 120 г. до н. э. Сторонник реформ братьев Гракхов, он, по-видимому, не одобрял их революционных методов борьбы. В 119 г. до н. э. покончил самоубийством.

– Он спасся, потому что действовал как истый разбойник. Если сравнить с ним беднягу Гракха, то последний, убежав за Тибр, тщетно упрашивал всех встречных дать ему коня, пока его и Эвпора не догнали и не убили преследователи. А Требаций и его дружки пробились на конный двор, что у Раудускуланских ворот, избили трактирщика и его рабов, потом захватили лошадей и умчались в Остию...

– Теперь Требаций и другие римские изгнанники обосновалась на Крите, построили там крепость и принимают к себе бродяг со всего света, – сказал Либон.

– Житья не стало от них, – пробурчал Сильван. – Дорожает зерно. А знаете, почему? Пираты то и дело перехватывают хлебные грузы. Переезды по морю сделались опасными...

– О чем только думают в сенате! – воскликнул Приск. – Неужели могущественный Рим не в состоянии справиться с каким-то разбойничьим отребьем?

– Оратор Марк Антоний²²⁶ обещает очистить море от пиратов, если его изберут претором и предоставят особые полномочия, – сообщил Либон.

– Пока Италии угрожают кимвры, ни о какой войне с пиратами не может быть и речи, – возразил Минуций.

– О, ради всех бессмертных богов! – протестующе поднял руки Волкаций. – Ни слова больше о кимврах! Только настроение себе испортим, а заодно и аппетит...

Волкаций щелкнул пальцами и прикрикнул на рабов:

– Эй, лентяи! Забыли о своих обязанностях? Почему в кубках пусто?

В то же время он сделал знак сидевшему в дальнем углу флейтисту, и вскоре по триклинию разлились нежные звуки флейты.

Гости повеселели и в очередной раз осушили свои кубки.

Немного погодя в комнату вошли три молоденькие прислужницы в коротких до неприличия греческих хитонах с многочисленными мелко заглаженными складками. В руках девушки держали подносы, на которых дымились горячие блюда.

Девушки были прехорошенькие. Сотрапезники разом прекратили свои разговоры и впились взорами в полуодетых красавиц, в то время как они легко и проворно расставляли на столе блюда с кушаньями. Всем собравшимся хорошо известно было пристрастие хозяина дома к красивым рабыням, которых он охотно скупал, не жалея денег. И это было неудивительно. Волкаций особенно не скрывал, что занимается сводничеством, не видя в этом ничего предосудительного. В числе нескольких принадлежавших ему доходных домов один был известен на весь город как перворазрядный лупанар²²⁷, где развлекались очень богатые люди.

Самой старшей из трех девушек не было и двадцати лет. Особенно бросалась в глаза необычная красота одной из них, белокурой и светлокожей. Ростом она была чуть повыше остальных и сложена безупречно. Короткий голубой хитон, скрепленный на ее левом плече серебряной фибулой, оставлял почти открытой молодую прелестную грудь и едва прикрывал стройные бедра. Золотистый цвет волос и нежная белизна кожи выдавали ее кельтское или германское происхождение, но в мягких и правильных чертах юной красавицы больше было, пожалуй, от галлогречанки, чем от уроженки суровых заальпийских лесов. Ее большие темно-серые глаза, опущенные стрелами длинных ресниц, таили в себе тот особенный родниковый холодок, который так присущ был малоазийским галаткам. На нее чаще, чем на других девушек, тоже очень привлекательных, обращались чувственные взгляды большинства гостей.

– Откуда у тебя такая? – спросил Клодий, повернувшись к Волкацию.

²²⁶ *Марк Антоний* – консул 99 г. до н. э. Видный оптимат, превосходный оратор, дед знаменитого Марка Антония, возглавившего сторонников Юлия Цезаря после убийства последнего и ставшего потом мужем египетской царицы Клеопатры. В 102 г. до н. э. был избран претором и наделен чрезвычайными полномочиями по борьбе с пиратством, но заметных успехов не добился. Даже дочь его была похищена пиратами, и за нее пришлось платить большой выкуп. В 87 г. до н. э. погиб во время захвата Рима сторонниками Марии.

²²⁷ *Лупанар* – публичный дом.

– Ты имеешь в виду вон ту, золотоволосую? – кивнул Волкаций в сторону девушек. – Правда, хороша? Досталась мне почти что даром... И знаешь, от кого? От Аврелия, гладиаторского ланисты. Ты с ним знаком. Он сам предложил мне ее взамен своего проигрыша.

– Она доморожденная? – осведомился Клодий.

– Аврелий рассказал мне, что мать ее родом была из Галлогреции²²⁸ и поначалу принадлежала сенатору Ювентию Тальне, ныне покойному. Видимо, мать в его честь назвала дочку Ювентиной...

– Ты хочешь сказать, что сенатор больше всех постарался, чтобы эта красотка появилась на свет?

– Вполне возможно.

– Она говорит по-латыни?

– Не хуже, чем законнорожденная дочь сенатора. Кстати, греческий она знает тоже благодаря матери, которая, видимо, была более гречанка, чем галатка. Не хочешь ли послушать, как она декламирует греческие стихи?

– Ну, если голос у нее такой же красивый, как и она сама.

Волкаций поднял вверх руку и шелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание молодых рабынь, которые, сделав свое дело, уже собирались покинуть триклиний.

– Вы обе можете идти, – махнул он рукой двум темноволосым девушкам. – А ты, Ювентина, отдай им свой поднос и подойди сюда.

²²⁸ *Галлогреция* – так часто называли Галатию, область в центре Малой Азии. Название Галатия она получила после завоевания ее кочевыми галлами в III в. до н. э. В описываемое время галаты уже в значительной мере были эллинизированы и потому назывались галлогреками.

Глава шестая НЕВОЛЬНИЦА

– Ну-ка, Ювентина, прочти нам что-нибудь по-гречески, – обратился к девушке Волкаций, когда она подошла к нему. – В прошлый раз ты читала гостям стихи этой поэтессы... как ее...

– Сапфо²²⁹, – напомнила Ювентина, с усмешкой взглянув на господина.

– Ну да, Сапфо... конечно, Сапфо. Надо признать, это греческое имя нелегко выговорить... Итак, прочти нам... немного, всего несколько строк, чтобы вот этот господин мог оценить твой голос и твое греческое произношение.

Ювентина вздохнула и прочла нараспев, стараясь четко озвучивать окончания слов:

Я негу люблю,
Юность люблю,
Радость люблю
И солнце.
Жребий мой – быть
В солнечный свет
И в красоту
Влюбленной.
Я роскошь люблю;
Блеск, красота,
Словно сияние солнца,
Чаруют меня...

Кроме Минуция, почти в совершенстве изучившего греческий язык еще в ту пору, когда он со всем жаром юности был влюблен в гречанку Никтиму, а также Клодия, который много лет занимался откупными делами в Сицилии²³⁰ и кое-как мог изъясняться на языке эллинов, больше никто из присутствующих не понял и нескольких слов, произнесенных девушкой. Зато, пока она декламировала строки великой уроженки Лесбоса, все имели возможность разглядеть, что зубы у нее один к одному – ровные и белые, как жемчужины.

– Если ты не против, – сказал Клодий, обратившись к Волкацию, – я поупражняюсь с ней по-гречески.

– О, сколько угодно!

И Клодий заговорил с девушкой, нещадно коверкая каждое греческое слово.

– Твоя мать была галаткой? – спросил публикан, бесцеремонным взглядом ощупывая всю ее фигуру.

– Да, господин, – коротко ответила Ювентина, тоже переходя на греческий язык.

– Ты умеешь читать, писать?

– Могу читать, но писать не пробовала... разве что палочкой на песке.

– Но ты девушка способная. Если умеешь читать, то и писать научись. Главное, ты свободно говоришь на латыни и греческом. Это как раз то, что мне нужно.

Девушка взглянула на публикана с беспокойством.

– Ты... собираешься купить меня? – с запинкой спросила она.

²²⁹ Сапфо – известная греческая поэтесса, уроженка острова Лесбоса, воспевавшая любовь, красоту, природу, друзей и вино.

²³⁰ В Сицилии, римской провинции, господствующим был греческий язык.

– А что тебя смущает? Разве я хуже твоего плешивого господина? Или ты его так любишь, что тебе не хочется с ним расставаться?

Ювентина потупилась.

– Я слышала, что жена твоя очень дурно обращается с рабынями, – произнесла она сквозь зубы.

– Откуда тебе это известно? – нахмурился Клодий.

– Мне рассказала об этом одна из служанок твоей жены. Я случайно познакомилась с ней в Паллацинских банях и обратила внимание на то, что грудь девушки исколота булавками – это твоя жена истязала ее за ничтожную провинность. Девушка также рассказывала, что госпожа то и дело приказывает сечь рабынь розгами и даже подвешивать на ночь к кресту...

– Меня это не касается, – прервал публикан Ювентину. – Я давно уже не вмешиваюсь в дела своей жены, а ее не интересуют мои. Можешь быть спокойна, жена и знать о тебе ничего не будет. Я отправлю тебя в Сицилию. Не пожалеешь. Там прекрасный климат, море. Тепло даже зимой. Не то, что в Риме с его наводнениями и лихорадкой...

– Ну, что? – спросил Волкаций, прервав свой разговор с Сильваном и поворачиваясь к Клодию. – Как ты ее находишь?

– Ты прав, она почти настоящая гречанка.

– Что за грудь! Что за ножки! – со вздохом сказал Сильван, не спуская с девушки пожирающего взгляда.

Волкаций жестом руки разрешил Ювентине удалиться, и та поспешила к дверям триклиния.

Клодий проводил ее стройную фигуру глазами коршуна, упустившего добычу.

– Бедный Клодий, – язвительно произнес Сильван. – Эта девчонка, кажется, лишила тебя покоя. А ты попроси хозяина – он уступит ее тебе на нынешнюю ночь, – подмигнул он Волкацию. Но тот строго его осек:

– Не говори лишнего, Сильван. Сам-то ты прекрасно знаешь, что Ювентина у меня на особом счету – и ни тебе, сколько бы ты ни клянчил, ни кому-либо другому я ее не отдам... Эта девушка очень тонкая штучка, – продолжал он, обращаясь к Клодию. – С виду она скромна и послушна, но вполне способна закатить скандал, подобный тому, каким ославила в прошлом году прежнего хозяина...

– Это верно, – подтвердил Сильван, отхлебывая вино из своего кубка. – Ланиста Аврелий готов был растерзать ее на части...

– А в чем, собственно, дело? – с интересом спросил Клодий.

– Видишь ли, Ювентина с самого рождения росла в его деревне, – начал рассказывать Волкаций. – У Аврелия есть небольшая вилла близ Альбанского озера. Говорят, доход от нее ничтожный. Аврелий туда редко навдывается, да и то лишь для того, чтобы подросших молодых рабов брать с собой в Рим – обучать гладиаторскому искусству. О, теперь его школа на Квиринале лучше любой другой во всей Италии!.. И вот как-то в один из своих приездов в имение, увидев Ювентину в полном цвету, Аврелий рассудил, что зрелой девице нечего пропадать в деревне, и привез ее в город. Надо сказать, он не только своих рабов, но и рабынь держит, как говорится, в гончей форме, используя их в виде наград своим ученикам, отличившимся на арене. Для Ювентины он тоже решил не делать исключения, хотя на таких красотках, как она, умные люди делают немалые деньги. И вот он приказывает девушке идти в школу, с тем чтобы та отдалась там какому-то гладиатору, который провел удачный бой. Но не тут-то было! Ювентина заупрямилась. Аврелий приказал высечь ее розгами. Но она и после этого не смирилась, бросилась на Форум и припала к ногам народных трибунов...

– Вот глупая!²³¹ – усмехнулся Клодий.

²³¹ Народные трибуны могли встать на защиту только свободных жителей Рима. Рабы находились в полной зависимости

– Ты прав. Она добилась лишь того, что трибуны, пожалев девушку, вызвали Аврелия к себе, попеняли ему на то, что он принуждает рабыню к разврату, а тот вне себя от ярости, вернувшись домой, приказал подвергнуть жалобщицу бесчеловечным пыткам...

В это время остальные сотрапезники были заняты беседой о новом преторе Сицилии.

– Лучше спросите у меня! Уж я-то знаю всю подноготную о любом из отцов-сенаторов! – хвастливым тоном заявил Вибий Либон. – Что же касается Публия Лициния Нервы²³², то я не раз проворачивал с ним дела, правда, через его отпущенников...

– Я о нем всякого наслушался, пока был в Нумидии... Что он за человек? – хриплым голосом спросил Марк Тициний, лицо которого побагровело от выпитого вина.

– Мерзавец, каких мало! – изрек Дентикул.

– Он, говорят, здорово поистратился, чтобы добиться городской претуры, – заметил Приск.

– Только не думайте, он не из тех, кто расточает свое состояние в надежде, что ему поставят бронзовый памятник, – продолжал Либон. – О нет! Теперь, когда он заполучил в свои руки этот лакомый кусок – прощай, Тринакрия²³³! Провинция богата, а Нерва отличается невероятной алчностью и пойдет на любые злоупотребления, лишь бы вернуться в Рим богачом... А ты, мой милый, – обратился он к центуриону, – если хочешь получить место в его преторской когорте, проси совета и помощи у нашего уважаемого Клодия, он с ним лично знаком... Послушай, Клодий! – окликнул Либон публикана. – Прости за беспокойство, но вот у нашего друга Тициния возникли кое-какие трудности, и ты бы мог ему помочь...

– Помочь? Я? – Клодий уставил на Либона непонимающий взор.

– Речь идет об этой злополучной истории с капитуляцией легионов Авла Постумия под Сутулом и о том, что брат Тициния...

– А, знаю, слышал...

– Так вот, хотя Тициний совершенно непричастен к преступлению брата, его преследуют родственники Спурия и Авла Постумиев, строят ему всякие козни...

– Положение мое усугубилось тем, что в пятый легион, где я служу, назначили военным трибуном старшего сына Спурия Постумия, – мрачно сообщил центурион и, помолчав, добавил: – Он уже пообещал мне веселую жизнь на весь оставшийся срок службы.

– И чем же, по-вашему, я мог бы помочь? – произнес Клодий, вопросительно глядя то на Тициния, то на Либона.

– Ты ведь, я знаю, в близких отношениях с Нервой, – сказал Либон. – Тебе ничего не стоит замолвить перед ним словечко... ну, чтобы он взял Тициния с собой в провинцию.

– Вчера я виделся с ним на Форуме, – раздумчиво сказал Клодий. – Он сказал мне, что отправится в Сицилию не раньше, чем закончатся общественные зрелища...

– Это на него похоже, – рассмеялся Либон. – Нерва никогда не бывает настолько занят делами, чтобы забыть об удовольствиях...

– Да, клянусь Юпитером Статором! – с неистовой радостью вскричал Дентикул. – Завтра мы вдоволь насладимся и конными скачками, и колесничными бегами, и гладиаторскими играми!..

– Хорошо, я поговорю с Нервой, – немного помедлив, сказал Клодий, обращаясь к Тицинию. – Обещаю тебе.

от своих господ, которые могли их продать, купить и даже убить. В источниках зафиксировано всего несколько примеров, когда рабы все-таки обращались за помощью к народным трибунам: в одном случае, аналогичном описанному в этой части повествования, рабыня жалуется на господина, принуждающего ее к разврату, в другом – раб просит у трибунов защиту от своей госпожи, которая собирается распять его только за то, что он осмелился в нее влюбиться.

²³² *Публий Лициний Нерва* – наместник Сицилии в 104 г. до н. э. В его правление началось одно из крупнейших восстаний рабов (Вторая война рабов в Сицилии). Сам Нерва, командуя провинциальными войсками, потерпел от восставших несколько поражений.

²³³ *Тринакрия* (греч. «Трехконечный») – древнейшее название острова Сицилия.

– О, я буду так тебе признателен! – обрадованно воскликнул центурион.

Между тем рабы убрали со стола грязную посуду, подготовив его к третьей перемене блюд.

В триклинии снова появились девушки с подносами в руках, а двое рабов поставили на середину стола огромное серебряное блюдо с семью жареными молочными поросятами – ровно по числу гостей.

Самому хозяину подали отдельное блюдо с мелкорубленными овощами – Волкаций страдал болями в печени и избегал жирной пищи.

Гости принялись за еду, воздавая хвалу искусству повара и щедрости хозяина,

– Ты говорил, что она обошлась тебе недорого... И во сколько, если это не секрет? – спросил Волкация Клодий, искоса поглядывая на Ювентину, которая в это время по указанию домоправителя помогала мальчикам прислуживать за столом, подавая гостям кушанья и кубки, наполненные вином.

– Кто? Ювентина? – переспросил Волкаций. – О, этот мясник Аврелий явно продешевил! Он проиграл мне около четырнадцати тысяч сестерциев. Но что понимает в женщинах гладиаторский ланиста, грубая душа, погрязшая в мерзких казармах своей школы? – с презрением воскликнул он.

– Уступи мне ее. Я заплачу тебе вдвое больше.

– Продать Ювентину? Это невозможно.

– Подумай, Волкаций, это же больше, чем талант. Никто теперь не дает столько за женщину...

– Не проси, Клодий, Ювентину я не продам...

– Хорошо, даю два таланта, – терпеливо произнес Клодий.

– Клянусь Кастором, неплохая цена за девочку! – не удержался от возгласа Сильван и подмигнул хозяину дома.

Но лицо Волкация приняло непроницаемое выражение.

– Ювентина слишком дорога мне, не скрою, – сказал он твердо и, сделав паузу, продолжил: – Впрочем, если я и решусь расстаться с нею, то не менее чем за семь аттических талантов.

– Семь талантов! – изумленно вытаращил глаза Клодий. – Семь талантов за женщину?

– Кто это там говорит о талантах? – обернулся на голос публикана уже порядком захмелевший Либон. – Неужели сегодня ставки будут такими высокими?

– Если я не ослышался, – сказал Минуций, небрежно облокотясь на подушку, – наш добрейший Волкаций оценил эту девушку с чудесными золотыми волосами ровно в семь аттических талантов.

– Да это же более ста восьмидесяти тысяч сестерциев! Целое состояние! – воскликнул Тициний, алчно заблестев глазами.

– Он просто шутит, – сказал Клодий, пожимая плечами.

– Я не шучу, – спокойно произнес Волкаций. – Ювентина красивая и образованная девушка, свободно говорит на двух языках. Попробуй-ка найди еще такую...

– Семь талантов за девицу, которой еще вчера забавлялись ученики Аврелия! – в сердцах бросил Клодий.

– Вот беда! – насмешливо отозвался Волкаций. – Разве от этого у нее поубавилось красоты и грации? Вы только посмотрите, как легко, как изящно она ступает, какая у нее упругая грудь, какие стройные ноги. Не девушка, а медовый пряник! Она еще ни разу не забеременела и еще долго будет пленять своими юными прелестями, – не хуже, чем работороговец на рынке, расхваливал Волкаций прислужницу, которая то краснея, то бледнея от стыда под устремленными на нее со всех сторон беззастенчивыми взорами, застыла на месте и ждала решения своей дальнейшей участи.

– Недавно Луций Лукулл, – продолжал Волкаций, – приобрел для своих сыновей старика-грамматика, уплатив за него сто пятьдесят тысяч сестерциев. А я знаю одного трактирщика, перед домом которого этот ученый раб сидел на цепи...

– Семьдесят тысяч – последняя цена, – сказал Клодий.

– Нет, мой друг. Видят боги, не хочется мне тебе отказывать, но...

И Клодий, махнув рукой, отступился.

– Я потому из пролетариев перешел в сословие всадников, – сказал он с плохо скрытой досадой, – что никогда не позволял себе лишних трат на женщин.

Ювентина глубоко вздохнула. Она взяла у мальчика пустой поднос и вышла из триклиния.

– Какой захватывающий был торг – и никакого результата, – с насмешкой произнес Дентикул.

– Отчего же? – вдруг приподнялся на своем ложе Минуций. – Раз Клодий отказывается, то я возьму девушку по предложенной цене...

– Еще один свихнулся! – захохотал Дентикул.

Все остальные, позабыв о еде, уставились на молодого повесу изумленно и недоверчиво.

Ни для кого из присутствующих не было тайной, что Минуций основательно увяз в долгах. Самые осторожные из римских ростовщиков уже отказывали ему в займах, другие кредитовали его небольшими суммами. Минуций же всех уверял, что в Капуе пустил огромные деньги в рост и что у него там больше должников, чем кредиторов в Риме.

– Оставь, Минуций! Где ты возьмешь столько денег? – пьяным голосом вскричал Либон.

– Может быть, он обыграл в кости самого принцепса Эмилия Скавра, – предположил Сильван.

– Ну, так как же, Волкаций? Согласен ты или нет? – спросил Минуций, не обращая внимания на колкие реплики окружающих.

– Надеюсь, ты не забыл про те сорок тысяч сестерциев, которые должен мне вернуть в февральские календы? – после небольшой заминки в свою очередь спросил Волкаций.

– Можешь не беспокоиться. Если я сегодня получу девушку, то в феврале отдам тебе и плату за нее, и причитающийся с меня долг вместе с процентами. Но, повторяю, девушку я хочу увести с собой сегодня же...

– Я предпочел бы наперед получить задаток, – сухо сказал Волкаций.

– Да полно тебе! – беспечно рассмеялся Минуций. – Здесь достаточно свидетелей, чтобы мы могли заключить нашу сделку, ничем не нарушая законов Двенадцати таблиц²³⁴.

Волкаций усмехнулся и некоторое время раздумывал.

– Хорошо, – наконец, произнес он и, щелкнув пальцами, подозвал к себе домоправителя, который в продолжении трапезы неотлучно находился в триклинии.

– Весы, таблички, – отрывисто приказал он.

– Слушаюсь, господин, – сказал домоправитель, направляясь к двери.

– И Ювентину сюда! – крикнул ему вслед Волкаций.

Пока все это происходило, за столом царило молчание. Потом все разом заговорили.

Клодий чувствовал себя уязвленным.

²³⁴ *Законы Двенадцати таблиц* – древнейший памятник римского права. Дошел до нас только в цитатах или пересказе античных авторов. Согласно исторической традиции законодательство Двенадцати таблиц относится к 451—450 гг. до н. э. Типичным для законов Двенадцати таблиц является сохранение пережитков родового строя (принцип кровной мести, патриархальный характер семейного права) и наряду с этим защита частной собственности (например, суровое долговое законодательство). Законы были написаны на двенадцати деревянных досках, выставленных на городской площади. Никто поэтому не мог «отговариваться незнанием закона». От всякого вступающего в ряды граждан юноши требовалось знание законов наизусть. Считалось, что без этого нельзя выполнять обязанности гражданина.

– Вспомнишь мои слова, – с кривой улыбкой говорил он лежащему на соседнем ложе Тицинию, – этот легкомысленный молодой человек плохо кончит...

– Это уж точно, клянусь всеми хитростями Лаверны²³⁵! – услышав слова публикана, сказал Либон. – Такая безумная расточительность приведет к тому, что он промотает все свое состояние. Правда, недавно он говорил мне, что у него в Капуе на счету большие вклады с процентами, только не верю я этому. Здесь, в Риме, клянусь жезлом Меркурия, ни один ростовщик не принял от него ни одного сестерция – одни заемные письма...

– Но если Минуций без денег, на что же он в таком случае рассчитывает? – спросил озадаченный Тициний.

– Вот и мне невдомек! – пожал плечами Либон.

– Какая хитрая бестия, этот Волкаций! – тихо говорил Приск на ухо своему приятелю Дентикуну. – Девочка красивая, слов нет! Но вряд ли у храма Кастора за нее дали бы и четверть той цены, какую он заломил... А Минуций либо пьян, либо дурак!

– Сам не пойму, какая муха его сегодня укусила, – пробурчал в ответ Дентикун.

В этот момент в дверях показалась Ювентина, немного запыхавшаяся и растерянная.

Вероятно, домоправитель уже сообщил ей о том, что произошло в триклинии, пока она отсутствовала, потому что девушка сразу отыскала глазами Минуция, который, невозмутимо покончив с большим куском жареной свинины и подозвав к себе одного из мальчиков, тщательно вытирал об его курчавую головку свои испачканные жиром пальцы.

– Ювентина! – обратился к ней Волкаций. – Подойди вон к тому господину и делай то, что он тебе скажет...

Рабыня повиновалась и, обойдя других пирующих, приблизилась к ложу, на котором возлежал Минуций.

– Сюда, сюда, моя красавица, – посмеиваясь, сказал тот. – Встань-ка вот здесь, поближе, чтобы я мог дотянуться до тебя рукой...

Сделка была совершена, как и полагалось по обряду манципации²³⁶.

Исполняющий роль «весовщика» Дентикун взял в руки принесенные рабом весы, а Минуций, как покупатель, держа в левой руке небольшой кусочек меди, правую руку положил на плечо Ювентины и произнес требуемые древним обычаем слова:

– Заявляю, что эта женщина, по праву квиритов, является моей собственностью, ибо она приобретается мною за этот кусочек меди, взвешенный на этих весах.

С этими словами Минуций бросил медный слиток на чашу весов.

По закону Двенадцати таблиц эти слова, произнесенные покупателем в присутствии пяти свидетелей и «весовщика», почитались священными и нерушимыми. Этого было достаточно для совершения манципации, то есть купли-продажи. Хотя этот старинный обряд в описываемое время уже вышел из обязательного употребления, все же он нередко применялся в особо торжественных случаях для придания совершаемой сделке большей святости и надежности. Разумеется, письменный документ, скрепленный подписями и печатями, имел решающую силу.

Ввиду того, что деньги за рабыню еще не были уплачены покупателем, последний написал на восковой табличке обязательство передать Волкацию сто восемьдесят три тысячи четыреста сестерциев не позднее февральских календ текущего года. После этого Минуций скрепил документ печатью своего золотого перстня и передал табличку свидетелям, которые тоже приложили к воску свои печати.

²³⁵ Лаверна – италийская богиня воров, стяжателей и покровительница обманщиков.

²³⁶ Манципация – в древнеримском праве – торжественный способ передачи права собственности. При этом обязательно должны были присутствовать пять свидетелей и «весовщик» с весами.

По оформлении сделки сотрапезники поздравили товарища с новым приобретением, совершив все вместе очередное возлияние в честь Двенадцати богов Согласия.

– Можешь идти, Ювентина, – сказал Минуций девушке. – Не забудь присоединиться ко мне, когда я отправлюсь домой...

Говоря это, молодой человек не отказал себе в удовольствии победоносно взглянуть в сторону Публия Клодия, но тот сделал вид, что с увлечением смакует только что поданную на стол гусятину под кисло-сладким соусом.

Застолье продолжалось еще около часа и составило восемь перемен, что свидетельствовало о необычайной щедрости хозяина дома.

Потом были поданы кости и игральные доски из полированного кипарисового дерева, причем Минуций снова привлек всеобщее внимание, небрежно высыпав перед собой на стол целую пригоршню золотых денариев, показав тем самым, что он готов играть по-крупному.

Игра закипела.

Первые ставки снял Дентикул, который два раза кряду выбросил «Венеру»²³⁷. Затем счастье перешло к Минуцию, после чего снова к Дентикулу и поочередно то к Либону, то к Сильвану. Больше всего не везло Приску – его преследовали «собаки»²³⁸.

Тициний после многих неудач все же отыгрался. Минуций выиграл около четырехсот денариев серебром. Дентикул, выигравший в общей сложности три тысячи сестерциев, шумно радовался своему успеху. Приск проиграл полторы тысячи сестерциев наличными и еще остался должен Сильвану, любезно согласившемуся дать юноше под расписку тысячу сестерциев, которые сам выиграл у Волкация.

Игроки засиделись допоздна.

Только в первую стражу ночи Клодий, игравший все время с переменным успехом и в конце концов потерявший сотню денариев, потребовал обувь²³⁹.

Остальные гости, прервав игру, последовали его примеру.

– Не унывай, – говорил Дентикул расстроенному Приску, – не в последний же раз зашло солнце. Завтра будут скачки и гладиаторы. Улыбнется и тебе Фортуна – отыграешься...

Минуций покинул гостеприимный дом вместе с Ювентиной, державшей в руках небольшой узелок, в котором уместились все ее пожитки.

Одета она была в двойной хитон²⁴⁰ из грубой шерсти с наброшенным поверх него стареньким гиматием²⁴¹ (римляне своих рабов и рабынь, даже если они родились в Риме, одевали, как правило, в греческие одежды; тоги могли носить только римские граждане, а столы²⁴² и паллы²⁴³ – только свободные женщины).

На улице уже было совсем темно.

У портика²⁴⁴ дома Волкация продрогшие рабы с факелами в руках поджидали своих загулявших господ.

Геродор, раб Минуция, рослый и крепкий малый лет двадцати восьми, встретил господина, держа в руке зажженный восковой факел.

Он удивленно покосился на Ювентину.

²³⁷ «Венера» – самый удачный бросок при игре в кости.

²³⁸ «Собака» – самый неудачный бросок при игре в кости.

²³⁹ Римляне, перед тем как им «возлечь» за пиршественный стол, снимали свою обувь, отдавая ее слугам.

²⁴⁰ *Хитон* – верхняя одежда у греков (у римлян – туника). Мужчины, как правило, носили короткий хитон. Женщины чаще всего надевали так называемый двойной хитон – длинное, до пят, платье с поясом.

²⁴¹ *Гиматий* – греческий плащ, носившийся как мужчинами, так и женщинами.

²⁴² *Стола* – длинное просторное платье римских женщин.

²⁴³ *Палла* – верхнее парадное платье до пят, надевавшееся римскими женщинами поверх столы.

²⁴⁴ *Портик* – в богатых римских домах перекрытие от дождя у входа, поддерживаемое колоннами; вообще крытая галерея с колоннадой для защиты от дождя и солнца.

– Не бойся, она не кусается, – с усмешкой сказал ему Минуций. – Возьми ее за руку и следи, чтобы девушка не споткнулась и не расшиблась в темноте.

По пути он не проронил больше ни слова, погруженный в свои мысли, судя по всему, невеселые.

В доме на Кипрской улице еще никто не спал в ожидании прихода господина. Все домо-чадцы собрались в полутемном атриум, освещенном лишь двумя светильниками на канделябре, который стоял на треножнике рядом с алтарем ларов.

– О, боги! А это кто? – воскликнула Неэра, увидев Ювентину, неуверенно перешагнувшую через порог вслед за Минуцием.

– Она будет жить с нами, – сказал Минуций, устало зевая. – Позаботься о ней, Неэра.

Сказав это, римлянин удалился в свои покои, сопровождаемый Пангеем, освещавшим путь господину восковой свечкой.

Собравшимся в атриум рабам трудно было превозмочь любопытство, и они мало-помалу обступили девушку, разглядывая ее, словно дети, которым показали новую игрушку.

Это была сплошь одна молодежь.

Минуций терпеть не мог стариков и пожилых. Он чувствовал потребность видеть в своем доме одни лишь молодые лица.

Исключение составляла Неэра, возраст которой приближался к шестидесяти. Но она нянчила молодого господина в младенчестве, заменив ему в сущности рано умершую мать. В доме все слуги слушались ее, как хозяйку.

– А ну-ка, расходитесь! – властным тоном сказала Неэра. – Спать пора. Завтра никого из вас не добудитесь.

Потом она обратилась к Ювентине:

– Пойдем со мной. Я покажу тебе твою комнату.

Ювентина пошла за эфиопкой, которая, сняв с канделябра один из светильников, повела девушку к лестнице, ведущей в гипериион²⁴⁵, где располагались жилые помещения для при-слуги.

Как и в других домах состоятельных римлян, верхний этаж минуциева дома возвышался над пристройкой, в нижнем этаже которой находились комнаты для гостей, зимний триклиний и пинакотека, то есть картинная галерея. Строго говоря, верхний этаж римского дома назывался не гипериионом, а ценакулом, где у богачей была летняя столовая для цены – главной трапезы, которая продолжалась от трех до четырех часов пополудни, но Минуций даже свой таблин²⁴⁶ именовал библиотекой, как истинный поклонник всего греческого.

В комнатках, или, точнее сказать, каморках, гиперииона могло разместиться, по меньшей мере, десятка четыре рабов, но все они пустовали, так как незадолго до начала нашего повествования большую часть слуг Минуций, будучи уже не в состоянии их содержать, отправил в свою кампанскую деревню, оставив при себе только восемь человек, не считая Неэры.

По ночам здесь было холодно, и все оставшиеся в доме рабы с позволения господина перебрались вниз, заняв одну из комнат для гостей, которая в числе других помещений нижнего этажа отапливалась из гипокаустерия.

По узкой деревянной лестнице с перилами Неэра и Ювентина поднялись в гипериион.

– Вот здесь и будешь ночевать, – сказала старая эфиопка, открыв дверь ближайшей комнатки. – Не замерзнешь, потому что здесь под самым полом проходит труба от подвальной печи. Раньше в этой комнате жила одна из служанок... Тихая, скромная была девушка, – помолчав, добавила Неэра.

²⁴⁵ *Гипериион* – название верхнего этажа в греческом доме (у римлян – ценакул). Комнатки (каморки) рабов в римском доме всегда находились на верхнем этаже.

²⁴⁶ *Таблин* – у римлян комната, где хозяин дома хранил документы, письма, счетные книги и т. д.

– А где она теперь? – почти шепотом спросила Ювентина.

– Не бойся, – усмехнулась старуха, – наш господин не Минотавр²⁴⁷, пожирающий молодых девиц... А Тевеста, которая здесь обитала, теперь в Капуе. Там у господина есть большая гостиница. Недавно он всех своих рабынь туда спровадил, чтобы они его не смущали, потому что, – тут эфиопка понизила голос, – потому что он принял обет, пообещав Диане Тифатине, чей храм, если ты не знаешь, стоит на вершине горы Тифаты поблизости от Капуи, целый год хранить целомудрие и не прикасаться ни к одной женщине...

– Ты говоришь, он принял обет целомудрия? – быстро спросила Ювентина.

– Смотри, держи язык за зубами, – спохватившись, предупредила Неэра. – Господин не любит, когда про это болтают, особенно при посторонних... Хотя чего же тут стесняться? – переходя на рассудительный тон, продолжала она. – Боги любят, когда люди ведут себя благочестиво и дают им обеты. Лучше бы он постыдился пьянствовать да творить всякие безобразия и занялся бы делами, как подобает человеку из сословия всадников...

– Странно, – прошептала Ювентина.

– Чему ты удивляешься?

– Просто подумала, зачем я ему, если...

– Постой-ка, – прервала девушку Неэра, – да разве... разве он не в кости тебя выиграл?

– Нет, он купил меня у Волкация в кредит...

– В кредит? – поразилась старуха. – Вот так штука! А я-то думала... Я думала, если он отправился пировать к этому мошеннику – чтоб он в Тартар провалился вместе со своим игорным домом! – то непременно просадит у него кучу денег, как это не раз бывало, а тут появляешься ты... У меня с души как камень свалился – ну, думаю, хвала всем бессмертным богам, вернулся на этот раз мой голубок с выигрышем, да еще с каким... Прикинула тебя на глазок – молоденькая, думаю, тысяч на десять денариев потянет девушка у храма Кастора... А тут вон оно что! Прямо чудеса какие-то! Никогда он женщин не покупал. Видно, крепко ты ему приглянулась...

И Неэра приподняла повыше светильник, чтобы лучше рассмотреть лицо той, перед чарами которой не устояла душа избалованного и пресыщенного женскими ласками молодого господина.

– Ты и в самом деле красивая, клянусь Венерой Фиалковенчанной, – приглядевшись, сказала она.

– Только не похоже, – сказала Ювентина, – не похоже, чтобы он купил меня из-за того, будто я ему очень уж понравилась. Мне показалось...

– Что тебе показалось?

– Может быть, ему хотелось досадить кому-то или похвастать своим богатством...

– И сколько же он обещал заплатить?..

– Речь шла о семи талантах, если не ошибаюсь...

– Семь талантов! – ужаснулась Неэра, едва не выронив из рук светильник. – О, боги бессмертные! Да что ты такое говоришь, девушка?

– Я своими ушами слышала, хотя и сама не могла поверить. Он при мне написал обязательство, что уплатит деньги в февральские календы...

– В февральские календы? Семь талантов? – не могла опомниться старая эфиопка. – Да где же он возьмет такую кучу денег?..

– Значит, он не так богат, как все считают?

²⁴⁷ *Минотавр* – согласно греческому мифу обитавшее в Лабиринте на острове Крите страшное чудовище, которому жители Афин в качестве дани, по требованию критского царя Миноса, ежегодно отсылали на съедение семь юношей и семь девушек. Минотавр был убит героем Аттики Тесеем.

– Был когда-то, – слабо махнула рукой Неэра. – Отец его, покойник, оставил ему наследство – всякий бы позавидовал. Да только он все прокутил с друзьями и с этой своей блудницей... хвала богам, оставил он ее, наконец. Она была настоящей фурией, пагубой денег! Посмотрела бы ты, что здесь творилось! Дня не проходило без пиров, игроков и всяких там пьяниц-прихлебателей... Не в родителя пошел сынок, боги свидетели! Тот был человеком уважаемым, бережливым – ничего лишнего себе не позволял, а если и принимал гостей, то это были люди почтенные, как и он сам... Ох, предчувствую я беду, да не допустит этого всемилоливый Юпитер!..

Ювентина, слушая старую женщину, стояла с задумчивым видом.

– Что ж, – сказала Неэра после недолгого молчания. – Ложись и отдыхай, девушка... Как тебя зовут?

– Ювентина.

– Красивое имя... Оно так тебе подходит – ты такая молоденькая²⁴⁸... Подумать только, семь талантов! – сокрушенно покачала головой эфиопка. – Ты раздевайся, я посвечу тебе, – говорила она, пропуская девушку в крохотную комнатку, где стояла узкая кровать, накрытая шерстяным одеялом, и маленький столик на высоких ножках у ее изголовья (он служил для того, чтобы складывать на него верхнюю одежду).

Ювентина разделась до туники, той самой, в которой прислуживала гостям у своего прежнего господина, и забралась под грубое толстое одеяло.

– Ну, спокойной ночи, Ювентина, – сказала эфиопка, собираясь уходить.

– Спокойной ночи, добрая госпожа.

– Госпожа? – тихо засмеялась старуха. – Ну, нет, моя милая! Уж если наш господин пообещал отдать за тебя столько серебра... не тебе, а мне величать тебя госпожой...

– Как же мне звать тебя? – с улыбкой спросила Ювентина.

– Зови, как все... Неэрой.

– Спокойной ночи, Неэра.

²⁴⁸ Имя Ювентина происходит от латинского слова *juventa* (юность).

Глава седьмая

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗРЕЛИЩА

Утро следующего дня началось с жертвоприношений и пышной церемонии перед открытием зрелищ в Большом цирке, который собрал великое множество зрителей. Этот цирк мог вместить до ста тысяч человек.

После жертвоприношения на Капитолии торжественная процессия через Форум, Этрusco-квартал и Бычий рынок направилась в Мурцийскую долину, где находился Большой цирк.

Это шествие во всех своих мелочах повторяло шествие триумфальное.

Впереди шли музыканты с трубами. За ними выступали сенаторы, жрецы, а в самом центре процессии двигалась колесница, запряженная четверкой лошадей. На ней стояли оба курульных эдила, на которых была возложена обязанность устроителей и распорядителей сегодняшних зрелищ.

Эдилы были облачены в пурпурные, вышитые золотом тоги. Над их головами раб держал золотой с драгоценными камнями венок. За колесницей шли семьи эдилов и многочисленные клиенты²⁴⁹, одетые в праздничные белоснежные тоги.

В это же самое время на Марсовом поле, у алтаря Марса, также совершался торжественный ритуал с жертвоприношением великому богу войны.

Его алтарь окружала огромная толпа, в которой выделялись построенные отрядами молодые римляне в красных туниках с золотыми поясами, в шлемах, украшенных перьями, со щитами и копьями в руках. Отдельно от этих пеших воинов стояли всадники, державшие под уздцы своих лошадей. Всем им, и пешим, и конным, предстояло участие в военных играх на арене цирка перед состязаниями колесниц.

Немного поодаль от алтаря Марса и обступавшей его толпы, у входа в Септу, собирались почитатели таланта шестидесятилетнего Луция Акция²⁵⁰, который в этот день должен был впервые поставить свою новую трагедию «Терей».

Септа представляла собой огороженное со всех сторон место, куда сходились во время центуриатных комиций граждане, уже отдавшие свой голос за кандидатов на должности консулов, преторов и военных трибунов. Здесь они дожидались конца голосования, чтобы никто из них не имел возможности проголосовать еще раз. Но так как центуриатные собрания проводились один раз в году, то Септа очень часто использовалась не по своему прямому назначению. Нередко здесь давались театральные представления, а порой и гладиаторские бои.

Богатая нумидийская добыча, внесенная Марием в казну, позволила устроить торжества в честь Юпитера Всеблагого и Величайшего, который даровал римлянам победу в долгой и напряженной войне, с необычайным размахом. Помимо цирковых зрелищ, сценических представлений, военных и гладиаторских игр, сенат постановил устроить пиршество для народа с раздачей зерна и масла беднейшим гражданам, выделив для этой цели несколько миллионов сестерциев.

Надо отметить, что расходы римского эрария на празднества и связанные с ними дорогостоящие обряды и всякого рода представления в описываемое время заметно возросли по сравнению с былыми годами, когда Риму приходилось утверждать свое могущество, напрягая для этого все свои силы. Но после покорения Македонии и ограбления Греции государственная

²⁴⁹ *Клиенты* – находившиеся под покровительством богатого и знатного лица (патрона) бедные граждане, а также вольноотпущенники. Они обязаны были сопровождать патрона на Форуме, голосовать за него на выборах, а тот в свою очередь оказывал им материальную поддержку, защищал в суде и т. д.

²⁵⁰ *Луций Акций* (170—85 гг. до н. э.) – римский драматург. От его произведений сохранились лишь незначительные фрагменты.

казна никогда не испытывала особенно острой нехватки средств, а римские граждане были освобождены от взимавшейся раньше подушной подати. Теперь денег хватало и на государственные нужды, и на устройство великолепных зрелищ и священнодействий в честь многочисленных божеств – покровителей Рима. При этом чествовали не только своих, исконно римских и общеиталийских богов, но также и чужих, заморских, культ которых в разное время находил место в официальном римском пантеоне.

В описываемый период римляне ежемесячно отмечали по пять, а то и по восемь или десять религиозных праздников. Стоит поэтому удивляться тем колоссальным издержкам, которые несла римская казна, если учесть еще и непредвиденные торжества, требовавшие денег и средств: большие и малые триумфы, освящение новых храмов, лектистернии и селлистернии, многодневные молебствия, совершаемые по обетам, данным от имени государства магистратами или сенатом.

Вместе с тем нельзя забывать, что Вечный город еще только-только вступал в эпоху своего невиданного блеска и роскоши, которыми он спустя столетие затмит все остальные города мира. Пока же чужестранцы, посещавшие Рим, называли его огромной деревней, ибо в городе, хотя он постоянно украшался все новыми общественными строениями, портиками, базиликами, храмами, не было даже постоянного театра, и римским драматургам приходилось давать свои представления в самых различных и зачастую непригодных для этого местах. Не было в Риме и амфитеатра²⁵¹, предназначенного для гладиаторских игр, столь любимых римским народом. В ту пору подобные сооружения возводились только в некоторых городах Кампании, где страсть к боям гладиаторов зародилась еще во времена этрусского владычества²⁵². В Риме эти кровавые зрелища устраивались, как правило, на рыночных площадях или где-нибудь за пределами города, у погребальных костров. Число участвовавших в них гладиаторов было сравнительно невелико. Обычно какой-нибудь содержатель гладиаторской школы мог выставить на арену не более двадцати-тридцати пар обученных бойцов. Сто или более пар гладиаторов были уже событием неординарным, о котором потом долго вспоминали.

Случалось, хотя и редко, что в Рим пригонялись тысячи военнопленных из Галлии, Испании, Фракии, Иллирии и других стран, где население особенно упорно отстаивало свою свободу. Тогда устраивались настоящие сражения на просторных аренах Большого или Фламиниева цирков.

Но вернемся к нашему повествованию.

Пока народ развлекался в Большом цирке, ревом тысяч голосов и громом аплодисментов приветствуя победителей в заездах колесниц и конных скачках, на Форуме заканчивались работы по возведению помостов для зрителей в той его части, где предстояло зрелище гладиаторского боя. Десятки плотников под руководством мастеров-подрядчиков визжали пилами, стучали топорами и молотками, забивая последние гвозди в деревянные строения вокруг пространства перед Рострами²⁵³, которое рабы и служители усердно посыпали песком, смешан-

²⁵¹ *Амфитеатр* – открытое круглое или эллиптическое сооружение, специально предназначенное для гладиаторских зрелищ. Впервые данная архитектурная форма возникла в исключительно жадной до гладиаторских игр Кампании, заимствовавшей гладиаторские бои у этрусков и передавшей затем этот обычай Риму. Долгое время самым древним считался амфитеатр в Помпеях, возведенный около 80 г. до н. э., однако новейшие исследования показали, что еще до него существовали сооружения подобного рода в Капуе и Кумах.

²⁵² Этрусский период в истории Италии изучен слабо из-за недостатка письменных и других источников. Этрурия – обширная область к северо-западу от Рима и Лация (ныне – Тоскана). Могущество этрусков относится к VII – VIII вв. до н. э., после чего начинается усиление Рима. Влияние этрусков на римлян сказалось, в частности, в символике высшей власти (связки прутьев-розов с вложенными в них топорами, которые несли слуги перед этрусскими царями; тога с пурпурной каймой; курульное кресло), а также в устройстве гладиаторских боев. Изначально последние были связаны с заупокойным культом, когда пленных заставляли биться на могилах этрусских вождей, а затем они сохранили значение зрелищ.

²⁵³ *Ростры* – большая каменная трибуна в северной части Форума, украшенная носами вражеских кораблей. Была построена в честь морской победы Гая Мения, консула 338 г. до н. э. С Ростральной трибуны в дни народных собраний и сходов обращались с речами должностные лица и судебные ораторы во время громких процессов.

ным с киноварью, отчего будущая арена постепенно приобретала буровато-багровый цвет. Еще накануне помосты, сооруженные в южной части площади специально ко дню триумфа и загромождавшие подступы к курии Гостилия и Фульвиевой базилике²⁵⁴, были разобраны и послужили дополнительным материалом для новых ступенчатых трибун на Комиции²⁵⁵. Эти высокие помосты, расположенные по периферии площади народных собраний, образовывали вместе с Рострами подобие амфитеатра.

Между Мамертинской тюрьмой и трибуналом ночных триумвиров два места были огорожены дощатым забором. Одно из них предназначалось для гладиаторов, готовящихся к выходу на арену, другое, поменьше, называлось сполиарием, где после боя раздевали убитых и добивали тяжелораненых гладиаторов. Вход в сполиарий представлял небольшие ворота, увитые гирляндами цветов. Зрители называли их Либитинскими воротами или воротами Смерти...

Военные игры, конные скачки и колесничные ристания в Большом цирке закончились после полудня.

Из цирка народ повалил на Марсово поле, где уже все было готово для общественного пиршества.

Согласно постановлению сената угощение для граждан давалось на десяти тысячах столах. Большая часть столов расставлена была в южной части поля – на Фламиниевом лугу, остальные – на Овощном рынке у Карментанских ворот. Там звучали свирели, флейты и гремели тимпаны. Фокусники и скоморохи веселили праздный люд, собиравшийся у столов с закусками.

Обычно угощение для народа было скромным и состояло в основном из пирогов и лоры, любимого виноградного напитка римлян. Подавали и вино, терпкое и не очень хмельное. Но в этот день на столах дымились изжаренные на огне куски мяса жертвенных быков из гекатомбы²⁵⁶, принесенной Юпитеру Капитолийскому в день триумфа. Рабы и общественные слуги, насаживая мясо на вертела, готовили его тут же на разведенных повсюду кострах.

При восторженных и радостных криках распечатывались амфоры с вином урожая десятилетней и большей давности. Это было вино, приготовленное виноделами с Фалернской горы²⁵⁷ специально для возлияний во время жертвоприношений в римских храмах.

Народные гуляния продолжались почти до третьего часа пополудни, когда римляне, веселые и оживленные, стали покидать Марсово поле, устремившись в город и растекаясь по улицам, ведущим к Форуму.

Незадолго до заката главная площадь походила на кишаший людьми огромный муравейник, в центре которого темно-багровым пятном выделялась круглая арена.

Все места на многоярусных трибунах были заняты, что, однако, не мешало их энергичному перераспределению между теми, кто успел их захватить, явившись сюда пораньше, и теми, кто пришел слишком поздно, но так или иначе рассчитывали полюбоваться зрелищем, не испытывая при этом тех неудобств, которые неизбежно сопутствовали многим зрителям, вынужденным тесниться в толпе и смотреть представление стоя.

За лучшие места, расположенные ближе к арене, богатые люди платили от двух до четырех денариев. Бедные плебеи охотно уступали за такую плату свои сидячие места. Для них подобные сделки были очень выгодны, если учесть, что дневной заработок наемного сельского рабочего в страдную пору равнялся примерно одному денарию.

²⁵⁴ *Базилика* – большое архитектурное сооружение, великолепное здание с двумя рядами колонн с залами для судебных заседаний и торговых операций.

²⁵⁵ *Комиций* – часть Форума перед рострами, место, где происходили народные собрания.

²⁵⁶ *Гекатомба* – у греков, а затем и у римлян – большое жертвоприношение ста и более быков.

²⁵⁷ *Фалернская гора* – гора в области Кампании, на склонах которой выращивали особые сорта винограда для изготовления одного из лучших вин в Италии.

Минувший год стал знаменательным и судьбоносным в отношении гладиаторских боев в Риме. Раньше получить бесплатно удовольствие от этого кровавого зрелища можно было лишь в дни больших похорон, у погребального костра, на котором сжигались останки какого-нибудь знатного и богатого гражданина. Пока горел костер, рядом с ним шла беспощадная резня между бусиариями – так назывались гладиаторы, предназначенные для погребальных игр. В остальных случаях пощекотать себе нервы таким представлением приходилось за плату, и беднейшие римские граждане выказывали по этому поводу большое недовольство.

Еще Гай Гракх, будучи народным трибуном, приказал однажды разобрать изгороди, препятствующие проходу на Форум, где давался платный гладиаторский бой, чтобы люди победнее тоже могли полюбоваться зрелищем. Но тогда этот поступок Гракха вызвал сильнейший скандал. Между тем и в сенатской среде все больше говорили об изнеживающем влиянии на римский народ греческой культуры, усматривая в этом причину упадка старинной доблести римлян.

Консул предыдущего года Публий Рутилий Руф, человек широко образованный, учившийся в молодости у самого Панетия²⁵⁸, первым предложил включить гладиаторские бои в программу общественных зрелищ. В своей речи перед отцами-сенаторами он горячо доказывал, что лучшего средства для поддержания в народе боевого духа невозможно представить. Предложение Рутилия было принято. Сенатским постановлением гладиаторские бои были объявлены частью всех, без исключения, общественных зрелищ и устройство их возлагалось на курульных эдилов.

Кстати сказать, Рутилий и его коллега по должности Гней Манлий Максим тогда же решили проводить обучение легионеров с помощью гладиаторских ланист и наиболее опытных гладиаторов. Последние должны были научить солдат самым изощренным приемам рукопашного боя, чтобы противопоставить истинное боевое искусство бешеному натиску кимвров. Правда, даже такая тщательная подготовка воинов не спасла армию Гнея Манлия от поражения в битве под Араузионом: как уже говорилось выше, она почти полностью была уничтожена варварами вместе с легионами проконсула Нарбоннской Галлии Квинта Сервилия Цепиона.

От этого мероприятия консулов больше всего выиграл ланиста Гай Аврелий, содержатель самой большой в Риме школы гладиаторов, потому что он был главным поставщиком преподавателей для проходивших обучение консульских легионов. В благодарность за «особые услуги», оказанные государству, Аврелий получил преимущественное право сдавать внаем своих учеников во время Великих и Плебейских игр в минувшем году, и таким образом обошел соперников по профессии, заработав очень большие деньги, что в свою очередь позволило ему расширить свою школу на Квиринале: число обучавшихся в ней гладиаторов уже приблизилось к тысяче, а это, по тогдашним меркам, ставило ее в разряд самых крупных в Италии заведений подобного рода.

Аврелий и в наступившем новом году надеялся сохранить монопольное право на использование своих бойцов. Он добился того, что эдилы купили у него почти две трети гладиаторов из общего числа участников сегодняшних игр. Заодно он получил крупный подряд на поставку строительного леса, предназначенного для сооружения зрительских трибун на время триумфа и зрелищ.

Из-за отсутствия в Риме постоянного амфитеатра Форум был традиционным местом для проведения гладиаторских боев. Летом, когда палило солнце, над головами зрителей растягивалась крыша из парусины. Но нередко организаторы игр намеренно приурочивали зрелище к концу дня, учитывая в этом случае страсть римлян к боям в ночное время. Поэтому выступ-

²⁵⁸ *Панетий* – известный философ-стоик из Родоса, современник и друг Цициона Эмилиана Африканского. У Панетия учились многие знатные римляне, ставшие образованными людьми своего времени.

ления гладиаторов, начавшись вечером, продолжались ночью. При свете факелов впечатление от них было особенно сильным.

Судя по всему, и на этот раз жестокое развлечение должно было закончиться поздно ночью.

День затухал. Солнце скрылось за стеной серых облаков, скопившихся на горизонте. Словно раскаленные в гигантском кузнечном горне неровные края их горели, отбрасывая кровавые отсветы на позолоченные черепицы крыши храма Юпитера Капитолийского, а широкая тень от базилики Семпрония почти полностью накрыла площадь с неумолчно гудевшим на ней скопищем народа.

Возле храма Согласия собрались уже знакомые нашему читателю Гней Волкаций, Публий Клодий, Габиний Сильван и Корнелий Приск, которые с видимым нетерпением поджидали всех остальных, с кем они условились здесь встретиться после окончания ристаний в цирке.

Вскоре явился Лициний Дентикул, державший под мышкой складную игральную доску и явно не терявший надежды скоротать время за игрой в кости до начала зрелища.

Этому страстному игроку суждено было попасть на страницы истории благодаря Цицерону²⁵⁹, который примерно полвека спустя с возмущением вспоминал о нем, как о величайшем негодяе, ибо тот «без всякого стеснения играл даже на Форуме».

Дентикул жил на Велабре и вел праздный образ жизни, целыми днями шатаясь по городу в поисках таких же, как и он сам, любителей испытать в игре благосклонность Фортуны. Его нередко видели в самых дешевых и грязных тавернах, где он не брезговал водиться с отпетым сбродом, лишь бы спастись от скуки, если не находил желающих бросить кости в более приличных местах.

Всеобщую известность он снискал буйными скандалами и потасовками. В отношениях с людьми он был непредсказуем, к тому же отличался огромным ростом и необычайной силой. В кулачных боях он не знал себе равных. Как-то он затеял драку на Бычьем рынке, которая закончилась невиданным погромом, увечьями и даже гибелью нескольких человек, раздавленных в толпе из-за возникшей паники. Дентикул за это привлечен был к судебной ответственности. Его непременно приговорили бы к изгнанию, но благодаря заступничеству друзей и подкупу судей он отделался лишь большим штрафом в казну. Можно было бы не задерживать внимание читателя на личности этого сумасброда, но нам еще предстоит встретиться с ним позднее в один из значимых моментов повествования, когда Дентикул из-за своего неистового нрава едва не навлек на римлян большую беду.

Вслед за Дентикулом пришел Вибий Либон, как всегда жизнерадостный и неугомонный. Он принес с собой деревянные таблички со списком имен гладиаторов, участников выступления, и раздал их друзьям, которые с интересом принялись их рассматривать.

В этот момент показались Минуций и Ювентина, пробравшиеся сквозь толпу со стороны курии.

Еще утром, перед тем как отправиться в цирк, Минуций вызвал к себе Неэру и объявил ей, что намерен взять Ювентину с собой на Форум, для чего девушку необходимо как следует приодеть.

Старая эфиопка изумилась.

– Как? Ты хочешь вместе с ней присутствовать на зрелище?

– А что тут такого? – с невозмутимым видом спросил Минуций.

– Подумай сам, как отнесутся к этому твои друзья? А если они приведут с собой жен, дочерей? Каково им будет рядом с рабыней? Ведь это будет верх неприличия, настоящий скандал, если свободные римские матроны окажутся в обществе с...

²⁵⁹ Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) – знаменитый римский оратор, юрист, писатель и государственный деятель.

– Особенно если это будут жены Либона и Клодия, – со смехом прервал няньку Минуций. – Эти две жабы рядом с Ювентиной будут выглядеть еще отвратительнее... В стане римлян, избравших себе в консулы простого арпинского крестьянина, – продолжил он философским тоном, – женщины тоже должны состязаться в доблести, а не в знатности и родовитости.

– Значит, ты все это придумал из одного пустого тщеславия? – покачала головой Неэра.

– Как ты не поймешь, старая! Мне нужно кое-кому напомнить, что я приобрел очень дорогую игрушку, не пожалел на нее больших денег. Я хочу, чтобы весь город узнал, что Минуций заплатил за девушку больше, чем претор Лукулл за своего ученого грамматика. Может быть, после этого мне смелее будут давать займы...

– Ах, мой господин! Ты и так весь в долгах и...

– Довольно, помолчи ради всех твоих черномазых богов! Лучше поразмысли, во что бы нам одеть ее, нашу куколку...

– О чем тут думать? – проворчала старуха. – Вон твоя Никтимена оставила сколько всякого тряпья! Там есть совсем новое гальбиновое платье. Никтимена его почти не носила. Оно ей было тесновато, а Ювентина еще не успела растолстеть, как эта обжора...

– Ну-ка, попридержи язык, – строго остановил Минуций старую няньку. – Если ты думаешь, что я навсегда порвал с Никтименой, то ошибаешься. Впредь говори о ней уважительно.

Когда Минуций ушел, Неэра принялась за дело: достала из сундука в летней спальне господина упомянутое платье из гальбина и другие вещи, принадлежавшие раньше его любовнице.

Все это она унесла в свою комнату, после чего позвала Ювентину.

Ювентина, по характеру уравновешенная и сдержанная, не выказала ни удивления, ни радости, когда Неэра сообщила ей, что сегодня она должна будет сопровождать господина на Форум и – о, счастливица! – увидит настоящий бой гладиаторов. Такое зрелище было доступным лишь свободным римским гражданам, их женам и детям. Старуха с неподдельным завистливым вздохом добавила, что сама была бы непрочь хоть одним глазком посмотреть на гладиаторов.

Опасения Неэры, что с платьем придется повозиться, оказались напрасными. Когда Ювентина предстала перед ней в чудесном нежно-зеленом гальбине²⁶⁰, одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, как оно хорошо сидит на ней и как ей идет.

Неэра была чрезвычайно довольна этим обстоятельством, избавившим ее от лишних хлопот.

– Великолепно, превосходно, – приговаривала она, со всех сторон оглядывая девушку. – Ни убавить, ни прибавить. Слов нет, как хорошо...

В тот момент, когда Ювентина набросила поверх платья огненного цвета лацерну, дверь приоткрылась, и в комнату осторожно заглянул Пангей.

– А, заходи, заходи, – пригласила его Неэра. – Вот, полюбуйся-ка! Не правда ли, замечательно?

Юноша, войдя в комнату и увидев Ювентину в роскошном наряде, волшебным озарившем ее природную красоту, словно прирос к месту от восхищения и долго молчал.

– Божественно! – наконец, вымолвил он.

В час после полудня из цирка вернулся Минуций.

Он был в прекрасном настроении, так как сделал удачные ставки при забегах колесниц и выиграл тысячу сестерциев. Осмотрев Ювентину в ее новых ярких одеждах, он выразил полное удовлетворение ее видом, отметив только отсутствие у нее украшений.

²⁶⁰ *Гальбин* – ткань или платье из этой ткани желтого или бледнозеленого цвета, носившиеся женщинами или изнеженными щеголями.

Потом он пообедал и лег спать, приказав разбудить его около крайнего часа²⁶¹.

Неэра, чтобы ничто не потревожило покой господина, выпроводила из дома всех рабов, которые во главе с Пангеем отправились в ближайшую харчевню угостить себя праздничным обедом.

Неэра и Ювентина в это время занялись выбором украшений.

Проснувшись, Минуций завернулся в белоснежную тогу и поверх нее надел греческую хламиду бирюзового цвета, носимую в ту пору завзятыми щеголями.

Неэра вывела к нему из своей комнаты наряженную Ювентину.

– Царица! – произнес Минуций, с довольной улыбкой глядя на девушку.

Через минуту они вышли из дома. По пути молодой римлянин наставлял Ювентину:

– Что бы ты сегодня ни услышала от меня или от моих друзей, сохраняй спокойствие. Постарайся забыть, что ты рабыня. А ну, голову выше! Гляди смелее! Грудь вперед! – командовал он ей, словно центурион новобранцу. – Девушка ты красивая, но этого мало. Нужно, чтобы в одной только поступи твоей чувствовалась сама богиня...

– Кажется, я догадываюсь, – решила сказать ему Ювентина. – Как и вчера, когда ты поразил своих друзей на пиру, пообещав уплатить за меня умопомрачительную сумму денег, так и теперь я нужна тебе для того, чтобы ты по-прежнему мог их дразнить...

– Ты очень сообразительна, – усмехнулся Минуций. – Впрочем, сегодня ты мне понадобишься в качестве номенклатора²⁶²...

– Номенклатора? – удивилась девушка.

– Я ведь слышал вчера от Волкация, что ты принадлежала ланисте Аврелию и что тебе знакомы многие гладиаторы из его школы. Вот и будешь мне подсказывать, кто из них чего стоит. Раньше я частенько бывал на Квиринале, чтобы перед самыми играми приглядеться к бойцам, оценить их силу и отвагу. Это всегда помогало мне делать верные ставки. Но последние два месяца меня не было в Риме, а состав учеников школы, как ты сама понимаешь, быстро меняется. Вряд ли там много осталось из тех, кого я знал раньше.

– Это верно, – подтвердила Ювентина. – После Великих и Плебейских игр²⁶³ школа почти наполовину опустела. Аврелию пришлось закупать обученных гладиаторов в Капуе и Помпеях. Я никого из них не знаю и, боюсь, не смогу быть тебе полезной...

– Ну, из твоих старых знакомых кто-нибудь да будет обязательно, – возразил Минуций.

В это время они уже подходили к храму Согласия.

– Да поможет мне Юпитер! Глазам не верю! – воскликнул Клодий, который первый увидел Минуция и его спутницу.

– Что такое? – обернулся к нему стоявший рядом Волкаций.

– Исключительное бесстыдство, – кивнул откупщик головой в сторону приближавшейся пары. – Этот поклонник Дианы потерял всякое чувство меры в своей наглости. Если не ошибаюсь, с ним твоя бывшая рабыня...

– В самом деле! – поразился Волкаций.

– Достойная замена! Сначала была капуанская блудница – теперь гладиаторская потаскушка, – съязвил Габиний Сильван.

– Говорите, что хотите, но красота ее бесподобна, – сказал Приск, с искренним восхищением глядя на Ювентину, которая шла, расправив плечи и высоко подняв голову, как учил ее Минуций, и в окружавшей ее толпе не было никого, кто не обратил бы на нее внимания и не проводил бы чувственным взглядом.

²⁶¹ *Крайний час* – так у римлян называли предвечерний час, около 4—5 часов дня (в зимнее время).

²⁶² *Номенклатор* – раб-подсказчик, в обязанности которого входило знать и называть своему господину имена встречающихся на улицах граждан, имена рабов в доме и т. д.

²⁶³ *Великие и Плебейские игры* – многодневные празднества в честь Юпитера. Великие игры справлялись в сентябре, а Плебейские – в ноябре.

Отливавшее бледной зеленью гальбиновое платье девушки было перехвачено в талии широким пурпурным поясом, вышитым золотыми нитями. Стройность ее фигуры подчеркивала ниспадавшая прямыми складками ярко-красная лацерна. Золотом искрились в закатных лучах солнца восхитительные светлые кудри, обвитые вокруг головы изящной и тонкой работы короной из электра с оправленными в него голубыми камешками сапфира.

Минуций, шествуя рука об руку с юной красавицей, подвел ее к благородной компании и сказал с невинной улыбкой:

– Не удивляйтесь, друзья мои! Отныне эта достойная девушка присоединяется к сонму свободных женщин Рима.

– Как? Ты отпускаешь Ювентину? – не выдержав, изумленно спросил Волкаций.

– А почему бы и нет? – с усмешкой взглянул на него Минуций.

– Да потому, – насупился тот, – потому, что, если я не получу от тебя денег в условленный срок, то заберу Ювентину обратно и...

– Ну, уж нет, добрый мой Волкаций! – со смехом перебил его Минуций. – Ювентину ты назад не получишь, так и знай...

– Посмотрим, – угрюмо проворчал Волкаций.

– Так что же! – с нетерпением произнес Дентикул. – Раз все в сборе, давайте решать, где нам лучше всего разместиться. Куда направимся?

– Первые ряды сплошь забиты нобилиями, – начал было Приск, но Дентикул тут же возразил приятелю:

– Пусть меня разразят все громы и молнии Юпитера, если я сяду среди этих самодовольных ослов, да еще вот с этим в руках, – выразительно постучал он пальцем по своей игровой доске. – После того, как меня едва не лишили «воды и огня», я стараюсь пореже попадаться на глаза отцам-сенаторам и особенно цензорам...

– Вон там, за Рострами, – сказал Клодий, – полным-полно бездельников с Эсквилина и Целия – ждут не дождутся наших денежек...

После недолгого совещания решено было занять места на ближайшем от Ростр помосте, возвышавшемся перед Семпрониевой базиликой.

Первым туда двинулся Дентикул, раздвигая толпу могучими плечами и зычно покрикивая на встречающих, чтобы они дали ему пройти. За приятелем неотступно следовал Приск. Остальные продвигались медленнее, с трудом преодолевая сопротивление людской массы, которая с каждой минутой становилась плотнее из-за множества народа, прибывавшего на площадь со стороны Бычьего переулка и Яремной улицы.

Ювентина отстала от Минуция – ее намеренно оттеснил от него публикан Клодий. С неожиданной ловкостью и силой он привлек ее к себе.

– Ты сегодня удивительно хороша, сладкая моя, – сказал он ей на ухо. – Послушай, что я тебе скажу. Если не будешь строптива и уступишь мне, я тебя щедро награжу...

И он запечатлел на розовой шейке девушки страстный поцелуй.

В тесноте толпы Ювентина чувствовала себя совершенно беспомощной. Попытка вырваться из хищных рук ни к чему не привела. Одной рукой Клодий прижимал ее к себе, другая рука быстро нашла и властно ощупывала грудь...

– Я закричу, – сдавленным голосом проговорила она.

Это немного подействовало на публикана. Он перестал блуждать рукой по ее телу и несколько ослабил объятия.

– Советую тебе не слишком задирать передо мной свой хорошенький носик, – заговорил он тихо, но внятно. – Ты, видимо, еще не разобралась, в каком положении оказалась. Я тебе сейчас кое-что растолкую... Во-первых, выбрось из головы все то, что наобещал тебе твой новый господин. Хотя он объявил тебя свободной, это ровным счетом ничего не значит. Можешь мне поверить, у него нет и никогда не будет денег, чтобы выкупить тебя. Мне допод-

лино известно, что он всем своим кредиторам уже душу заложил. Можешь не сомневаться, скоро ты вернешься к Волкацию. С ним я в конце концов договорюсь о цене, и ты будешь принадлежать мне. Только я один сделаю тебя отпущенницей, если, конечно, будешь со мной ласкова и послушна. Я тебя хочу, и ты будешь моею... Теперь слушай! Назавтра у Волкация вновь затевается игра. Минуций будет там непременно. Так что после полудня тебе никто и ничто не помешает прийти в тот конец Субуры, где она пересекается с улицей Патрициев. Там стоит, если ты не знаешь, большой доходный дом Сервия Антистия. В нем я сниму комнату для наших свиданий. Мой раб будет ждать тебя у входа в дом и проводит тебя... Ты все поняла? Не вздумай меня обмануть. Я не прощаю обид...

Клодий отпустил ее, когда они подошли к базилике, где остановились Минуций, Либон и Сильван, наблюдавшие за тем, как Дентикул и Приск, уже взобравшиеся на помост, договариваются там с простолюдинами, готовыми за плату освободить свои места.

Ювентина поспешила стать рядом со своим беспечным господином, который не обратил никакого внимания на взволнованный вид девушки.

– С тебя причитается, – обратился Клодий к Минуцию. – Я помог твоей красавице благополучно выбраться из этой толчеи.

– За это я приму любые твои условия относительно поединка «провокаторов», – с рассеянным видом отозвался Минуций, рассматривавший в этот момент поданную ему Либоном табличку с именами гладиаторов.

Вскоре Дентикул и Приск, стоявшие на помосте, замахали друзьям руками, давая им знать, что торг успешно завершён и можно подниматься вверх, чтобы занять купленные места...

Глава восьмая

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗРЕЛИЩА

Продолжение

Минуций усадил Ювентину по левую руку от себя, у самого края помоста. Справа от него расположился Клодий, потом Волкаций и далее все остальные. Отсюда, с высоты четвертого яруса, арена была видна ничуть не хуже, чем с Ростральной трибуны, на которой расставлены были скамьи, предназначенные для консулов, преторов и прочих должностных лиц.

Что касается членов сената, то они вместе со своими семьями разместились на лучших местах слева от Ростр. Право сидеть во время общественных игр отдельно от народа сенаторы получили спустя восемь лет после окончания Второй Пунической войны. Считалось, что сама эта идея была впервые подана Сципионом Африканским, победителем Ганнибала, а тогдашние цензоры воспользовались ею, приказав курульным эдилам выделить для сенаторов первые ряды в цирке. Простые граждане отнеслись к этому новшеству не без ропота. Многие считали, что подобное разделение по неравенству сословий несет с собой вред их согласию и стесняет свободу. Сам Сципион позднее каялся, что такое затеял, признавая, что забвение древних порядков никогда не заслуживает одобрения.

Ювентина долго не могла успокоиться, мучаясь стыдом и бессильным гневом. Тело ее еще хранило прикосновения рук пошлого публикана, а его нашептывания о том, что она все равно будет в его власти, наполняли сердце девушки безысходной тоской и отчаянием.

Похоже, Клодий знал, о чем говорил, да и без слов Клодия было ясно, что Минуций разорен. Неэра ей весь день твердила о том же. Правда, вел себя Минуций с удивительным присутствием духа. Он никак не походил на впавшего в уныние и потерявшего последнюю надежду должника. Видимо, что-то его поддерживало. Ювентина терялась в догадках. Может быть, Минуций действительно отдал в рост большие деньги капуанским менялам? Или он само воплощение легкомыслия, жалкая душа, которая живет одним днем и одними лишь приятными впечатлениями?

«О, боги! За что мне такая напасть? Мало, что ли, натерпелась я от изверга Аврелия? Дайте мне хоть искорку надежды, хоть какой-нибудь просвет в этой подлой жизни! Пусть не увижу я свободы, но сделайте так, чтобы я осталась у Минуция», – молилась она про себя, и ей хотелось плакать.

О Минуции она слышала раньше, когда еще жила в доме Аврелия. Как-то она прислуживала за столом во время званого обеда, на который Аврелий пригласил нескольких владельцев гладиаторских школ, таких же, как и он сам, грубых и неотесанных мужланов. Все они, заговорив о Минуции, нещадно его ругали. «Мать его, – кричал Аврелий со злобой, – мать его выпечена из муки самого грубого сабинского помола, а замесил ее грязными от лихоимства руками меняла-вольнотпущенник из Трех Таверн, где он смолоду убирал навоз на конном дворе! А вы посмотрите, сколько в нем гонору! Как он кичится знатностью своего рода!». Гости Аврелия, не скупясь на крепкие словечки, поносили Минуция за скандальную связь с гетерой, за разнузданные оргии и разврат, царящие в его доме. Говорили также, что Минуций самым недопустимым образом распустил и избаловал своих рабов. Последних часто видели слоняющимися без дела по улицам. У них и деньги водились. Они их добывали, подрабатывая в Эмпории во время срочных разгрузок судов, и поэтому имели возможность посещать таверны и даже развлекаться в дешевых лупанарах. Сотрапезники Аврелия возмущались тем, что Минуций не держит в своем доме лорария. «Потакать рабам, – говорил один из них, – давать им волю жить, как им заблагорассудится, – это значит, объявить всем фамилиям нечестивую войну». –

«Да, да! Лучше, когда раб плачет, хуже, когда он смеется», – повторяли остальные известную римскую поговорку.

Зато от рабов Аврелия Ювентина слышала, как они хвалили Минуция за его милостивое обращение с рабами, сетуя на жестокость своего господина, который за малейшие провинности приказывал сечь их розгами и подвергал пыткам в гладиаторском carcere. Они считали, что любые пороки Минуция по сравнению с его человечностью не имеют ровно никакого значения.

Ювентина, страстно ненавидевшая Аврелия за все пытки и издевательства, какие она перенесла по его воле, не могла с этим не согласиться. И когда накануне вечером домоправитель Волкация, позвавший ее в триклиний и сообщивший, что не Клодий, а Минуций договорился с хозяином о ее покупке, она, помимо большого удивления, испытала чувство, похожее на ликование.

Минуций в ее представлении не шел ни в какое сравнение с Клодием и Волкацием еще и потому (это для нее тоже многое значило), что он был молод и хорош собой, но главным было, конечно, то, что она, как в тот момент рисовало ей воображение, разом избавлялась от двух зол: от возможности оказаться по милости господина-сводника в каком-нибудь гадком притоне или в доме Клодия с его свирепой женой...

Мало-помалу Ювентина взяла себя в руки и, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, окинула взглядом шумящее и волнующееся море зрителей, которые уже начинали выражать нетерпение, аплодисментами и криками требуя начала представления.

Однако скамьи на Рострах, где должны были разместиться должностные лица и устроители зрелища, пока пустовали.

Ланисты гладиаторов, чтобы занять толпу до прихода консулов и прочих магистратов, выпустили на арену «лузorieв» и «пегниариев» – так назывались потешные бойцы, начинающие гладиаторы, еще не прошедшие полную боевую подготовку. Зрители в шутку называли их бескровные выступления «холодной закуской».

«Лузории» были вооружены деревянными мечами и небольшими круглыми щитами, а их противники, «пегниарии», держали в руках плети и палки.

Начавшаяся между ними борьба отчасти напоминала веселую потасовку, в которой никто из ее участников не получал обычно серьезных увечий, если не считать ссадин и кровоподтеков, зато много было беготни и суеты, вызывавших у публики оживление и смех, особенно у маленьких детей, приведенных на зрелище их родителями. Мимоходом следует отметить, что римские дети начинали впитывать интерес к гладиаторам чуть ли не с молоком матери.

С высоты помоста вся площадь виделась как на ладони.

По рыночным дням Ювентина часто бывала здесь вместе с рабами или подругами-рабынями, сопровождая домоправителя, закупавшего провизию. Тогда ей некогда было разглядывать достопримечательности Форума, битком забитого тележками, лотками, торговцами и покупателями.

Сегодня центральная площадь города, освещенная багровым сиянием вечерней зари, словно преобразилась и казалась великолепной.

Позади помоста возвышалась громада Семпрониевой базилики, верхние галереи которой также заполняли зрители.

Когда-то на месте базилики стоял дом Сципиона Старшего, но шестьдесят с лишним лет назад дом снесли вместе с находившимися здесь мясными и прочими лавками. Построенная здесь базилика стала самым большим зданием на Форуме и соперничала по величине лишь с возведенной позднее базиликой Фульвия, или Эмилия, которая строилась под руководством цензоров Марка Эмилия Лепида и Марка Фульвия Нобилиора²⁶⁴.

²⁶⁴ Оба упомянутых деятеля были цензорами в 179 г. до н. э.

Как уже упоминалось, место перед Рострами, где была устроена арена и где громоздились сооружения временного амфитеатра, называлось Комицием. Здесь происходили плебейские сходки и выборные собрания по трибам, то есть трибутные комиции, на которых избирались народные трибуны, курульные и плебейские эдилы, городские, провинциальные и войсковые квесторы, а также коллегии по очистке дорог и улиц, по выводу колоний и наделению земель.

В этой части Форума было много каменных, бронзовых и мраморных статуй богов и героев Рима. Здесь же, за оградами красивых позолоченных решеток, росли священные растения, в том числе знаменитый фикус, под тенью которого, как гласила легенда, часто отдыхали Ромул и Рем. Рядом произрастали олива, виноградная лоза и лотос – египетский цветок, про который говорили, что он был древнее самого города.

С северо-запада площадь замыкал Капитолийский холм. У его подножия, рядом с лестницей Гемоний, которая служила началом подъема к храму Юпитера, стоял уже упомянутый храм Согласия, освященный еще Марком Фурием Камиллом. В нем была сосредоточена военная казна. Остальные государственные деньги хранились в храме Сатурна, находившемся неподалеку, ближе к Бычьему переулку, у которого заканчивалась Священная улица, проходившая мимо Семпрониевой базилики и как бы сливавшаяся со всей площадью.

На восточной стороне Комиция самым примечательным и красивым зданием была курия Гостилия, где обычно происходили заседания сената. Стены курии покрывала искусная роспись, изображавшая победные сцены из войны римлян с сицилийцами.

Севернее курии, почти примыкая к ней, находился атрий Свободы – там цензоры проводили перепись граждан по цензу, производили запись новых граждан, распределяя их по сельским или городским трибам, а в остальное время здесь содержались и пытались рабы, обвиненные в тяжких уголовных или государственных преступлениях.

Ближе к Мамертинской тюрьме, в которой приводили в исполнение смертные приговоры, был расположен трибунал ночных триумвиров, иначе называемых также триумвирами по уголовным делам (они выносили здесь свои беспощадные вердикты ворами, грабителям и убийцам, если это не были римские граждане, имевшие право на особый гражданский суд, а также право обращаться за помилованием к народному собранию, если им выносились смертные приговоры). Тут же стояла знаменитая Мениева колонна, на которой обычай позволял вывешивать проскрипции с объявлениями о продаже с торгов имущества должников.

Южнее базилики Семпрония на Форум выходила Этруская улица. Ювентина еще месяц назад проживала там в доме ненавистного Аврелия. Этруская улица была людной и торговой. Продавали здесь в основном благовония, дорогие ткани и одежды, но примыкавший к улице квартал, тоже называвшийся Этрусским, считался одним из самых бедных в Риме. Аврелий без труда находил среди обитателей этого района желающих наняться к нему в качестве охранников его гладиаторской школы, находившейся на Квиринальском холме.

Само название улицы свидетельствовало о том, что в древнейшие времена, когда Рим еще не был одним городом и состоял из отдельных поселков, разбросанных по возвышенностям среди малярийных болот, на этом месте жили пришельцы из Этрурии, о чем напоминала и старинная статуя этрусского бога Вертумна²⁶⁵, которая стояла у самого выхода улицы на Форум.

Окинув взглядом площадь, Ювентина принялась рассматривать передние ряды зрителей. Там разместились богачи в белоснежных тогах вместе со своими женами и детьми.

В глазах у нее зарябило от ярких и разноцветных одежд матрон и девушек, от сверкавших на них украшений из золота и драгоценных камней, свидетельствовавших о том, что со времени отмены Опписева закона римские женщины уже не знали никакой меры и удержу в стремлении к роскоши. Ювентина знала, с каким наслаждением вспоминали римлянки о наибо-

²⁶⁵ *Вертумн* – древнеиталийское (этрусское) божество изменений и превращений, в том числе смены времен года, товарообмена и непостоянства чувств.

лее внушительной победе, которую когда-либо женская половина Рима одерживала в борьбе за свои насущные интересы.

Это была давнишняя и вместе с тем хорошо известная всем история. Закон о роскоши, принятый по предложению народного трибуна Гая Оппия²⁶⁶ в самый разгар войны с Ганнибалом, установил запрет римским женщинам иметь более полуунции золота, носить окрашенную в разные цвета одежду, а также ездить в повозках по Риму и по другим городам или вокруг них на расстоянии одной мили.

Закон этот действовал более двадцати лет, но в консульство Марка Порция Катона и Луция Валерия Флакка²⁶⁷, спустя семь лет после окончания войны, терпению женщин пришел конец. Они по сути дела открыто восстали против Оппиева закона и заставили мужчин отменить его.

В тот день, когда в народном собрании должны были поставить на голосование быть или не быть закону, тысячные толпы матрон и девушек заполнили все улицы и подходы к Форуму. Женщины хватили за руки и умоляли мужчин, идущих на собрание, голосовать за отмену закона, лишившего их, может быть, единственной радости в жизни – наряжаться и носить украшения. На помощь своим городским подругам в Рим стекались и сельские жительницы. Все вместе они убеждали мужчин согласиться с тем, что теперь, когда республика цветет и люди день ото дня богатеют, женщинам нужно возратить украшения, которые они прежде носили.

Под влиянием этих жалостливых мольб и настойчивых увещаний противников Оппиева закона стало заметно больше, чем его сторонников. Последних возглавил негодующий Марк Порций Катон, обрушивший на требования женщин всю силу своего красноречия. Он обвинял их в дерзости, безрассудстве, распущенности, в стремлении блистать золотом и пурпуром, разъезжая по городу на колесницах, подобно триумфаторам, одержавшим победу над законом, который был принят для блага государства.

Против Катона выступил с не менее убедительной, но более прочувственной речью народный трибун Луций Валерий, считавший Оппиев закон слишком суровым и несправедливым.

Живыми красками обрисовал он то безрадостное и унижительное положение, в каком оказались женщины Рима по сравнению с женщинами других италийских городов.

– Сколько же, клянусь богами, рождается в их сердцах боли и негодования, – восклицал Валерий, обращаясь к собранию, – когда они видят, что женам наших союзников оставлено право носить украшения, а им это запрещено; когда видят, как те, блистая золотом и пурпуром, разъезжают по улицам в пышных повозках, а наши жены за ними идут пешком, будто не Рим владыка державы, а города-союзники! Такое зрелище может ранить и мужское сердце!

Речь Валерия была выслушана благосклонно значительным большинством собрания, но, чтобы приступить к голосованию, требовалось согласие всех народных трибунов, а двое из них (это были братья Марк и Публий Бруты) заявили, что никогда не допустят отмены закона, и воспользовались своим правом «вето». Собрание было распущено. Порций Катон торжествовал.

Однако на следующий день еще больше женщин, чем прежде, высыпало на улицы. Громадной толпой окружили они дом Брутов и не расходились до тех пор, пока не уговорили их отказаться от своего «вето».

После этого на Форуме состоялось голосование, и все без исключения трибы высказались за отмену Оппиева закона вопреки предостережениям мудрого Катона о губительных последствиях роскоши, за которой должны были прийти ее неразлучные спутники – сребролюбие, стяжательство и связанные с ними преступления и гражданские распри.

²⁶⁶ Гай Оппий – народный трибун в 215 г. до н. э.

²⁶⁷ В 195 г. до н. э.

На арене продолжалась жаркая схватка между «лузориями» и «пегниариями». Но зрителям уже наскучила эта показная театрализованная борьба. Нетерпение их нарастало – все ждали настоящего боя.

Зрители поглядывали на Ростры, но там по-прежнему никого не было. Видимо, что-то задерживало высших должностных лиц государства. В толпе уже слышались тревожные разговоры: уж не случилось ли чего? не получили ли консулы какие-нибудь недобрые сообщения из Галлии?

Как раз в это время Минуций и его друзья обсуждали последнюю новость: восстание тектосагов во главе с их вождем Копиллом, изменившим договору с римлянами и заключившим союз с кимврами.

Ювентина поначалу не без интереса прислушивалась к этому разговору, но вскоре внимание ее привлекли веселый шум и смех собравшихся внизу под помостом молодых плебеев, которые, окружив седоволосого старика, упрашивали его растолковать значение сновидений, так или иначе связанных с гладиаторами.

– Скажи, почтенный Куртизий, бывают ведь сны, когда и самому приходится выступать гладиатором? – спрашивал старика молоденький юноша в тоге-претексте с пурпурной каймой, какие носили несовершеннолетние.

– В таких случаях, мой милый, – добродушно отвечал старый плебей, – нужно ожидать либо судебного разбирательства, либо другого какого преследования. Скажем, если на тебе оружие гладиатора убегающего, например, «ретиария»²⁶⁸, то ты будешь ответчиком, а оружие гладиатора нападающего, «мирмиллона»²⁶⁹ или «секутора»²⁷⁰, означает жалобщика... Ну, а если подобный сон приснится вот такому молоденькому, как ты, Клувий, еще неженатому, так это непременно к скорой свадьбе...

В толпе молодых людей грянул дружный хохот.

– Поздравляем, Клувий!.. Поздравляем! – послышались со всех сторон насмешливые голоса, а юный Клувий, покраснев от смущения и досады, нахмурился и крепко стиснул зубы, чтобы лишним словом не вызвать еще большего веселья.

– Притом очень важно, – продолжил Куртизий после того, как все утомонились, – очень важно, с кем дерешься... Вот, например, кто бьется с «фракийцем»²⁷¹, тот возьмет жену богатую, коварную и любительницу во всем быть первой. Почему богатую, спросите вы? Потому, что «фракиец» весь в латах. А коварную потому, что меч у него кривой, а первенствующую, потому что он чаще всего наступает...

– А если бьешься с «самнитом»²⁷²? – поинтересовался кто-то.

– Кто бьется с «самнитом» при серебряном оружии, тот возьмет жену красивую, не очень богатую, зато верную, хозяйственную и уступчивую, потому что такой боец чаще отступает перед «фракийцем» или «галлом»²⁷³, а доспехи и оружие у него более красивые... А вот если кому приснится, что он схватился с «секутором», то получит в жены богатую красотку, но капризную и заносчивую. От такой жди хлопот... «Ретиарий» и того хуже, потому что тот, кто увидит его во сне, женится на бедной, страстной и распутной, то есть такой, что будет отдаваться всем желающим, настоящая волчица... «Андабат»²⁷⁴? Этот означает, что жена будет богатая и знатная, но умом недалекая. Богатая и знатная потому, что боец на коне, а глупая,

²⁶⁸ «Ретиарий» – гладиатор, вооруженный трезубцем (фусциной) и сетью.

²⁶⁹ «Мирмиллон» – гладиатор в шлеме, увенчанном серебряной рыбой – мирмиллом. Обычный противник «ретиария». Вооружен был небольшим круглым щитом и коротким мечом.

²⁷⁰ «Секутор» – гладиатор, вооруженный большим прямоугольным щитом и коротким мечом.

²⁷¹ «Фракиец» – гладиатор, вооруженный щитом и кривым мечом.

²⁷² «Самнит» – гладиатор в шлеме с забралом, вооруженный небольшим щитом и коротким прямым мечом.

²⁷³ «Галл» – гладиатор с галльским национальным оружием.

²⁷⁴ «Андабат» – конный боец-гладиатор в шлеме с забралом без отверстий для глаз, вооруженный щитом и копьем.

потому что «андабат» ничего не видит в своем шлеме без отверстий для глаз... А вот «провакатор» означает жену красивую и милую, но уж больно жадную до любовных утех. Такая, как сказал один греческий мудрец, и самого сильного мужа высушит пуще огня и до времени в старость загонит...

В это время Минуций, тронув Ювентину за плечо, протянул ей табличку с именами гладиаторов.

– А ну-ка, посмотри, кого ты знаешь в этом списке? – сказал он.

Девушка взяла табличку и быстро пробежала ее глазами.

Табличка была испещрена именами всех семидесяти четырех гладиаторов, участников предстоящего боя. Напротив каждого из имен была сделана пометка, в каком качестве будет выступать тот или иной боец.

– Вот Амикл, «секутор», – найдя знакомое имя в табличке, заговорила Ювентина. – О нем я только знаю, что он выдержал несколько боев и один раз был помилован зрителями за проявленную храбрость... А вот Гиацинт, храбрый и ловкий юноша. Сегодня он будет выступать «большим щитом»... Сатир! О, этого я хорошо знаю! Он один из лучших бойцов Аврелия... Странно, здесь он помечен «ретиарием», хотя обычно выступает в тяжелом вооружении...

– Постой-ка! Знакомое имя! – Минуций наморщил лоб, припоминая. – Сатир! Ну, как же! Помню этого храбреца. Он сражался на прошлогодних Мегалисийских играх и в праздник Злого Юпитера. Обязательно поставлю на него. Клянусь дубиной Геркулеса, уже одно то, что он до сих пор жив, кое-что значит... Ну-ка, кто там еще?

– Эвгемел, «самнит», – продолжала Ювентина, водя пальцем по табличке. – Этого привезли из Капуи, где он отличился во многих поединках, но в Риме был ранен и помилован... Алкей... нет, такого не помню... Лидиад, Триптолем... нет, этих я тоже не знаю. Мемнон... О, боги! Не может быть! – взволнованно ахнула Ювентина, и лицо ее покрылось внезапной бледностью.

– Что такое? Кто он, этот Мемнон? – спросил Минуций.

Ювентина подняла на него свои огромные глаза с застывшим в них изумлением.

– Этого не может быть, – дрогнувшим голосом сказала она. – Ведь он... все говорили, что его нет в живых, что он умер от ран в Капуе...

– Возможно, это кто-то другой, носящий то же имя... Прости, – увидев, что девушка погрузилась в задумалась, мягко произнес Минуций. – Кажется, он был дорог тебе...

– Ты прав, – печально вздохнула девушка. – Я о нем очень жалела, хотя... хотя мы с ним были едва знакомы. Он был такой необыкновенный... сильный, храбрый и хорошо владел оружием, но, как видно, на каждого сильного всегда найдется сильнейший. Три месяца назад Аврелий увез его на игры в Капую. Потом пришло известие, что он погиб...

Ювентина снова тяжело вздохнула.

Минуций хотел у нее о чем-то спросить, но в это время площадь загудела, раздались аплодисменты и радостные крики.

Все взоры обратились на Ростры, куда поднимались магистраты: оба консула, оба претора, курульные и плебейские эдилы, а вместе с ними должностные лица низшего ранга – квесторы, эрарные трибуны и триумвиры по уголовным делам.

Первым на Ростры вошел Гай Марий.

Он выделялся среди прочих не только своим внушительным ростом, но и одеждой. На нем была новая, расшитая пальмовыми узорами тога, которая называлась триумфальной. Право на ношение такой тоги сохранялось за триумфаторами на всю жизнь. В ней нельзя было появляться только на заседаниях сената.

Второй консул, Гай Флавий Фимбрция, выглядел по сравнению со своим коллегой намного бледнее. Вид он имел почти что невзрачный. Он был среднего роста и худосочен. Тонким чер-

там его недоставало мужественности. Фимбрия не отличался ни большой физической силой, ни крепким здоровьем и, как уже отмечалось в начале нашего повествования, не обладал достаточным военным опытом. Но во время предвыборной кампании, выступая перед народной сходкой, он резко высказывался против продажной знати, хвалил Мария, говорил, что сейчас важно как никогда сохранить единоначалие в опаснейшей войне с кимврами, а посему товарищем прославленного полководца должен быть человек, настроенный к нему благожелательно и безусловно признающий его превосходство в делах военных. Он напомнил согражданам, к каким печальным последствиям привели разногласия и соперничество двух военачальников под Араузионом. Другими словами, он намекал, что в данной ситуации его кандидатура является наилучшей. Эта предвыборная тактика принесла Фимбрии успех на выборах. Он был избран вторым консулом после Мария, обойдя более заслуженных и именитых соперников.

Преторы Гай Меммий и Луций Лициний Лукулл показались на Рострах, дружески беседуя между собой. Когда-то они очень холодно относились друг к другу, почти враждебно. Меммий долгое время считался вождем популяров, но потом многое изменилось. В последнее время его отличали умеренность и стремление найти согласие с теми, кого он шесть лет назад так страстно бичевал в своих речах на Форуме.

Гай Меммий был уже не тем смелым и непримиримым врагом сенатской знати, каким он показал себя в бытность свою народным трибуном, когда побуждал граждан против высокопоставленных деятелей, погрязших в коррупции.

Во время громких судебных процессов по делам «о попустительстве Югурте» многие сенаторы настойчиво искали дружбы с Меммием и всячески заискивали перед ним. Принцепс сената Марк Эмилий Скавр, над которым тяготели подозрения относительно его преступных сношений с нумидийским царем, сумел расположить к себе Меммий и других видных популяров, что позволило ему избежать судебного преследования. Даже суровый Метелл Нумидийский, отличавшийся нетерпимостью к «новым людям», относился к Меммию весьма благосклонно, а это в свою очередь способствовало сближению последнего с Луцием Лукуллом, который был женат на сестре Метелла. Во всяком случае, на преторских выборах Меммий не испытывал никакого противодействия со стороны оптиматов, как это было с Марием в сходной ситуации.

Пока магистраты рассаживались по своим местам, хриплый звук буцины²⁷⁵ призвал «лузориев» и «пегниариев» прекратить показную схватку и очистить арену. В это же время один из курульных эдилов подал знак ланистам, чтобы они начинали представление.

Вооруженные длинными копьями стражники, стоявшие у наскоро и грубо сколоченных Парадных ворот, расступились.

Вскоре по арене двинулась процессия гладиаторов.

Музыканты, расположившиеся вблизи арены, между Либитинскими воротами и трибуналом ночных триумвиров, грянули какой-то неистово-бравурный марш, вполне соответствовавший предстоящему варварскому зрелищу. Звучание труб, переливы флейт, барабанный бой, шум рукоплесканий и радостные вопли зрителей слились в общий ликующий рев.

Совершая традиционный обход арены, гладиаторы шли колонной по двое в том порядке, в каком они должны были сражаться и в каком отмечены были их имена в специальных табличках, которые за плату распространялись заранее предприимчивыми людьми.

Толпа выкрикивала имена своих любимцев:

- Тавр!..
- Андриск!
- Гиацинт!..
- Адволант!..

²⁷⁵ *Буцина* – витая труба, сигнальный горн (пастуший, охотничий, военный).

– Эвгемел!..

В первой паре были так называемые «провокаторы», высокие и сильные молодые люди, одетые в яркие пурпурные туники. На головах у них были кожаные шлемы, покрытые чеканными изображениями из бронзы. Оба гладиатора имели одинаковое вооружение, держа в руках средней длины мечи и небольшие круглые щиты, называемые пармами. Эта пара бойцов специально готовилась для поединка, в котором они должны были продемонстрировать перед зрителями не столько силу, сколько быстроту и ловкость приемов, то есть искусство фехтования.

Следом выступали участники групповых схваток.

Пять пар «ретиариев» и «секуторов», всегда вызывавшие особый интерес у публики, резко отличались друг от друга по вооружению. «Ретиарии» несли сети и фусцины – трезубцы, насаженные на древки из ясеневоего дерева. Их противники, «секуторы», или «преследователи», были в латах и имели большие крепкие щиты и короткие обоюдоострые мечи.

За ними ехали верхом на лошадях и с копьями в руках «андабаты». Лошадей их вели под уздцы служители, потому что эти конные бойцы ничего не видели в своих железных шлемах с глухими забралами, не имевшими прорезей для глаз. Им предстояло сражаться вслепую, как бы играя в прятки со смертью.

Еще семь пар гладиаторов (одних из них называли «малыми щитами», других – «большими щитами») представляли особую группу, специально созданную изобретательными ланитами, чтобы разнообразить борьбу на арене. Половина из них вооружена была большими, нарочно утяжеленными щитами в форме выгнутых прямоугольников и короткими мечами, а их противники, наоборот, имели небольшие овальные щиты, но зато более длинные мечи. Кроме того, ноги у «малых щитов» защищали непомерно высокие поножи, стеснявшие их движения, чтобы они были лишены серьезного преимущества (в данном случае большей подвижности) перед неповоротливыми «большими щитами».

Шествие замыкали двадцать четыре пары гладиаторов, которых называли «самнитами» и «галлами». Последние имели очень устрашающий вид в своих шлемах, увенчанных оскаленными звериными мордами, что делало их похожими больше на германцев, чем на обитавших по соседству с ними галлов. Но одеты они были по-галльски. Ноги их от пояса до щиколоток прикрывали браки, сшитые из грубой ткани и кожи. В руках они держали короткие широколезвийные мечи и средней величины продолговатые щиты.

«Самниты» по своему вооружению и одежде представляли воинственных уроженцев горного Самния, с которыми в отдаленные времена римляне вели ожесточенные войны. Вооружены они были небольшими прямоугольными щитами и короткими мечами, начищенными и отполированными до зеркального блеска. Шлемы их с высокими гребнями из перьев и конских волос имели широкие, сильно изогнутые поля и напоминали греческие дорожные шляпы. Лица бойцов скрывали забрала с круглыми отверстиями для глаз. Одеты они были в короткие пурпурные туники без рукавов, левую ногу защищал наколенник, правую руку от кисти до локтя – посеребренный бронзовый наручник. Зрители особенно любили «самнитов» за красоту вооружения.

Когда передние ряды гладиаторов поравнялись с Рострами, раздался их дружный возглас, обращенный к должностным лицам и сенаторам:

– Res publica! Morituri te salutant!²⁷⁶

Зрители встретили это мужественное приветствие громом рукоплесканий.

Ювентина посмотрела в табличку, которую все еще держала в руках: имя «Мемнон» стояло в седьмой паре списка «самнитов».

²⁷⁶ Республика! Обреченные на смерть приветствуют тебя! (лат.).

Девушка перевела взгляд на растянувшуюся по периметру арены колонну гладиаторов и отсчитала по порядку семь пар бойцов в дырооких шлемах. Сердце ее вдруг учащенно забилося – она почти узнала высокую статную фигуру...

Внизу, в проходе между помостами, толпа шумно обсуждала шествующих по арене гладиаторов.

– Хороши ребята, клянусь Геркулесом!

– Хвала эдилам! Отобрали самых лучших...

– Не сравнить с теми, каких нам показали во время Сатурналий²⁷⁷ заезжие ланисты из Помпей...

– Стыдно вспомнить! Это были какие-то человечки с ламповой крышки...

– Вот уж верно! Дунешь на них – и повалятся...

– Ох, смотри-ка! Вон тот... «большой щит» в третьей паре... Узнаешь ли его?

– Клянусь Кастором! Да это же Зенон, письмоводитель Септимулея, эрарного трибуна! Как он сюда попал?

– Я слышал, будто накрыли красавчика, когда он забавлял свою госпожу, жену казначея...

– Вот дурак казначей! Сам дал огласку, выставил себя на посмешище!..

– Дешевый человечешко!..

– Раб-то чем виноват? Делает, что велят. Лучше бы посадить быку на рога эту ночную вазу!..

Все же Ювентина еще не была уверена, что это действительно Мемнон, а не кто-нибудь другой, носящий то же имя.

Внезапно в памяти ее сверкнуло воспоминание: Мемнон получил довольно глубокую рану в левое плечо, сражаясь на Аполлоновых играх²⁷⁸ – шрам после этого обещал быть заметным...

Когда «самниты» поравнялись с помостом, на котором сидела Ювентина, взгляд ее выхватил обнаженное плечо гладиатора и... продолговатый рубец на нем. Сомнений быть не могло! Мемнон получил эту рану в поединке с Гарпалом! Значит, сообщение Береники было ложным! Это действительно Мемнон, он жив, но ему еще предстоит драться и остаться в живых!..

²⁷⁷ *Сатурналии* – древнеиталийский праздник, справлявшийся в течение ряда дней (с 17 декабря) в память о «золотом веке» (бога Сатурна) и отличавшийся особым весельем.

²⁷⁸ *Аполлоновы игры* – празднество в честь Аполлона. Его справляли в первых числах месяца квинтилия (июля).

Глава девятая

ГЛАДИАТОР МЕМНОН

Первая их встреча произошла в разгар минувшего лета, накануне Аполлоновых игр.

За день до этого Ювентина и еще двое молодых рабов, выполняя приказ господина, пришли в Рим из альбанского имения. Жизнь в городе не сулила ей ничего хорошего – Ювентина хорошо знала, что ее ждет...

Ларисса, мать Ювентины, незадолго до смерти попыталась уговорить Аврелия, чтобы тот устроил девушку в школу танцовщиц. Это была ее заветная мечта. Она думала, что такой красавице, как ее дочь, со временем удастся заработать нужное количество денег для выкупа на свободу. Она знала, что актерам и танцовщицам даже в неволе часто перепадают деньги и подарки. Но Аврелий и слушать ее не захотел, лишь грубо выбранил.

Мать заболела и умерла, не дожив до весны. Ее похоронили на семейном кладбище Аврелиев у дороги, ведущей мимо Альбанского озера к Ариции. Ей было всего тридцать четыре года...

Рим встретил Ювентину сильнейшим проливным дождем. Первой, с кем познакомилась и подружилась она в доме Аврелия, была двадцатидвухлетняя гречанка Береника, уже мать двоих детей. День выдался прохладный. Ювентина и ее спутники долго шли под дождем, пока добрались до города. Береника, несомненно, спасла ее от простуды. Прямо с порога она увела ее на женскую половину дома, помогла снять с нее промокшую насквозь одежду и закутала в свой теплый плащ. Говорила она почти без умолку. От нее Ювентина сразу узнала, что господин весь в заботах, так как готовится к Аполлоновым играм, что долгое время бога Аполлона чтили одними конными состязаниями в Большом цирке, потом к ним прибавили различного рода сценические представления на радость поэтам-трагикам и актерам, которые получили дополнительный заработок, но вот недавно сенат принял новое постановление, чтобы на всех праздниках, посвященных бессмертным богам, были также и бои гладиаторов.

Наутро Береника отвела Ювентину к домоправителю. Тот приказал обеим плести венки и гирлянды из цветов и пальмовых листьев. За работой Береника объяснила новой подруге, что венки и гирлянды нужны для украшения гладиаторской столовой. В ней по установившемуся обычаю накануне игр всегда устраивалась так называемая «свободная трапеза». Береника говорила, что это была искупительная жертва всем бессмертным богам, приносимая содержателями гладиаторских школ за то, что они обрекают на смерть людей. А может быть, добавляла она, пиршество имело целью как-то отвлечь гладиаторов от напрасных переживаний перед неизбежным и тем самым поддержать их боевой дух.

На следующий день дом Аврелия на Этрусской улице словно вымер, там остался один привратник. Всем остальным, рабам и рабыням, ланиста приказал отправляться в школу на Квиринал – одни из них должны были помогать поварам на кухне, другие прислуживать за столом будущим героям арены.

Ювентина по пути туда выслушивала наставления Береники.

– Обязательно найди себе среди этих головорезов кого-нибудь одного попримечнее, – говорила она. – Тебе это легко будет сделать: ты девушка хоть куда, никто не откажется взять такую к себе на колени. Только не вздумай ломаться или привередничать с тем, кого выберешь, – смелей подставляй ему губки и попримечнее смотри ему в глаза, словно ты в нем души не чаешь. Для них это, что бальзам на раны: сразу воображают себя отрадой и мечтой всех девушек. На ласку всякий лаской отвечает. Знай одно: тебе свой защитник нужен в этой гурьбе молодцов, иначе будут хватать тебя все подряд, а там есть такие, что любят сделать девушке больно, особенно те, которые не очень надеются вернуться живыми с арены. Они чувствуют,

что для них *сена либера*²⁷⁹ – последняя трапеза. Вот и срывают зло на беззащитных рабынях. Уйдешь от такого вся в слезах и синяках. Так что лучше держись ко мне поближе, а я подскажу тебе, кому нужно соорудить глазки...

Школа Аврелия была расположена в северо-восточном углу города, близ храма Фортуны Примигении, неподалеку от Коллинских ворот, и занимала участок не менее двенадцати югеров, примыкавший к укрепленному валу, по гребню которого проходила городская стена. Аврелий, расширив свое заведение, доставшееся ему в наследство от отца, задумал построить здесь многоэтажную тюрьму с сотнями камер. Строительство ее уже шло полным ходом, но пока ланиста использовал старые полуподземные эргастулы, в которых можно было содержать от четырехсот до шестисот гладиаторов. Еще около трехсот учеников (главным образом новичков) ланиста разместил в подвалах строившегося здания.

Трапезная для гладиаторов находилась поблизости от ограды школы, тянувшейся вдоль Фортунатской улицы, как ее называли со времени постройки здесь упомянутого храма Фортуны.

Храм Фортуны Примигении был построен по обету, данному консулом Публием Семпронием Тудитаном²⁸⁰ во время Второй Пунической войны. Долгое время эта часть Квиринальского холма почти не застраивалась. Этим и воспользовался отец Аврелия, выбрав это место для постройки своей гладиаторской школы.

В дни «свободных трапез» гладиаторскую столовую шуточно называли «триклинием» и старались придать ей праздничный вид: украшали цветами столбы, подпиравшие двускатный навес над ней, набрасывали на грубые закопченные столы и скамьи покрывала, приносили бараньи шкуры, подушки, циновки, на которых гладиаторы могли развалиться и пировать почти с таким же удобством, с каким римские богачи веселились в своих роскошных триклиниях.

На это застолье гладиаторов приходили и завсегдатаи общественных зрелищ, состоятельные бездельники, занимавшиеся тем, что во время игр делали крупные ставки на сражавшихся бойцов точно так же, как при заездах колесниц в цирке. Общаясь с гладиаторами накануне перед боем, они получали возможность поближе познакомиться с тем или иным из них, узнать, сколько раз он выступал на арене, как он держится, не сковывает ли его страх перед завтрашним днем, другими словами, убедиться воочию, в какой мере можно рассчитывать на его силу и отвагу, стоит ли из-за него рисковать своими деньгами и биться за него об заклад.

Береника рассказала Ювентине о своем возлюбленном, непобедимом Сатире, который и собой недурен, и нравом не какой-нибудь варвар, и с которым ей вообще так хорошо, как не бывало прежде с другими гладиаторами, которых, каждого в свое время, у нее похитил неумолимый Орк.

– Вон он, смотри туда!.. Видишь, сидит, мой голубь, с завитыми волосами и с золотой серьгой в ухе, – уловив момент, шепнула она подруге, когда они уже бегали с подносами в руках вдоль длинного ряда столов, за которыми, украсив головы венками, пировали гладиаторы, окруженные своими поклонниками и даже поклонницами из свободного сословия.

Ювентина посмотрела в ту сторону, куда показывала Береника, и увидела этого знаменитого гладиатора, который, по словам гречанки, выдержал несколько десятков боев и ни разу не был побежден.

Сатир полулежал за столом на скамье, покрытой бараньими шкурами. Рядом с ним расположился уже известный Ювентине управитель школы Пацидейан (она видела его несколько раз – тот частенько бывал в альбанском имении вместе с Аврелием).

²⁷⁹ Свободная трапеза (*лат.*).

²⁸⁰ *Публий Семпроний Тудитан* – консул 204 г. до н. э., видный военачальник во время войны с Ганнибалом. Погиб в случайной стычке с карфагенянами.

О Пацидейане Береника рассказывала, что он был раньше непревзойденным гладиатором еще во времена Гракхов, потом получил деревянный меч²⁸¹ и стал преподавать приемы борьбы на арене в гладиаторской школе отца Аврелия, а когда тот неожиданно погиб, став жертвой своих взбунтовавшихся учеников, унаследовавший школу сын убитого назначил Пацидейана ее управителем.

Это был человек, отличавшийся большой телесной силой и громадным ростом. Береника говорила, что гладиаторов он держит в жестокой узде, приказывая за малейшее непослушание бросать виновных в карцер, где их били «скорпионами»²⁸² и пытали раскаленным железом. Только во время «свободных трапез» Пацидейан, которого по привычке всегда тянуло в среду гладиаторов, немного расслаблялся и вел себя с ними почти как с равными.

Сатир, возлюбленный Береники, и в самом деле не лишен был привлекательности: рослый, широкоплечий и широкогрудый, с сильными мускулистыми руками, покрытыми многочисленными рубцами и шрамами, следами смертельных схваток, в которых ему приходилось участвовать. Веселое лицо его с холеной бородкой, черные, завитые в кольца волосы и щегольский хохолок на макушке, какой обычно носили цирковые атлеты и подражавшие им гладиаторы, – все свидетельствовало о его несокрушимой уверенности в собственных силах и в предстоящих испытаниях.

– Он совсем не смотрит в нашу сторону! Чего он ждет? – с беспокойством и обидой говорила Береника, помогая Ювентине расставлять на столе блюда с кушаньями и бросая сердитые взгляды на Сатира, который в это время увлечен был разговором с Пацидейаном. – Если я ему надоела, то и не буду напрашиваться! Очень мне надо! – злилась она.

Между тем Ювентина со страхом жалась к подруге и, как могла, увертывалась от тянувшихся к ней со всех сторон рук гладиаторов. Она смущалась и краснела от обращенных к ней циничных шуток и непристойностей, с которыми они зазывали ее к себе.

Другие девушки-рабыни, давно привыкшие к обществу буйных учеников своего господина, вели себя смело и непринужденно. Многие из них знали гладиаторов в лицо и по именам. Они сами подсаживались к столу, требуя угостить их вином и закусками, несмотря на свирепые взгляды и окрики домоправителя, который исполнял обязанности распорядителя пира. Но он был бессилен перед этим своевольным и неуправляемым сборищем. Ему приходилось мириться с потерей прислужниц и замещать их рабами, трудившимися на кухне.

Сатир, наконец, увидел Беренику и позвал ее громовым голосом, картинно простирая к ней свои могучие руки:

– Береника, красавица моя! Приди ко мне, моя прелесть! Приди ко мне, моя ненаглядная!..

Молодая гречанка не заставила себя долго ждать и, радостно откликнувшись на зов милого, стала пробираться к нему через проходы между столами, увлекая за собой Ювентину.

Вскоре Сатир прижимал к широкой груди и целовал свою подружку, со смехом спрашивая ее:

– А эту глазастую зачем с собой привела? Или думаешь, что мне тебя одной будет мало? А может быть, клянусь Афродитой Фиалковенчанной, ты нашла себе другого, а мне на замену доставила эту? – грубовато шутил он и ласково поглаживал Беренику по крутому бедру.

– Чего там! Давай ее сюда! – крикнул Пацидейан, который уже был пьян.

– Убери-ка от нее свои огромные ручищи, старая фусцина! – отважно сверкнула глазами Береника на грозного управителя школы. – Не про тебя эта девушка. Посмотрите, какая она молоденькая, нежная и розовенькая! Ей нужен кто-нибудь подстать, молодой и пригожий...

²⁸¹ Деревянный меч вручали гладиатору в знак полного освобождения от гладиаторской службы (редко в награду за храбрость, обычно за непригодность ввиду тяжелых увечий).

²⁸² «Скорпион» – вид особо жестокого бича с металлическими шипами.

Послушай, Мемнон, не правда ли, красивая девушка? – слегка хлопнула она по плечу сидевшего по правую руку от Сатира молодого человека лет двадцати пяти, который разговаривал со своим соседом, пожилым гладиатором мрачного вида, вернее, слушал или делал вид, что слушает его энергичные разглагольствования.

Молодой человек обернулся и посмотрел на Беренику спокойным вопросительным взглядом.

– Я пользуюсь случаем, дорогой Мемнон, чтобы сделать тебе приятное, – улыбаясь ему, продолжала девушка. – Помнишь, ты заступился за меня, когда мы были еще едва знакомы, и отколотил как следует того грубияна, который стал выкручивать мне руки? Я уж тогда, глупая, возомнила себе, что ты в меня влюбился и, признаться, была огорчена, когда поняла, что мои чары тебе нипочем. Но потом ты познакомил меня с этим превосходным парнем, которого я теперь ни на кого не променяю, – она обняла и поцеловала Сатира. – Может быть, мне удастся отблагодарить тебя, – продолжала она, вновь обратившись к Мемнону, – познакомив с самой красивой девушкой из фамилии нашего господина. Она здесь новенькая – только третьего дня прибыла в город из господского имения. Но ты не думай, она не какая-нибудь забитая и безграмотная деревенщина. Она и читать умеет, и по-гречески говорит, как по-латыни. Это я утверждаю так потому, что сама родом гречанка и еще не забыла родного языка...

Пока Береника произносила эту длинную речь, Мемнон и Ювентина успели несколько раз обменяться взглядами. Гладиатор Ювентине понравился. Черты лица его были правильны, мощью и красотой тела он не уступал Сатиру, а крепкие руки его с игравшими под тонкой кожей мускулами не были еще обезображены рубцами, как у милого дружка Береники.

– Она не просто красива, – приветливо и ласково глядя на Ювентину, сказал Мемнон. – Я нахожу ее прекрасной. Клянусь, она подобна вечноюной Гебе²⁸³, спустившейся к нам с Олимпа!

– Верно сказано! – поразилась Береника. – Ты почти угадал ее имя. Ведь олимпийскую Гебу римляне называют Ювентас²⁸⁴, а нашу красавицу зовут Ювентиной...

Мемнон протянул Ювентине руку.

– Иди ко мне, милая, если я тебе не противен.

Помня советы и наставления Береники, она тут же шагнула к нему, хотя была сама не своя от смущения и сердце у нее билось, как у пойманной птицы.

– Присаживайся, – сказал Мемнон, отодвинувшись и освобождая ей место на скамейке подле себя. – Не бойся, я тебя не обижу, – грустно усмехнулся он, видимо, почувствовав ее состояние. – Не стану лезть к тебе с поцелуями и со всем прочим...

Он говорил на латыни с сильным греческим акцентом.

– Если быть откровенным, – продолжал он, – с тех пор как я оказался в этом проклятом богами месте, решил, что не прикаснусь ни к одной женщине, пока не вырвусь на свободу. Мне, свободнорожденному, противно думать о любовных утехах в этой гадкой тюрьме. Поэтому скоротаем сегодняшний вечер, как брат и сестра по несчастью... Эй, приятель! – обратился Мемнон к слуге-виночерпию. – Налей-ка нам в эти ненасытные кубки тускульского, лабиканского, анцийского, как вы все здесь любите называть одно и то же вино, разлитое из одной и той же амфоры! А ты, брат гладиатор, будь любезен, пододвинь к нам поближе вон то блюдо с жареным барашком!.. Угощайся, девушка!

Ювентина незаметно для себя быстро успокоилась, радуясь тому, что ее новый знакомый оказался столь мягким и обходительным. Она ожидала худшего, наслушавшись от Береники всяких ужасов.

– Стало быть, ты понимаешь и говоришь по-гречески? – через некоторое время спросил Мемнон, глядя на нее в задумчивости. – В таком случае, если ты не против, я перейду на род-

²⁸³ Геба – у греков вечно юная служанка олимпийских богов, ставшая женой Геракла после его апофеоза.

²⁸⁴ Ювентас – римская богиня юности, отождествляемая с греческой Гебой.

ную речь. Латинскому я выучился за четыре года, пока жил на Крите, где я был в окружении римских изгнанников – они относились ко мне как к равному. Сам-то я родом из Александрии Египетской. Мне тоже, как и гракхианцам из Рима, пришлось бежать на чужбину. С тех пор я много насмотрелся, скитаясь простым матросом и навархом²⁸⁵ по всем морям, омывающим ойкумену²⁸⁶...

Он говорил по-гречески легко и образно. Ювентина сразу отметила про себя, что этот гладиатор человек не из простых.

– Ты был пиратом? – совсем осмелев, спросила она.

– Да, девочка, – охотно отвечал Мемнон, – четыре года прошло с той поры, как я стал разбойником-альбатросом... Смешно, но отчасти сбылась мечта моей розовой юности. Когда-то меня неодолимо тянуло в море. Я жаждал путешествий, грезил о далеких странах, где бьется другая, неизвестная мне жизнь – не та, к какой меня готовил отец, хотевший, чтобы я, как и он, достиг высокого положения при царском дворе. Отец мой, видишь ли, был не последним человеком в Александрии: македонец родом, он служил начальником дворцовой стражи у Птолемея Эвергета Фискона²⁸⁷. Он и сам был вояка, и от меня требовал, чтобы я каждый день обливался потом в гимнасиях²⁸⁸ и палестрах²⁸⁹, шагал в воинском строю, увешанный оружием, или упражнялся с мечом и саррисой²⁹⁰. А я тайком рисовал географические карты и все свободное время проводил в гавани, познавая там корабельное дело, или слушал ученых мужей, собиравшихся неподалеку от знаменитой библиотеки²⁹¹, которая, как все считают, самая лучшая в мире. Из-за этих моих увлечений географией и мореплаванием у меня испортились отношения с отцом и с каждым днем становились все более натянутыми. Странно, но нас примирила разразившаяся вскоре большая смута в Александрии. Царя Эвергета уже не было в живых. Ему наследовал его старший сын Птолемей Латир²⁹², но он не заладил со своей матерью Клеопатрой²⁹³ и ее младшим сыном Александром²⁹⁴, которого царица хотела сделать царем. Горожане разделились: одни поддерживали Латира, другие – Клеопатру и Александра. Отец и я остались верны законному преемнику Птолемея Эвергета. На улицах города то и дело вспыхивали вооруженные схватки между враждующими сторонами. Отцу и мне все происходящее казалось безумием. Отец и еще немного благоразумных людей призывали к примирению, но безуспешно. В конце концов Птолемей Латир потерпел поражение и вынужден был удалиться на Кипр – обычное место изгнания для царей птолемеевской династии. Отец мой к тому времени умер. Я же, как сторонник Латира, последовал на Кипр со второй волной изгнанников. Если бы ты

²⁸⁵ *Наварх* – командир военного корабля или флота.

²⁸⁶ *Ойкумена* – по представлениям древних греков, совокупность областей земной суши, заселенных людьми.

²⁸⁷ *Птолемей VII Эвергет Фискон* (годы правления 145—116 гг. до н. э.) – царь Египта, прославившийся своей жестокостью.

²⁸⁸ *Гимнасий* – у греков школа физических упражнений и состязаний.

²⁸⁹ *Палестра* – школа гимнастов и борцов.

²⁹⁰ *Сарриса* – тяжелое длинное македонское копьё, находившееся на вооружении воинов македонской фаланги (особого воинского строя, насчитывавшего 16 рядов в глубину).

²⁹¹ *Александрийская библиотека* – знаменитая библиотека в Александрии, столице птолемеевского Египта, насчитывавшая, по некоторым сведениям, более миллиона свитков (томов). В 47 г. до н. э. библиотека сгорела во время восстания александрийцев против Цезаря, причем погребло в огне до 700 тыс. свитков. Внук упоминаемого в романе оратора Марка Антония знаменитый Марк Антоний заменил отчасти эту потерю, подарив последней царице Египта Клеопатре VII Пергамскую библиотеку в 200 тыс. свитков.

²⁹² *Птолемей VIII Латир Сотер* – царь Египта. После смерти Птолемея Эвергета Фискона правил страной вместе с матерью своей Клеопатрой II, но в 108 г. до н. э. в результате междоусобной борьбы был отстранен от власти, уступив ее младшему сыну Клеопатры Птолемею Александру. В 88 г. до н. э. снова стал египетским царем и умер в 81 г. до н. э.

²⁹³ *Клеопатра II* – властолюбивая царица Египта, правившая сначала вместе с мужем своим Птолемеем Эвергетом Фисконом, причем жестоко враждовала с ним, а после смерти последнего сумела отстранить от власти своего старшего сына Птолемея Латира в пользу младшего сына Птолемея Александра.

²⁹⁴ *Птолемей IX Александр* – утвердился на египетском престоле в 108 г. до н. э. с помощью матери своей Клеопатры, правил страной двадцать лет, но в конце концов уступил власть Птолемею VIII Латире. Умер в 80 г. до н. э.

знала, с какой тяжкой болью покидал я родной город! Все имущество мое в Александрии было конфисковано по указу нового царя. На Кипре я оказался без средств. Латир принял меня более чем холодно. Он и отца моего, пока тот был жив, подозревал в двурушничестве, а обо мне вовсе не хотел слышать. Когда в скором времени был раскрыт составленный против него заговор, меня сразу причислили к его участникам и заключили под стражу, хотя я не знал ни о каком заговоре. Я был в отчаянии. Человек, за которого я столько раз сражался на улицах Александрии, отплатил мне черной неблагодарностью, отказавшись лично выслушать мои оправдания, и приговорил меня к смерти в числе других несчастных. Не чувствовать за собой никакой вины и покорно идти на казнь – это было выше моих сил. Когда стражники вывели меня из тюрьмы, я выхватил у одного из них меч и, нанося удары направо и налево, каким-то чудом прорвался невредимым через окружающую меня вооруженную толпу. Потом только помню, что я бежал с мечом в руке по городским улицам и что все встречные расступались передо мной. Стражникам не удалось меня догнать – им мешала тяжесть вооружения. А я, выбежав из города, направил стопы в спасительные горы. Там я скрывался два дня, потом рискнул обратиться за помощью к одному моряку, с которым был знаком раньше. К счастью для меня, он оказался человеком честнейшей и благороднейшей души. Потом я часто замечал, что среди простых людей чаще можно встретить отзывчивость и сострадание, чем в кругу богатых и знатных. Добрый моряк помог мне устроиться на корабль. Поначалу я решил отправиться в Грецию. В Афинах жили мои дальние родственники. Но буря отнесла корабль к Криту. Там я случайно познакомился с пиратами. Они были моими ровесниками, поэтому мы быстро нашли общий язык. От них веяло морским простором, вольным ветром. И мне вдруг страстно захотелось дикой, ничем не ограниченной свободы. Я был молод, силен, отважен и хорошо владел оружием. С другой стороны, у меня не было выбора. В Афинах я вряд ли был бы желанным гостем. Там меня ожидала судьба бесправного метэка²⁹⁵...

– Ты совсем не похож на пирата, – тихо сказала Ювентина, слушавшая рассказ Мемнона с волнением и участием. – Пираты, в особенности критские, всегда рисовались мне отъявленными злодеями, сущими демонами, а ты... ты мне кажешься человеком воспитанным, порядочным и добрым...

Мемнон улыбнулся невеселой улыбкой.

– Если бы ты знала, насколько я удручен и озлоблен свалившимися на меня несчастьями, то не называла бы меня добрым, – со вздохом произнес он. – Порой меня охватывает ярость, желание выместить на ком-нибудь свою досаду за все свои жизненные неудачи, хотя... хотя, конечно, нет свойства более чуждого мне, чем жестокость. Когда-то я любил людей, испытывал потребность творить добро... Но почему ты сказала «пираты, в особенности критские»? Чем они хуже киликийских, исаврийских, лигурийских и всех прочих?

Ювентина опустила глаза.

– Предубеждение к ним у меня осталось от матери. Она... ее вместе с родителями пираты захватили близ Галикарнаса, где они жили, переселившись туда из родной Галатии. Это были критские пираты. Мать потом всю жизнь вспоминала о них с ненавистью, рассказывая мне, как страдали и умирали в душном трюме несчастные пленники, когда их везли на Делос по бурному морю. Она часто повторяла один греческий стих:

Критяне все нечестивцы, убийцы и воры морские!

Знал ли из критских мужей кто-либо совесть и честь.

Лицо александрийца омрачилось.

– Честно сказать, – после короткой паузы произнес он, – ни один человек по моей вине не сделался рабом, да и среди людей Требация... Ты, наверное, слышала об этом знаменитом архипирате?

²⁹⁵ *Метэк* – в Афинах свободный человек, но не имеющий гражданских прав.

– Да, слышала, – тихо отозвалась Ювентина.

– Так вот, среди них многие считают бесчестным заниматься работорговлей, в том числе и я.

Он помолчал и продолжил:

– В сущности, пираты не более преступны любых титулованных разбойников, будь то цари, консулы, римский сенат, которые разоряют войнами целые страны и народы. Они угощают в рабство тысячи ни в чем не повинных людей. Вся разница между пиратами и этими благородными злодеями состоит лишь в том, что, как сказал мне однажды один римлянин на Крите, *sacritegia minuta puniunter, magna triumphis feruntur*²⁹⁶.

В это время Сатир, сидевший в обнимку с Береникой и одновременно беседовавший с Пацидейаном, говорил ему:

– Оставь, Пацидейан! Охота тебе гадать о том, что будет завтра. Предоставим это дело богу Меркурию. Пусть он бросит на весы Фортуны свои жребии в виде крылатых фигурок, а нам, смертным, лучше не думать о предопределении и хорошо выспаться перед завтрашним боем.

– Клянусь шкурой Геркулеса, не о тебе моя речь, храбрейший Сатир! – пьяным голосом рычал управитель школы. – Будь я проклят, если завтра ты не уложишь в два счета своего увальня. Но вот Мемнон... вот кому, скажу я тебе, плохо придется. Жаль этого славного юношу! Или ты думаешь, что он устоит против Гарпала?..

– О, этот Гарпал! Он такой мерзкий, такой противный, – как кошка, промяукала Береника, положив голову на плечо Сатира.

– Гарпал – это серьезный противник! – продолжал выкрикивать Пацидейан. – От него еще никто не уходил живым...

– Кто знает, может быть, именно Гарпалу на этот раз не поздоровится, – сказал Сатир. – Мемнон выдержал всего несколько боев, но я заметил, что он обеими руками одинаково хорошо работает.

– Пойми, Сатир, – еле ворочая языком, говорил Пацидейан. – Я непременно должен знать, чего он стоит, этот новенький... Мне надо... дать совет... Понимаешь ли?.. нужно дать совет одному... оч-чень важному господину и... он обещал поделиться со мной.. своим выигрышем. Понимаешь?..

Пацидейан умолк, свесив на грудь большую седую голову, как бы о чем-то раздумывая, но вскоре встрепенулся и привстал на своей циновке.

– А вот мы сейчас спросим у него самого, – с силой выговорил он. – Эй, Мемнон! Послушай, дружище! Завтра у тебя будет нелегкий денек... Еще бы! Ты будешь биться с самим Гарпалом Непобедимым, но мы все за тебя... Ты ему задашь, не правда ли?

– Хочешь услышать от меня, чем закончится завтра мой поединок с Гарпалом? – спокойно спросил Мемнон, бросив на управителя школы холодный и презрительный взгляд. – Завтра я убью Гарпала, и пусть весь Рим вопит о его помиловании – все равно его прикончу...

– Ответ, достойный героя! – вскричал Пацидейан.

– Я отомщу ему, – продолжал александриец, – отомщу за Ксенарха, которому он подлому перерезал глотку, хотя все видели, что тот опустил оружие, оставшись один против пятерых...

– Ксенарх хорошо сражался, – поддержал Мемнона пожилой гладиатор. – Не его вина, что ему в товарищи по жребию достались малоопытные бойцы.

– Даже низкая и кровожадная чернь, – сказал Мемнон, – даже она готова была проявить милосердие к нему за его отвагу, но этот негодяй поспешил прикончить побежденного...

²⁹⁶ Маленькие преступления караются, великие прославляются (*лат.*).

– Что ж, Гарпал избавил себя на будущее от опасного соперника, – хладнокровно заметил Сатир.

– Пусть в этой тюрьме, – возвысил голос Мемнон, – нет места ни для истинной доблести, ни для чести, ни для справедливости, но людям, еще не растерявшим до конца своей порядочности, следует соблюдать какие-то законы и правила даже здесь. Сама Немизида завтра будет на моей стороне...

В этот момент неподалеку раздался пронзительный женский визг и последовавший за ним грубый хохот гладиаторов – видимо, кто-то из них в шутку, но очень больно ущипнул одну из девушек.

– Веселятся, забавляются, – с отвращением сказал Мемнон, снова поворачиваясь к Ювентине. – Посмотри на них! Украсили головы венками и похожи на жертвенных баранов, посвященных подземным богам!.. Завтра добрую половину из них уволокут крючьями в споллиарий, а им и вспомнить некогда, что они люди, а не животные...

Он взял кубок, сделал несколько глотков, потом спросил, в первый раз назвав ее по имени:

– Сколько тебе лет, Ювентина?

– Семнадцать.

– Возраст невесты... Но ты никогда не будешь невестой. Несчастной рабыней будешь влачить свою жизнь!

В голосе его прозвучали жалость и презрение.

– Тебе доставляет удовольствие напоминать мне об этом? – с укором прошептала Ювентина.

– Послушай, девочка, – Мемнон наклонился к ней и понизил голос. – Хочешь ли ты попытать счастья и вырваться на свободу?

Вопрос этот смутил ее своей неожиданностью.

– Не бойся, – продолжал Мемнон, – я не стану предлагать тебе ничего страшного... чего-нибудь такого, что грозило бы тебе даже малейшей опасностью. Напротив, ничего опасного и ничего невозможного. Хотя, конечно, не стоит ни с кем обсуждать того, что я сейчас тебе скажу...

Он немного помолчал, как бы собираясь с мыслями, и снова заговорил:

– Среди моих друзей на Крите есть один человек, весьма могущественный. Я уже нечаянно обронил его имя в разговоре с тобой. Да, это Гай Требаций Тибур – знаменитый архипират, бывший сподвижник Гракха Младшего, народного трибуна, поднявшего мятеж бедняков против богачей и олигархов. Человек он суровый, порой жестокий, но не лишен многих достоинств. Меня связывали с ним узы дружбы. Однажды я спас ему жизнь. Узнай он, что я здесь, в Риме, ему ничего не стоило бы вытащить меня отсюда, обменяв на какого-нибудь пленного римлянина. Но он, конечно, считает меня погибшим... В начале лета наши корабли напали на Остию, – продолжал Мемнон после небольшой паузы. – На первых порах нам сопутствовала удача. Римляне не ожидали такой дерзости со стороны пиратов. Мы захватили богатую добычу. Но по возвращении наш флот попал в бурю. Корабль, которым я командовал, со сломанной мачтой, был выброшен на берег у Мизенского мыса. С несколькими десятками матросов и гребцов мне удалось выбраться на сушу, но тут нас похватили солдаты береговой охраны. Потом местные власти часть из нас приговорили к распятию на крестах, а тех, кто был молод и крепок телом (в их числе был и я), продали гладиаторским ланистам... Теперь послушай, я объясню тебе, как ты могла бы мне помочь. Мне нужно подать о себе весточку на Крит. В Остии живет человек, который меня знает. Это один из людей Требация. Во многих приморских городах у Требация есть свои люди, его соглядатаи, его, так сказать, глаза и уши. Имя этого человека я тебе назову завтра, если ты не откажешься мне помочь и если сам я останусь в живых после завтрашнего боя. Я расскажу тебе, как его найти и что ему передать. За эту услугу, Ювентина, я

буду перед тобой в вечном долгу и, как только окажусь на свободе, выкуплю тебя, даже если для этого потребуются очень большие деньги. В тайнике на Крите я припрятал по меньшей мере четыре таланта. В крайнем случае, обменяю тебя на какого-нибудь пленного римского толсто-сума или на деньги, за него вырученные. Ты сама потом решишь, остаться ли тебе в Риме законной вольноотпущенницей или довериться мне и поселиться на Крите в любом городе по твоему выбору. Со своей стороны, я клянусь тебе всеми бессмертными богами, что буду до конца своих дней заботиться о тебе, как о родной сестре. Ты, конечно, можешь отказаться, и мы забудем про наш разговор, но я еще раз повторяю – тебе ничто не грозит. Единственное затруднение – это твое путешествие в Остию. Я понимаю, ты несвободна, но мы что-нибудь придумаем, чтобы тебя отпустили на день-другой – этого будет достаточно. До Остии по Тибру не более двадцати миль плавания. Подумай, Ювентина! Всего двадцать миль отделяют нас от возможности покончить с гнусным рабством, обрести свободу и вместе с ней надежду на лучшую жизнь.

Ювентина выслушала молодого гладиатора в волнении и замешательстве, не зная, что сказать и на что решиться. Она не была готова к такому разговору, хотя Береника предупредила ее, что от гладиаторов может исходить большая опасность, когда они начинают вести разговоры о побеге. «Смотри же, – остерегала она, – если к тебе станут приставать с чем-нибудь подобным, не мешкая сообщи обо всем господину, иначе сама можешь попасть в беду как соучастница и не успеешь оглянуться, как будешь давать показания в застенке, раскачиваясь на дыбе».

Этот бывший пират пугал ее и одновременно притягивал. Он предлагал ей осуществить несбыточную мечту о свободе, Но как довериться совершенно случайному человеку?

– Скажи, Мемнон, – она посмотрела гладиатору прямо в глаза, – скажи откровенно, ты с самого начала знал, что заговоришь со мной об этом?

– Как только я услышал, что ты почти гречанка, то сразу подумал: вот удачный момент, вот девушка, молоденькая, еще не испорченная мерзостями, творящимися вокруг, и с ней можно побеседовать на языке образованных людей в среде варваров, которые и на своем-то языке плохо изъясняются. Вот, что я подумал...

– И все же, почему я? Разве у тебя до сих пор не было возможности сказать то же... Беренике, например?

Мемнон покачал головой.

– Была у меня такая мысль, но вряд ли мы с нею нашли бы взаимопонимание. Во-первых, она связана детьми. К тому же меня предупредили, что она наушница и с ней надо вести себя осторожно... Да и сама посуди, какой у меня выбор? Подлые и трусливые рабы, тупые надсмотрщики, ланисты, стражники, которых можно купить только за наличные. К сожалению, среди свободных нет никого, кто вызывал бы у меня доверие, а ведь я могу предать своих критских друзей. Доверившись тебе, я тоже иду на риск... но слишком велико мое желание вернуть себе свободу.

– Не беспокойся, – в раздумье сказала Ювентина. – Я не стану доносчицей, даже если откажусь от твоего предложения, – она с трепетом вздохнула, – откажусь, потому что я всего лишь бедная рабыня, жалкая и трусливая, как и все... Но ты меня искушаешь, не скрою. Ты коснулся самого чувствительного места в моей душе, самой сокровенной мечты...

Глаза Мемнона засветились радостью и надеждой.

– Я не обманываю тебя, Ювентина, и знаю, о чем говорю. Клянусь тебе, я сделаю все возможное и невозможное, чтобы выполнить свое обещание. Я никогда о нем не забуду, если мне удастся вырваться отсюда, клянусь...

– Не знаю, смогу ли я... мне трудно решиться, – по-прежнему колеблясь, тихо проговорила она и вдруг неожиданно для самой себя сказала: – Хорошо, я тебе верю. Я согласна.

«Свободная трапеза» закончилась около первой стражи ночи.

Помощник управителя школы (Пацидейан к тому времени был уже мертвецки пьян, поглотив по меньшей мере шесть или семь секстариев²⁹⁷ тускульского) приказал ученикам расходиться по своим эргастулам и камерам.

Мемнон проводил Ювентину до самых ворот школы, с благодарностью пожав ей на прощанье руку.

Ночью Ювентина почти не спала.

Ее преследовали беспорядочные и беспокойные мысли. Порой ею овладевали сомнения. Правильно ли она поступила, поддавшись уговорам гладиатора? Не кроется ли за всем тем, что он ей говорил, какая-нибудь ловушка. Может быть, у него на уме что-то другое, какой-то опасный план, о котором он умолчал и который вовлечет ее в беду, как и предупреждала Береника? С другой стороны, почему она должна отказаться от этой, пусть слабой, но, может быть, единственной в ее жизни надежды обрести свободу, о которой она никогда раньше и помыслить не могла? И чего ей ждать в будущем? Ничего, кроме презренной участи наложницы, доступной всем и всякому, на кого укажет не знающий жалости властелин. И так до конца дней! Вечное рабство! Нет, лучше уж пойти на крайний риск ради свободы. Конечно, этот александриец много ей наобещал, слишком много, чтобы ему поверить... но, может быть, он действительно знает, что говорит, и сделает ее свободной? О, если бы это произошло, она всю жизнь молилась бы на него!..

И незаметно для нее самой в душе ее нарастала тревога за Мемнона. Одолеет ли он своего грозного противника? «Ты будешь биться с самим Гарпалом Непобедимым!» – вспомнила она пьяный возглас Пацидейана, обращенный к александрийцу. Перед тем, как уснуть, она шептала молитвы богам и богиням со смиренными просьбами сохранить Мемнона живым и невредимым.

На следующий день Береника, поручив ей заботы о своих малышах, отправилась к Большому цирку, чтобы разузнать о Сатире и Мемноне.

Под вечер гречанка вернулась с радостным известием, что оба гладиатора остались в живых, повергнув своих врагов, – правда, Мемнон при этом получил легкую рану в руку.

Домоправитель перед самым закатом солнца позволил девушкам навестить и поздравить победителей.

Вдвоем они помчались на Квиринал.

Мемнон вышел к Ювентине с окровавленной повязкой на левом плече и, отведя ее в сторону, сообщил, что, как он узнал от одного из рабов Аврелия, ланиста собирается в скором времени совершить поездку в Помпеи.

– Так что тебе предоставляется возможность съездить в Остию, – сказал александриец. – Надеюсь, ты не передумала? – испытующе глядя на нее, спросил он.

– Удастся ли мне уговорить домоправителя? – с легким вздохом произнесла Ювентина.

– Нет такой крепости, которой нельзя было бы взять за деньги, – усмехнувшись, сказал Мемнон.

Он вынул из-за пазухи маленький изящный кошелек, какие носили с собой свободные римские женщины.

– Еще в позапрошлые игры у меня появилась одна поклонница, женщина состоятельная, любительница делать ставки на гладиаторов, – сказал он, передавая ей кошелек. – В третий раз я приношу ей успех, и вот она решила поделиться со мной своим выигрышем, – пояснил Мемнон. – Здесь двадцать пять денариев серебром.

Спустя пять или шесть дней Аврелий действительно уехал в Помпеи.

Ювентина с помощью денег, которые ей дал Мемнон, без особого труда договорилась с домоправителем. Она сочинила для него более или менее правдоподобную историю о некоем

²⁹⁷ Секстарий – римская мера жидкостей (0,5 литра).

вольнотпущеннике, дальнем родственнике ее покойной матери, который якобы проживает в Остии и которого ей надо навестить.

Поначалу управитель и слышать ничего не хотел, но при виде заманчивого блеска шести новеньких денариев, отчеканенных не более месяца назад в приделе храма Юноны Монеты²⁹⁸, он сразу стал стоворчивее и, немного поуправившись для вида, наконец, согласился отпустить ее на два дня, дав ей в провожатые старого раба.

В тот же день Ювентина и сопровождающий ее старик-лигуриец отпрвились в путь на гребной барке вниз по течению Тибра.

К вечеру они были уже в Остии, где Ювентина впервые увидела море и долго им любовалась.

Потом она оставила старика в ближайшей харчевне, подарив ему денарий, чтобы тот смог подкрепиться, а сама поспешила на поиск дома Сервия Ватиния Агелла.

Мемнон очень подробно рассказал ей, как его найти.

Ювентина спустилась к Счастливой гавани и, расспрашивая встречных прохожих, разыскала III Матросскую улицу и нужный ей дом.

Она боялась, что не застанет хозяина на месте (тот, по словам Мемнона, был судовладельцем и одновременно кормчим на своем корабле, поэтому мог находиться в плавании). К счастью, Ватиний Агелл оказался дома и поначалу принял ее любезно.

Но, как и предупреждал Мемнон, судовладелец, выслушав ее, пришел в крайнее изумление и стал уверять, что никогда прежде не знал и ничего не слышал ни о каком Мемноне Александрийце, попавшем в гладиаторы. Он заявил, что кто-то сыграл с девушкой дурную шутку, послав ее к нему, и с этим выпроводил посетительницу из своего дома.

Но Ювентина ушла от него с сознанием хорошо выполненного поручения, так как Мемнон сказал, что большего от нее и не требуется, – главное, чтобы Ватиний выслушал ее.

Когда она вернулась из этой поездки и рассказала ему обо всем, гладиатор был вне себя от радости.

Ювентина радовалась вместе с ним, а он уже строил планы на будущее. При этом Мемнон осторожно, но настойчиво выспрашивал у нее, так ли сильна ее привязанность к Риму и близким ей людям, и не согласилась бы она последовать за ним на Крит.

– Подумай, девочка, – говорил он ей, – станешь ли ты счастливой здесь, затерянная в огромном городе с его несправедливыми законами, где даже свободная женщина мало чем отличается от рабыни? Я ведь хорошо знаю, сколь зависима отпущенница от своего патрона²⁹⁹. Доверься мне, милая! На Крите у меня припрятано достаточно денег, чтобы мы с тобой начали безбедную жизнь. Хотя я еще некоторое время буду связан со своими товарищами по пиратскому ремеслу, но я уже решил, что уйду от них при первой же возможности. В одном из критских городов у меня есть знакомые, порядочные люди, которые помогут нам устроиться. Будешь мне сестрой, женой... как захочешь. Но при любых обстоятельствах я не оставлю тебя без своего покровительства, можешь мне поверить...

От этих и других его слов у Ювентина кружилась голова.

День ото дня во время свиданий с ним она все больше проникалась верой, что новая и необыкновенно заманчивая жизнь не так уж невозможна. Мемнон относился к ней со все большей нежностью. Сама она при встречах с ним трепетала: он стал для нее первым мужчиной, который ее по-настоящему взволновал...

Но всем этим надеждам и радостям вскоре пришел конец.

²⁹⁸ Храм Юноны Монеты находился на Капитолийском холме. Там производилась чеканка денег.

²⁹⁹ По римским законам отпущенная на волю рабыня практически оставалась в полной власти патрона. Она не могла выйти замуж за того, кто был вне рода ее патрона, а если последний сам хотел жениться на ней, она не имела права ему отказать. Вольнотпущенница не имела права составлять завещания, так как по закону все нажитое ею имущество переходило к патрону или его наследникам.

По возвращении из Помпей Аврелий стал собирать группу гладиаторов для участия в играх, объявленных в Капуе. В эту группу Аврелий решил включить лучших своих учеников (они должны были сражаться против бойцов из капуанских школ, а ланиста рассчитывал, что его храбрецы обязательно одержат победу и, по правилам игр, снова перейдут в его собственность).

Среди тех, кто подлежал отправке в Капую, были Мемнон и Сатир, как особенно отличившиеся во время Аполлоновых игр.

– Я вернусь, любовь моя, я обязательно вернусь, – говорил Мемнон, прощаясь с ней. – Меня учили обращаться с оружием лучшие преподаватели Александрии. Я уверен, что выйду победителем из любого боя. Не волнуйся за меня...

Отправив в путь гладиаторов и сопровождающую их охрану, сам Аврелий на несколько дней задержался в Риме.

Ювентина, всегда старавшаяся избегать встреч с ним, неожиданно попала ему на глаза.

– А, вот ты-то мне и нужна, – сказал он. – Ну-ка, подойди поближе, милейшая!

Ювентина приблизилась к нему, замирая от страха.

Ланиста и сын ланисты, Аврелий от природы отличался страшной жестокостью. Как уже говорилось выше, отец Аврелия кончил плохо, приняв смерть во время гладиаторского возмущения. Сын жестоко отомстил бунтовщикам, приказав распять зачинщиков на крестах, остальных же заставил сражаться друг с другом до полного взаимного истребления у погребального костра своего родителя.

С тех пор Аврелий превратился в настоящее чудовище в человеческом облике. Кровь бьющихся между собой гладиаторов, их предсмертные муки, искаженные агонией лица доставляли ему ни с чем не сравнимое наслаждение. В свободное от своих дел время он любил наблюдать за страданиями провинившихся гладиаторов, подвергаемых изощренным пыткам в карцере школы. Там царил полный произвол палачей, не поддающийся никакому описанию. Малейший протест со стороны раба или гладиатора приводил Аврелия в ярость.

Пополняя новыми учениками свою школу, Аврелий отдавал предпочтение осужденным на смерть преступникам – они обходились дешевле. За них он уплачивал в эрарий совершенно мизерную плату. Но одних осужденных не хватало, поэтому ему приходилось покупать невольников на рынке. Он не испытывал ни малейших угрызений совести, посылая на смерть этих несчастных, которые обычно погибали на арене в первую очередь: наскоро и плохо обученные владеть оружием, они становились легкой добычей искусных наемников или закоренелых разбойников, привыкших убивать. Кроме того, во время острой нехватки гладиаторов Аврелий не щадил даже собственных рабов из городской и особенно сельской фамилий. Если ланиста замечал, что молодой раб, достигший совершеннолетия, наливался силой, судьба последнего была решена – его немедленно отправляли в школу. Это привело к тому, что в его альбанском имении остались одни престарелые и немощные...

– А я-то голову себе ломаю, кого мне послать к Скатону, – сверля ее своим колючими маленькими глазками, продолжал Аврелий. – Совсем о тебе забыл... Знаешь Скатона? – спросил он. – Измаялся парень в ожидании заслуженной награды. Давно ему обещал... Эх, если бы мог, сам бы тобой занялся, – с сожалением говорил он, грубо хватая ее за бедра и грудь. – Ну, ничего! Скатон знает свое дело! Уж он-то сделает из тебя настоящую бабенку. Еще благодарить его будешь...

У Ювентины затряслись колени.

О Скатоне, родом марруцине³⁰⁰, она знала, что на свободе он разбойничал, совершив множество убийств. Полгода назад его схватили, приговорив к казни на кресте, но тут подвер-

³⁰⁰ *Марруцины* – одна из италийских народностей.

нулся Аврелий, постоянно державший связь с ночными триумвирами. Он уговорил последних заменить убийце смертный приговор гладиаторской службой.

Скатон отличался большой силой и ловкостью, выдержав немало боев на арене. Рабыни, не смевшие ослушаться господина, ходили к марруцину, как на пытку: тот был извращенцем, любившим причинять девушкам боль.

Аврелий на их жалобы отвечал лишь оскорбительными шуточками.

– Я не могу, господин, я не могу, – пролепетала Ювентина и заплакала.

– Это еще что такое? – грозно нахмурился Аврелий. – Хочешь есть мой хлеб и бездельничать? Клянусь молотком Харуна, да ты, я вижу, совсем обнаглела! Розог захотела? А ну, перестань хныкать и ступай туда, куда тебе велено!

Умолять этого зверя было бесполезно.

Она вдруг вспомнила о деньгах, полученных от Мемнона. Их оставалось еще пятнадцать денариев. «Откупиться!» – сверкнуло у нее в голове. Она ухватилась за эту спасительную мысль. Все дальнейшее осталось в ее памяти, как тягостный сон.

С кошельком под туникой Ювентина пошла на Квиринал. У ворот школы она увидела с десяток стражников и болтавшего с ними управителя Пацидейана.

Этому ничего не нужно было объяснять. Он только лениво спросил:

– К кому идешь?

Получив ответ, Пацидейан приказал рабу сбегать и разыскать марруцина, чтобы сообщить ему «приятную новость». Сопровождаемая хохотом стражников, Ювентина торопливо прошла через двор школы, где гладиаторы, разбитые на отдельные группы по тридцать-сорок человек, упражнялись под руководством своих ланист-преподавателей, к длинным рядам эргастулов с двускатными черепичными крышами.

В самом дальнем из них, у самого крепостного вала, находилось крошечное помещение, вернее, камера, предназначенная для свиданий гладиаторов с рабынями-наложницами (Береника однажды приводила туда Ювентину, чтобы прибрать эту гадкую каморку со стенами, испещренными неприличными рисунками и непристойными надписями).

У входа в эргастул Ювентина, томимая недобрыми предчувствиями, дождалась марруцина и, протянув ему кошелек, сказала:

– Вот деньги. Отпусти меня, Скатон.

Тот взял у нее кошелек, высыпал монеты на ладонь и присвистнул – на эти пятнадцать денариев можно было не один день пользоваться услугами уличных «квадрантарий»³⁰¹, которые по вечерам постоянно толпились у ворот школы.

Марруцин неспеша ссыпал монеты обратно в кошелек, спрятал его в свой пояс, после чего, взяв Ювентину за плечи, подтолкнул ее к двери эргастула.

– Пошла вперед! – грубо сказал он.

Ювентина отпрянула от него с криком гнева и отчаяния:

– Ты же взял деньги!

Лицо бывшего разбойника злобно исказилось.

– Замолчи, шлюха! – крикнул он и, шагнув к ней, снова попытался схватить ее, но Ювентина увернулась и бросилась в проход между двумя соседними эргастулами.

Проход был узким – она с трудом протиснулась через него. Скатон же, огромный телом, застрял в нем, не сделав и двух шагов. Вслед ей неслись его ругань и проклятия. Она не помнила, как добежала до ворот школы.

Пожилой стражник, открывая ей калитку, весело спросил:

– Что так скоро, красотка?

³⁰¹ «Квадрантарии» – так называли в Риме дешево продававших себя уличных женщин (от лат. *quadrans* – мелкая медная римская монета).

Ювентина оказалась в ужасном положении.

Она знала, что ей не избежать розог. В доме Аврелия рабов секли часто, применяя для этого розги, предварительно вымоченные в соляном растворе. Ланиста таким способом наказывал и рабов, и рабынь за самые пустячные провинности.

Береника, когда Ювентина вернулась в дом, выслушала плачущую подругу и схватилась за голову.

– Что ты наделала, несчастная, что ты наделала! – в ужасе повторяла она. – Ведь господин прийдет тебя за это! Или ты до сих пор не поняла, что он всех нас, баб, держит у себя лишь для того, чтобы мы ублажали его гладиаторов?..

О том, что произошло между Скатоном и Ювентиной, Аврелий узнал в тот же день.

В школе гладиаторы смеялись над незадачливым марруцином, упустившим девчонку, но когда узнали, что он по-подлому похитил у нее кошелек, справедливо этим возмущались.

Ланиста не замедлил потребовать к себе ослушницу.

– Ты как посмела, дрянь ты эдакая, не выполнить моего распоряжения? – набросился он на нее. – Ты что же, дура, решила весь свой век проходить в девицах? Ну, ты у меня запоешь! – зловеще сказал он.

Ювентина, плача, рассказала про деньги.

– Пятнадцать денариев? – переспросил Аврелий. – Откуда у тебя столько? По лупанарам шляешься, негодница? Хочешь ославить на весь Рим своего господина, будто он занимается сводничеством?

– Моя бедная мама... она собирала деньги на вицецимарный налог³⁰², – сквозь душившие ее рыдания солгала Ювентина.

– Твоя мать была такой же дурой, как и ты! Пошла прочь с глаз моих! И приготовь свою упитанную задницу для хорошей порки!

Вскоре Аврелий приказал созвать в атрий всех рабов и рабынь.

Палач подвел трепетавшую жертву к широкой скамье, стоявшей посреди атрия.

– Вот полюбуйтесь на эту наглую девицу! – сказал Аврелий, обращаясь к присмирившим домочадцам. – Другие трудятся в поте лица, а эта мерзавка возомнила о себе, что она лучше всех. Ну, как же! Пусть Тевта, Алкмена, Береника и все остальные отдуваются за эту недотрогу! Но я не потерплю бездельников и бездельниц в своем доме. Запомните! Это всех касается! Я не повторяю дважды своих приказаний... Приступай, лорарий! Погладь розгой спесивицу!

Двое рабов проворно совлекли с Ювентины тунику и уложили лицом вниз на скамью.

Лорарий, помахав в воздухе длинной гибкой розгой, нанес ею резкий свистящий удар.

Ювентина закричала.

Но все последующие удары она переносила без крика, только глухо стонала и хрипела, кусая губы, – не хотела радовать своего мучителя.

– Так, так ее! Пусть вопит, чтобы в самом Тартаре было слышно! – приговаривал Аврелий.

К счастью для Ювентины, истязание продолжалось недолго.

Вошедший раб-привратник подал господину табличку.

Аврелий, быстро прочитав ее, вскочил с места и заторопился к выходу, бормоча под нос ругательства: видимо, записка содержала какое-то неприятное для него известие.

– Не останавливайся, всыпь ей хорошенько! – крикнул он напоследок палачу и скрылся за дверь.

³⁰² *Вицецимарный налог* – пятипроцентный (от стоимости раба) налог при совершении акта отпуща на свободу. Деньги от этого налога поступали в специальный неприкосновенный фонд – «Священную казну римского народа». Он использовался только в критической ситуации для государства (например, во время войны с Ганнибалом).

Лорарий, повинувшись приказу, успел нанести жертве еще три удара, но Береника и еще несколько женщин, не выдержав, подбежали к нему и стали его просить, чтобы он сжалился над несчастной. Все остальные единодушно поддержали женщин, обещая лорарию подтвердить перед господином, что в его отсутствие тот нанес провинившейся двадцать пять ударов.

Палач нехотя уступил.

Женщины помогли Ювентине одеться и увели к себе.

Одна пожилая рабыня, жалея ее, сказала:

– В твоём положении, девушка, трудно найти выход. Но, может быть, тебе следует обратиться к народным трибунам. Бывали случаи, когда они заступались за несчастных рабов, терпевших жестокое обращение от своих господ. Мыслимо ли так принуждать невинную девушку к распутству, раз она того не хочет?..

Ювентина после перенесенных страданий и позора готова была на все, и утром следующего дня, преодолевая боль в избитом теле, пришла на Форум, прямо к трибуналу, где заседали плебейские защитники.

Опустившись перед ними на колени, она со слезами поведала свою историю и просила только об одном: пусть трибуны обяжут Аврелия продать ее с торгов – она согласна принадлежать любому другому господину.

Ювентина видела, что трибуны отнеслись к ней сочувственно, но они испытывали затруднение, потому что закон не давал им права вторгаться в отношения между господами и рабами.

Тем не менее один из трибунов пообещал ей сделать все, что представится возможным.

Аврелий, уладивший свои дела в Риме, на следующий день намеревался выехать в Капую, но ему пришлось отложить отъезд, так как он получил повестку срочно явиться к народным трибунам.

Немало удивленный, он в назначенный час явился на Форум.

Ювентина узнала впоследствии, что там произошло.

Трибуны с ланистой особенно не церемонились, наговорив ему много неприятных вещей, и в конце концов довели его до иступления. Он кричал на всю площадь, что не позволит никому, даже трибунам, распоряжаться в своем собственном доме, а из своей рабыни, которая посмела жаловаться на него, он всю душу вытрясет.

Вернувшись домой, он собственноручно избил Ювентину, после чего приказал рабам отвести ее на Квиринал, в школьный карцер, с наказом палачу, чтобы тот испробовал на ней все имеющиеся в его распоряжении орудия пыток.

Когда ее привели в карцер, палач, оставшись наедине со своей жертвой, поинтересовался, девственница ли она. Ювентина ответила утвердительно. И тогда палач воскликнул:

– Как? Пытать девственницу? Это же неслыханно!

Он тут же повалил ее на пол, изнасиловал и лишь после этого вздернул на дыбу...

Глава десятая

ГЛАДИАТОР МЕМНОН

Продолжение

Буря рукоплесканий прервала эти тяжелые воспоминания Ювентины, вернув ее к действительности.

Гладиаторы уже закончили церемониальный обход арены, и в центре ее изготовились к единоборству два гладиатора-«провокатора».

– Ставлю шесть золотых на Филоту против Перисада, – сказал Клодий, обращаясь к Минуцию.

– Идет! – ответил тот.

Шум толпы утих.

В наступившей тишине раздались звенящие удары двух мечей.

Перисаду не повезло при первом же выпаде Филоты, который нанес ему внезапный молниеносный укол, ранив в левое плечо.

– Есть! – завопила толпа, увидев первую кровь.

Перисад получил довольно серьезную рану. Он уже истекал кровью, и рука его, державшая щит, начала цепенеть. Но он нашел в себе силу и мужество, чтобы серией отчаянных ударов оттеснить Филоту к краю арены.

Толпа загудела.

Отступающих зрители не любили. Это считалось трусостью. Гладиатор, отходивший во время боя слишком близко к краю арены, рисковал получить позорный удар бичом – по всей округности арены, рядом с закованными в латы стражниками, находились специальные служители, державшие в руках длинные плети и длинные копья с раскаленными на огне наконечниками, которыми они прижигали сзади отступающих бойцов, понуждая их смелее бросаться на противников.

Филота не избежал удара плетью, которой его ударил один из служителей. Но он, видимо, знал, что делает: противник его слабел, и Филота продолжал обороняться, постепенно перемещаясь к центру арены. Наконец, увидев, что Перисад уже с трудом удерживает щит в онемевшей руке, Филота перешел в наступление.

Перисад отчаянно защищался, отражая колющие и рубящие удары противника, но тот вскоре поверг его на песок арены, ранив в ту часть груди, которая не была прикрыта кожаным полудоспехом, под бурный всплеск криков и аплодисментов зрителей.

Бледный, как мрамор, Перисад лежал, прижатый к арене ногой победителя. Грудь его судорожно вздымалась и опускалась. Он с мольбой протянул правую руку к зрителям.

Но толпа недовольно шумела, словно считала себя обманутой тем, что борьба между «провокаторами» закончилась слишком быстро.

– Прирежь его! – со всех сторон раздавались безжалостные голоса.

– *Recipe tellum!*³⁰³ – слышались из передних рядов тонкие голоса детей, с удовольствием повторявших эту традиционную на гладиаторских играх жестокую фразу и вращавших опущенными вниз большими пальцами своих рученок – знаком смертного приговора поверженному гладиатору.

Рука Перисада, протянутая к зрителям, безвольно упала на песок.

³⁰³ Прими (последний) удар! (*лат.*)

Для него все было кончено. Он покорно подставил свою шею под удар торжествующего противника, и тот без промедления коротким взмахом отточенного, как бритва, клинка перерезал ему горло, из которого фонтаном брызнула кровь.

Перисад несколько раз дернул ногами и испустил дух.

Филота, выпрямившись во весь рост, гордо поднял над головой окровавленный меч и, заслужив аплодисменты, покинул арену.

Тем временем из пышно украшенных цветами Либитинских ворот вышли два человека в масках бога Меркурия, который, по представлениям римлян, сопровождал души умерших в подземное царство Плутона, и этрусского бога Харуна, страшного демона смерти.

«Меркурий» держал в руке жезл-кадуцей, обвитый двумя змеями.

Маска «Харуна» изображала страшилище с отвратительным крючковатым носом, заостренными ушами и была выкрашена в мертвенно-голубой цвет. В руках он нес огромный молоток – этим молотком, как думали этруски и римляне, неумолимый демон наносил умирающему последний роковой удар.

Это был установленный обычаям ритуал во время гладиаторских игр.

Сопровождаемые несколькими служителями «Меркурий» и «Харун» приблизились к лежавшему в луже крови Перисаду.

По знаку «Меркурия» один из служителей прикоснулся к телу гладиатора раскаленным железным прутом, чтобы удостовериться в его смерти.

После этого служители, подцепив труп специальными крючьями, поволокли его через Ворота смерти в сполларий.

Еще двое служителей принесли мешок с киноварью и тщательно присыпали ею кровь на том месте, где лежал гладиатор.

Минуций отсчитывал Клодию свой проигрыш.

Ювентина, в первый раз и так близко увидевшая смерть человека, с безжалостным хладнокровием зарезанного у нее на глазах, сидела задумчивая и серьезная.

– Надеюсь, моя милая, ты не упадешь в обморок от всего увиденного здесь? – шутивным тоном обратился к ней Минуций, чтобы скрыть досаду от своей неудачи.

Ювентина отрицательно покачала головой.

– Наверное, душа моя очерствела за то время, пока я была рабыней гладиаторского ланисты. Я знала многих, кто не вернулся с арены, и привыкла к разговорам окружающих о крови, о смерти... Нет, я не испытала ничего, кроме отвращения, и еще подумала, как могут столько людей наслаждаться зрелищем убийства себе подобных...

Минуций взглянул на нее с видом превосходства.

– Что ж, никто не отрицает, жестоки гладиаторские зрелища, многим они кажутся бесчеловечными и, пожалуй, так оно и есть. Но эти варвары и преступники дают нам, свободным и просвещенным, культурным и изнеженным, лучшие уроки мужества против боли и смерти. Да и им самим, обреченным на смерть по приговору, разве не лучше расстаться с жизнью на арене, в пылу борьбы и пусть со слабой, но все же надеждой сохранить ее, чем умереть от руки палача?

– Ну, я-то хорошо знаю, что среди гладиаторов очень много таких, которые не совершали преступлений, – тихо возразила Ювентина.

– Видимо, так угодно богам, девушка, чтобы человек был и до конца дней своих оставался актером, играющим свою роль на сцене жизни, – с усмешкой произнес Минуций. – Да и что такое жизнь, как не театральное представление великой постановщицы по имени Фортуна. Если уж ей надо, чтобы кто-нибудь сыграл роль раба или даже гладиатора, то и ее должно сыграть талантливо, – по-философски заключил он.

– Ну, что же, Минуций, твой черед! Не соизволишь ли сделать ставку? – обратился к Минуцию Клодий.

– Ставлю двадцать золотых на «ретиариев»! – заявил Минуций.

– Принимается! Двадцать золотых на «секуторов»!

– Посмотрим, что он из себя представляет, этот твой Сатир, – подмигнув Ювентине, сказал Минуций.

В это время «секуторы» и «ретиарии» уже выстраивались на арене друг против друга.

Толпа долго аплодировала, потом смолкла.

Со стороны Либитинских ворот донесся грохот барабанов и раздались призывные звуки труб.

«Ретиарии» первыми ринулись вперед, почти одновременно бросив на противников свои сети, но только две из пяти достигли цели.

Один из «секуторов» совершенно запутался в ловко заброшенной на него сети, а удачно бросивший ее «ретиарий», высокий молодой человек с прекрасно развитой мускулатурой и необычайно подвижный в два прыжка оказался рядом и покончил со своим противником одним ударом своего трезубца.

Второму «секутору», попавшему в сеть, почти сразу удалось освободиться от нее, правда, не совсем – она зацепилась за острые верхние углы его щита. Поэтому он встретил своего врага, юношу лет двадцати с белокурыми волосами, выдававшими его галльское происхождение, с мечом и со щитом в руках. Хотя его щит, опутанный сетью, которая волочилась за ним по арене, мешал «секутору» передвигаться, все же он с успехом отражал им удары фусцины, наносимые белокурым «ретиарием».

Но вскоре на помощь последнему пришел его проворный товарищ, только что поймавший в сеть и сразивший своего противника. Он сильным и точным ударом в голову свалил и этого второго «секутора».

Тот упал мертвым, даже не вскрикнув.

Толпа разразилась рукоплесканиями.

– Сатир!.. Слава Сатиру! – кричали тысячи голосов.

Но именно в это время двое «секуторов», преследовавшие двух «ретиариев», которые неудачно бросили свои сети, покончили с обоими у самых ворот Смерти.

Здесь «ретиарии» пытались отбиться своими хрупкими фусцинами от мечей тяжело-вооруженных латников в отчаянной надежде выиграть драгоценные мгновения, с тем чтобы более удачливые их товарищи успели прийти к ним на помощь.

«Секуторы» ожесточенно наступали на них, прижимая к краю арены, где служители стали хлестать «ретиариев» бичами и прижигать сзади раскаленными остриями копий под одобрительные возгласы зрителей.

– Поддай увальню!

– Врежь хорошенько!

– Прижги, прижги его!

– Дай ему!

Один из «ретиариев» сделал попытку рывком проскользнуть между двумя противниками, но нападавший на него «секутор» угадал движение врага и, бросившись наперерез, вонзил ему в бок свой короткий меч. После этого участь второго «ретиария» была решена – вскоре и он пал, раненный в спину и в живот. Оба гладиатора корчились на песке, умирая в жестоких муках. Крики их заглушал похоронный гром барабанов.

«Секуторам» некогда было их добивать, чтобы избавить от лишних страданий. Они уже спешили навстречу Сатиру и его товарищу-галлу, которые подобрали сети выбывших из боя «ретиариев» и готовили их к новым броскам.

На этот момент положение сторон уравнилось. Третий «ретиарий», потерявший сеть и преследуемый своим противником, третьим из оставшихся в живых «секуторов», со всех ног обежал более половины круга краем арены и вернулся к тому месту, где лежала его сеть. Под-

хватив ее, он быстро отступил к Рострам, готовый снова обрушить сеть на своего преследователя, который теперь приближался к нему, соблюдая осторожность, так как боялся попасть в ловушку.

В это время Сатир, полагаясь, видимо, больше на свои собственные силы и опытность, чем на отвагу и расторопность недостаточно обученных товарищей, крикнул белокурому галлу:

– Астианакс! Помоги Лингону, а я их задержу...

Молодой галл повиновался, стремительно бросившись к Рострам, у которых «ретиарий» Лингон спустя мгновение кинул сеть на противника и снова промахнулся. Бросок Астианакса был более удачен – «секутор» запутался в накрывшей его сети под гром рукоплесканий зрителей. Не забывая о Сатире, галл тотчас повернул к нему на выручку, предоставив Лингону самому разделаться с обреченным врагом.

Тем временем Сатир, подвергшийся двойному нападению, оказался в большой опасности, хотя ему и удалось с изумительной ловкостью опутать сетью одного из «секуторов». Теперь он, размахивая трезубцем, старался удерживать второго противника на расстоянии до тех пор, пока не подспеют на помощь товарищи-«ретиарии».

Оставшийся один против троих врагов «секутор», понимая, что наступил момент роковой развязки, с отчаянием устремился вперед. Сатир едва успел вонзить в его шит свою фусцину, как «секутор» резким и сильным ударом меча перерубил ее древко. Обезоруженный «ретиарий» отпрянул в сторону, каким-то чудом избежав острия клинка, которым «секутор» в молниеносном выпаде лишь слегка порезал кожу на его левом предплечье. Но второго удара «секутор» нанести не успел, потому что Астианакс с разбегу вонзил ему в бок свой трезубец. Раненый гладиатор закричал и повалился на арену. Галл добил его следующим ударом, чтобы прекратить мучительную агонию.

Победа досталась «ретиариям». Лингон заколол «секутора», запутавшегося в сети Астианакса, прямо у подножия Ростральной трибуны, доставив удовольствие расположившимся на ней магистратам. Последний из оставшихся в живых «секуторов», попавший в сеть, которую набросил на него Сатир, получил помилование от зрителей, справедливо рассудивших, что все без исключения гладиаторы сражались доблестно и смело шли навстречу смерти.

– Ты должен поделиться своим выигрышем с этим проклятым Сатиром, – с досадой проворчал Клодий, отдавая Минуцию двадцать золотых монет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.